

Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

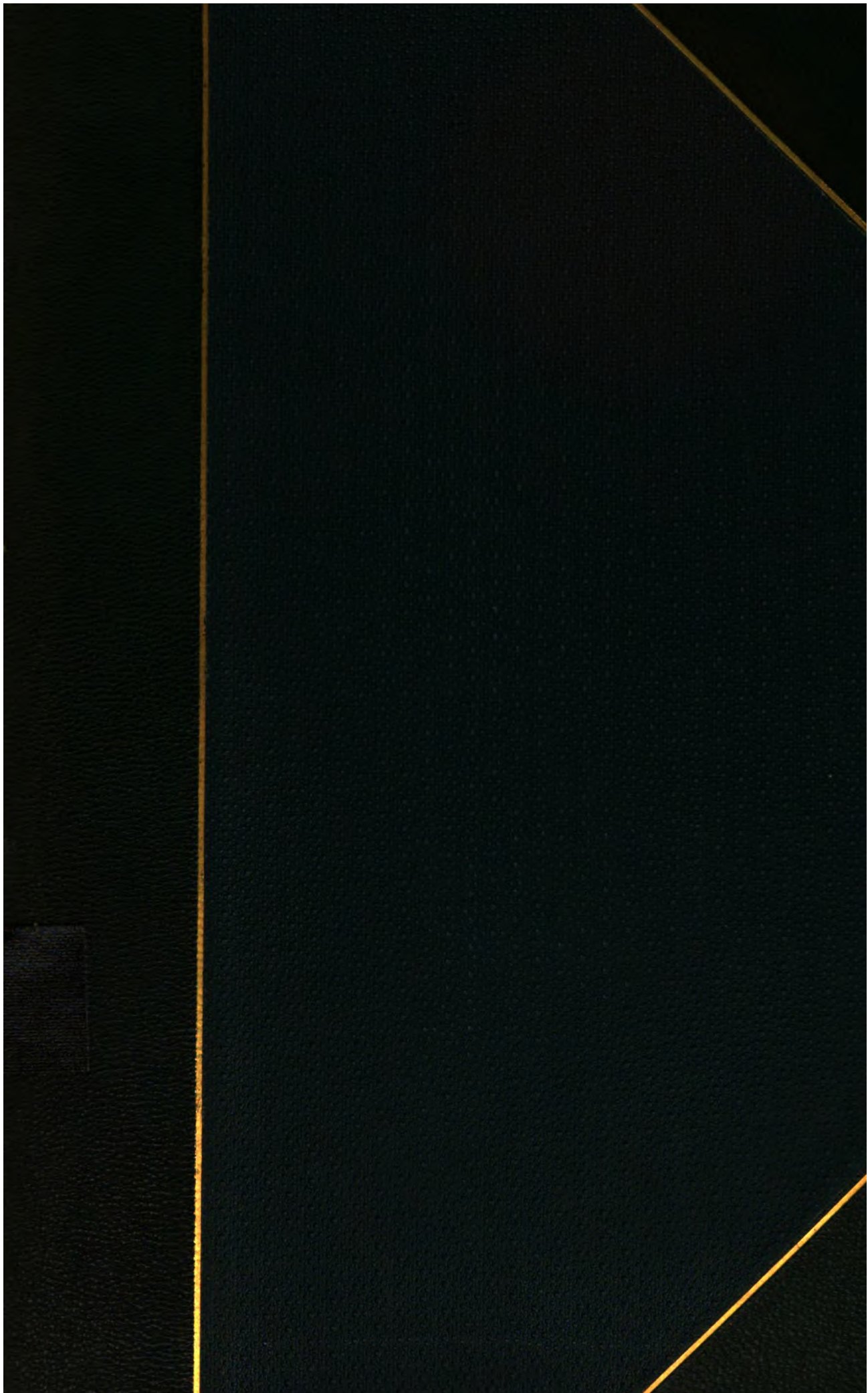
This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

For more information see:

<http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

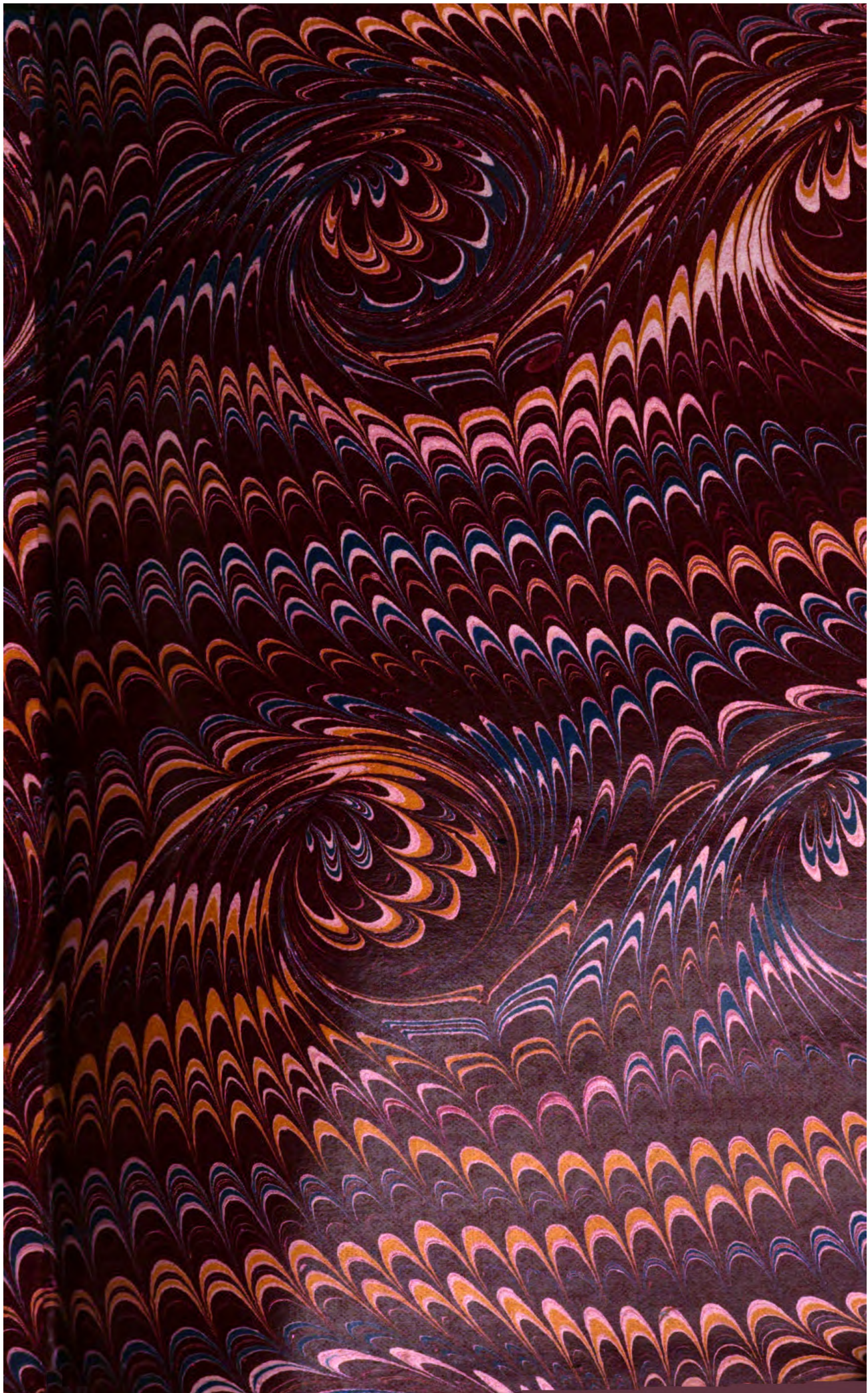

Vet. ~~283~~ 5
PG-3340.A1.1838 (5)

~~300~~ 7

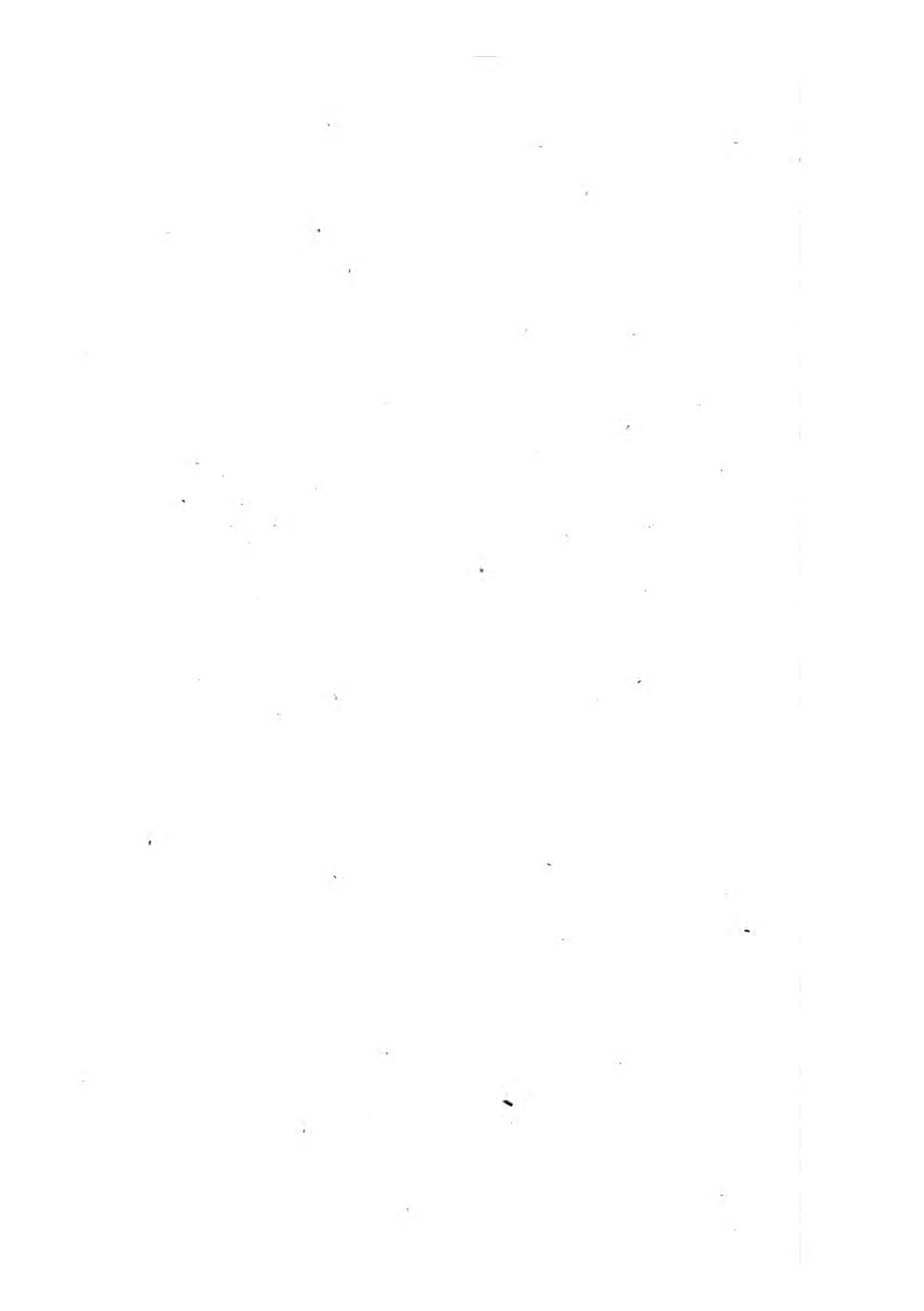

Presented by Mrs. Stallybrass
Confined to Library ^{V PROV.}

СОЧИНЕНІЯ А. ПУШКИНА.

V.

СОЧИНЕНІЯ

Александра Пушкина.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭКСПЕДИЦИИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ,

МДСССХХХVIII.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛИТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, Апрѣля 3 дня 1837 года.

Ценсоръ Никитенко.

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА.

Мнѣ кажется сего вора всѣхъ замысловъ и походовъ не только посред-
ственному, но иже самому превосходнѣйшему историкъ порядочно описать
едва-ли бы удалось; коего всѣ затѣи не отъ разума и воинскаго распорядка,
но отъ дерзости, случая и удачи зависѣли. Почему и самъ Пугачевъ (думаю)
подробностей оныхъ не только рассказать, но нарочито части припомнить
не въ состоянн, послѣку не отъ его одного непосредственно, но отъ многихъ
его сообщниковъ полной воли и удалства въ разныхъ мѣстахъ про-
исходили.

Архимандритъ Платонъ Любарскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сей историческій отрывокъ составлялъ часть труда, мною оставленнаго. Въ немъ собрано все, что было обнародовано Правительствомъ, касательно Пугачева, и то, что показалось мнѣ достовѣрнымъ въ иностранныхъ писателяхъ, говорившихъ о немъ. Также имѣлъ я случай пользоваться нѣкоторыми рукописями, преданіями и свидѣтельствомъ живыхъ.

Дѣло о Пугачевѣ, донынѣ нераспечатанное, находилось въ Государственномъ Санктпетербургскомъ Архивѣ, вмѣстѣ съ другими важными бумагами, нѣкогда тайнами государственными, нынѣ превращенными въ историческіе матеріалы. Государь Императоръ, по своемъ восшествіи на престолъ, приказалъ привести ихъ въ порядокъ. Сіи сокровища вынесены были изъ подваловъ, гдѣ нѣ-

сколько наводненій посѣтило ихъ и едва не уничтожило.

Будущій историкъ, коему позволено будетъ распечатать дѣло о Пугачевѣ, легко исправить и дополнить мой трудъ — конечно несовершенный, но добросовѣстный. Историческая страница, на которой встрѣчаются имена Екатерины, Румянцова, двухъ Паниныхъ, Суворова, Бибикова, Михельсона и Державина, не должна быть затеряна для потомства.

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Начало Яицкихъ Казаковъ. — Повѣстическое преданіе. — Царская Грамота. — Грабежи на Каспійскомъ морѣ. — Стенька Разинъ. — Нечай и Шамай. — Предположенія Петра Великаго. — Внутреннія безпокойства. — Побѣгъ кочующаго народа. — Бунтъ Яицкихъ Казаковъ. — Ихъ усмиреніе.

Яикъ, по указу Екатерины II переименованный въ Уралъ, выходитъ изъ горъ, давшихъ ему нынѣшнее его названіе; течетъ къ югу вдоль ихъ цѣпи, до того мѣста, гдѣ нѣкогда положено было основаніе Оренбургу и гдѣ теперь находится Орская крѣпость; тутъ, раздѣливъ каменистый хребтъ ихъ, поворачиваетъ на западъ, и протекши болѣе двухъ тысячъ пяти сотъ верстъ, впадаетъ въ Каспійское морѣ. Онъ орошаетъ часть Башкиріи, составляетъ

почти всю юго-восточную границу Оренбургской губернии; справа примыкают къ нему завожскія степи; слѣва простираются печальныя пустыни, гдѣ кочуютъ орды дикихъ племенъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ Киргизъ - Кайсаковъ. Его теченіе быстро; мутныя воды наполнены рыбою всякаго рода; берега большею частію глинистые, песчаные и безлѣсные, но въ мѣстахъ поемныхъ удобные для скотоводства. Близъ устья обросъ онъ высокимъ камышемъ, гдѣ кроются кабаны и тигры.

На сей-то рѣкѣ, въ пятнадцатомъ столѣтіи, явились Донскіе Казаки, развѣзжавшіе по Хвальнскому морю¹. Они зимовали на ея берегахъ, въ то время еще покрытыхъ лѣсомъ и безопасныхъ по своему уединенію; весною снова пускались въ море, разбойничали до глубокой осени, и къ зимѣ возвращались на Яикъ. Подаваясь все вверхъ съ одного мѣста на другое, наконецъ они избрали себѣ постояннымъ пребываніемъ урочище Коловратное, въ шестидесяти верстахъ отъ нынѣшняго Уральска.

Въ сосѣдствѣ новыхъ поселенцевъ кочевали нѣкоторыя Татарскія семейства, отдѣлившіяся отъ улусовъ Золотой Орды и искавшія привольныхъ пажитей на берегахъ того же Яика. Сначала оба племени враждовали между собою, но въ послѣдствіи времени вошли въ дружелюбныя сношенія: казаки стали получать женъ изъ Татарскихъ улусовъ.

Сохранилось поэтическое преданіе: казаки, страстные къ холостой жизни, положили между собой убивать приживаемыхъ дѣтей, а женъ бросать при выступленіи въ новый походъ. Одинъ изъ ихъ атамановъ, по имени Гугня, первый преступилъ жестокой законъ, пощадивъ молодую жену, и казаки, по примѣру атамана, покорились игу семейственной жизни. Донцынъ, просвѣщенные и гостепріимные, жители Уральскихъ береговъ пьютъ на своихъ ширахъ здоровье бабушки Гугнихи ².

Живя набѣгами, окруженные непріязненными племенами, казаки чувствовали необходимость въ сильномъ покровительствѣ, и въ царствованіе Михаила Феодоровича послали отъ себя въ Москву просить Государя, чтобъ онъ принялъ ихъ подъ свою высокую руку. Поселеніе казаковъ на безхозійномъ Яикѣ могло казаться завоеваніемъ, коего важность была очевидна. Царь обласкалъ новыхъ подданныхъ, и пожаловалъ имъ грамоту ³ на рѣку Яикъ, отдавъ имъ ее отъ вершины до устья и дозволя имъ набираться на житье вольными людьми.

Число ихъ часъ отъ часу умножалось. Они продолжали разѣзжать по Каспійскому морю, соединялись тамъ съ Донскими Казаками, вмѣстѣ нападали на торговья Персидскія суда, и грабили приморскія селенія. Шахъ жаловался Царю. Изъ

Москвы посланы были на Донъ и на Яикъ увѣщательныя грамоты.

Казаки на лодкахъ, еще нагруженныхъ добычею, поѣхали Волгою въ Нижній - Новгородъ; оттолкъ отправились въ Москву, и явились ко Двору съ повинною головою, каждый неся топоръ и плаху. Имъ велѣно было ѣхать въ ольгу и подъ Ригу, заслуживать тамъ свои вины; а на Яикъ посланы были Стрѣльцы, въ послѣдствіи времени составившіе съ казаками одно племя.

Стенька Разинъ посѣтилъ Яицкія жилища. По свидѣтельству лѣтописей, казаки приняли его какъ непріятеля. Городокъ ихъ былъ взятъ симъ отважнымъ мятежникомъ, а Стрѣльцы, тамъ находившіеся, побиты или потоплены ^{и т. д.} 4.

Преданіе, согласное съ Татарскимъ лѣтописцемъ, относитъ къ тому же времени походы двухъ Яицкихъ атамановъ, Нечая и Шама^и 5. Первый, набравъ вольницу, отправился въ Хиву, въ надеждѣ на богатую добычу. Счастіе ему благопріятствовало. Совершивъ трудный путь, казаки достигли Хивы. Ханъ съ войскомъ своимъ находился тогда на войнѣ. Нечай овладѣлъ городомъ безъ всякаго препятствія; но зажилъ въ немъ, и поздно выступилъ въ обратный походъ. Обремененные добычею, казаки были настигнуты возвратившимся ханомъ, и на берегу Сыръ-Дарьи разбиты и истре-

блены. Не болѣе трехъ возвратилось на Яикъ, съ объявленіемъ о гибели храбраго Нечая. Нѣсколько лѣтъ послѣ, другой атаманъ, по прозванію Шамай, пустился по его слѣдамъ. Но онъ попался въ плѣнъ степнымъ Калмыкамъ, а казаки его отправились далѣе, сбились съ дороги, на Хиву не попали, и пришли къ Аральскому морю, на которомъ принуждены были зимовать. Ихъ постигнулъ голодъ. Несчастные бродяги убивали и ѣли другъ друга. Большая часть погибла. Остальные послали наконецъ отъ себя къ Хивинскому Хану просить, чтобъ онъ ихъ принялъ и спасъ отъ голодной смерти. Хивинцы пріѣхали за ними, забрали всѣхъ и отвели рабами въ свой городъ. Тамъ они и пропали. Шамай же, нѣсколько лѣтъ послѣ, привезенъ былъ Калмыками въ Яицкое войско, вѣроятно, для размѣна. Съ тѣхъ поръ у казаковъ охота къ дальнимъ походамъ охладѣла. Они мало по малу привыкли къ жизни семейной и гражданственной.

Яицкіе Казаки послушно несли службы по наряду Московскаго Приказа; но дома сохраняли первоначальный образъ управленія своего. Совершенное равенство правъ; атаманы и старшины, избираемые народомъ; временные исполнители народныхъ постановленій; круги, или совѣщанія, гдѣ каждый казакъ имѣлъ свободный голось и гдѣ всѣ общественныя дѣла рѣшены были большинствомъ голосовъ; ника-

кихъ письменныхъ постановленій; ^{и такъ} въ куль да въ воду — за измѣну; трусость, убійство и воровство: таковы главные черты сего управленія ⁶. Къ простымъ и грубымъ учрежденіямъ, еще принесеннымъ ими съ Дона, Яицкіе Казаки присовокупляли и другія, мѣстныя, относящіяся къ рыболовству, главному источнику ихъ богатства, и къ праву нанимать на службу требуемое число казаковъ, учрежденія чрезвычайно сложныя и опредѣленныя съ величайшею утонченностію ⁷.

Петръ Великій принялъ первыя мѣры для введенія Яицкихъ Казаковъ въ общую систему государственнаго управленія. Въ 1720 году Яицкое войско отдано было въ вѣдомство Военной Коллегіи. Казаки возмутились, сожгли свой городокъ, съ намѣреніемъ, бѣжать въ Киргизскія степи; но были жестоко усмирены Полковникомъ Захаровымъ. Сдѣлана была имъ перепись, опредѣлена служба и назначено жалованье. Государь самъ назначилъ Войсковаго Атамана.

Въ царствованіе Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны Правительство хотѣло исполнить предположенія Петра. Тому благопріятствовали возникшіе раздоры между Войсковымъ Атаманомъ Меркульевымъ и Войсковымъ Старшиною Логиновымъ, и раздѣленіе чрезъ то казаковъ на двѣ стороны: Атаманскую и Логиновскую, или народную.

Въ 1740 году, положено было преобразовать внутреннее управленіе Яицкаго войска, и Неплюевъ, бывшій въ то время Оренбургскимъ Губернаторомъ, представилъ въ Военную Коллегію проектъ новаго учрежденія; но большая часть предположеній и предписаній остались безъ исполненія до восшествія на престолъ Государыни Еккатерины II.

Съ самага 1762 года, стороны Логиновской Яицкіе Казаки начали жаловаться на различпыя притѣсненія, ими претерпѣваемыя отъ членовъ Канцеляріи, учрежденной въ войскѣ Правительствомъ: на удержаніе опредѣленнаго жалованья самовольные налоги и нарушеніе старинныхъ правъ и обычаевъ рыбной ловли. Чиновники, посылаемые къ нимъ для разсмотрѣнія ихъ жалобъ, не могли или не хотѣли ихъ удовлетворить. Казаки неоднократно возмущались, и Генераль-Маіоры Потаповъ и Череповъ (первый въ 1766 году, а второй въ 1767) принуждены были прибѣгнуть къ силѣ оружія и къ ужасу казней. Въ Яицкомъ городкѣ учреждена была слѣдственная коммисія. Въ ней присутствовали Генераль-Маіоры Потаповъ, Череповъ, Бримфельдъ и Давыдовъ, и Гвардіи Капитанъ Чебышевъ. Войсковой Атаманъ Андрей Бородинъ былъ отставленъ; на его мѣсто выбранъ Петръ Тамбовцевъ; члены Канцеляріи осуждены уплатить войску, сверхъ удержанныхъ денегъ, значительную

пеню; но они умѣли избѣгнуть исполненія приговора. Казаки не теряли надежды. Они покушались довести до свѣдѣнія самой Императрицы справедливыя свои жалобы. Но тайно посланные отъ нихъ люди были, по повелѣнiю президента Военной Коллеги, Графа Чернышева, схвачены въ Петербургѣ, заключены въ оковы, и наказаны какъ бунтовщики. Между тѣмъ велѣно было нарядить нѣсколько сотъ казаковъ на службу въ Кизляръ. Мѣстное начальство воспользовалось и симъ случаемъ, дабы новыми притѣсненiями мстить народу за его сопротивленiя. Узнали, что Правительство имѣло намѣренiе составить изъ казаковъ гусарскiе эскадроны, и что уже повелѣно брить имъ бороду. Генераль-Маюръ Траубенбергъ, присланный для того въ Яицкой городокъ, навлекъ на себя народное негодованiе. Казаки волновались. Наконецъ, въ 1771 году, мятежъ обнаружился во всей своей силѣ.

Происшествiе, не менѣе важное, подало къ оному поводъ. Между Волгой и Яикомъ, по необозримымъ степямъ Астраханскимъ и Саратовскимъ, кочевали мирныя Калмыки, въ началѣ осьмнадцатаго столѣтiя ушедшия отъ границъ Китая подъ покровительство Бѣлаго Царя. Съ тѣхъ поръ они вѣрно служили Россiи, охраняя южныя ея границы. Русскiе приставы, пользуясь ихъ простотою и

отдаленностию отъ средоточія Правленія, начали ихъ угнетать. Жалобы сего смирнаго и добраго народа не доходили до высшаго начальства: выведенные изъ терпѣнія, они рѣшились оставить Россію, и тайно снеслись съ Китайскимъ Правительствомъ. Имъ не трудно было, не возбуждая подозрѣнія, прикочевать къ самому берегу Яика. И вдругъ, въ числѣ тридцати тысячъ кибитокъ, они перешли на другую сторону, и потянулись по Киргизской степи къ предѣламъ прежняго отечества⁸. Правительство спѣшило удержать несожиданный побѣгъ. Яицкому войску велѣно было выступить въ погоню; но казаки (кромя весьма малаго числа) не послушались, и явно отказались отъ всякой службы.

Тамошніе начальники прибѣгнули къ строжайшимъ мѣрамъ, для прекращенія мятежа; но наказанія уже не могли смирить ожесточенныхъ. 15 Января 1771 года, они собрались на площади, взяли изъ церкви иконы, и пошли, подъ предводительствомъ казака Кирпичникова, въ домъ Гвардіи Капитана Дурнова, находившагося въ Яицкомъ городкѣ по дѣламъ слѣдственной коммисіи. Они требовали отрѣшенія членовъ Канцеляріи и выдачи задержаннаго жалованья. Генераль-Маіоръ Траубенбергъ пошелъ имъ навстрѣчу съ войскомъ и пушками, приказывая разойтись; но ни его

повелѣнія, ни увѣщанія Войсковаго Атамана не имѣли никакого дѣйствія. Траубенбергъ велѣлъ стрѣлять; казаки бросились на пушки. Произошло сраженіе; мятежники одолѣли. Траубенбергъ былъ убитъ у воротъ своего дома, Дурновъ израненъ, Тамбовцевъ повѣшенъ, члены Канцеляріи посажены подъ стражу, а на мѣсто ихъ учреждено новое начальство.

Мятежники торжествовали. Они отправили отъ себя выборныхъ въ Петербургъ, дабы объяснить и оправдать кровавое происшествіе. Между тѣмъ Генераль-Маіоръ Фрейманъ посланъ былъ изъ Москвы, для ихъ усмиренія, съ одною ротой гренадеръ и съ артиллеріей. Фрейманъ весною прибылъ въ Оренбургъ, гдѣ дождался слитія рѣкъ, и, взявъ съ собою двѣ легкія полевыя команды и нѣсколько казаковъ, пошелъ къ Лицкому городку⁹. Мятежники, въ числѣ трехъ тысячъ, выѣхали противъ него; оба войска сошлись въ семидесяти верстахъ отъ города. 3 и 4 Іюня произошли жаркія сраженія. Фрейманъ картечью открылъ себѣ дорогу. Мятежники прискакали въ свои дома, забрали женъ и дѣтей, и стали переправляться черезъ рѣку Чаганъ, намѣреваясь бѣжать къ Каспійскому морю. Фрейманъ, вслѣдъ за ними вступившій въ городъ, успѣлъ удержать народъ угрозами и увѣщаніями. За ушедшими послана погоня, и почти всѣ были:

переловлены. Въ Оренбургѣ учредилась слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ Полковника Неронова. Множество мятежниковъ было туда отправлено. Въ тюрьмахъ не достало мѣста. Ихъ разсадили по лавкамъ гостиного и мѣноваго дворовъ. Прежнее Казацкое Правленіе было уничтожено. Начальство поручено Лицкому Коменданту, Подполковнику Симонову. Въ его Канцеляріи повелѣно присутствовать Войсковому Старшинѣ Мартемьяну Бородину и Старшинѣ (простому) Мостовщикову. Зачинщики бунта наказаны были кнутомъ; около ста сорока человѣкъ сослано въ Сибирь; другіе отданы въ солдаты (НВ всѣ бѣжали); остальные прощены и приведены ко вторичной присягѣ. Сіи строгія и необходимыя мѣры возстановили наружный порядокъ; но спокойствіе было ненадежно. «То ли еще будетъ!» говорили прощенные мятежники: «такъ ли мы трящемъ Москвою.» — Казаки все еще были раздѣлены на двѣ стороны: согласную и несогласную (или, какъ весьма точно переводила слова сіи Военная Коллегія, на послушную и непослушную). Тайныя совѣщанія происходили по степнымъ умстамъ¹⁰ и отдаленнымъ хуторамъ. Все предвѣщало новый мятежь. Не доставало предводителя. Предводитель сыскался.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Появление Пугачева. — Бѣгство его изъ Казани. — Показанія Кожевникова. — Первые успѣхи самозванца. — Измѣна Илецкихъ Казаковъ. — Взятіе крѣпости Разсыпной. — Нурали-Ханъ — Распоряженіе Рейнсдорпа. — Взятіе Нижне-Озерной. — Взятіе Татищевой. — Совѣтъ въ Оренбургѣ. — Взятіе Чернорыченской. — Пугачевъ въ Сакмарскѣ.

Въ смутное сіе время, по казацкимъ дворамъ шатался неизвѣстный бродяга, нанимаясь въ работники то къ одному хозяину, то къ другому, и принимаясь за всякія ремесла ¹¹. Онъ былъ свидѣтелемъ усмиренія мятежа и казни зачинщиковъ, уходилъ на время въ Иргизскіе скиты; оттуда, въ концѣ 1772 года, посланъ былъ для закупки рыбы въ Яицкой городокъ, гдѣ и стоялъ у казака Дениса Пьянова. Онъ отличался дерзостію своихъ рѣчей, поносилъ начальство и подговаривалъ ка-

заковъ бѣжать въ области Турецкаго Султана; онъ увѣрялъ, что и Донскіе Казаки не замедлятъ за ними послѣдовать, что у него на границѣ заготовлено двѣсти тысячъ рублей и товару на семьдесятъ тысячъ, и что какой-то паша, тотчасъ по приходѣ казаковъ, долженъ имъ выдать до пяти милліоновъ; покаместъ обѣщаль онъ каждому по двѣнадцати рублей въ мѣсяцъ жалованья. Сверхъ того сказывалъ онъ, будто бы ^{иногда} противу Яицкихъ Казаковъ изъ Москвы идутъ два полка и что около Рождества, или Крещенія, непременно будетъ бунтъ. Нѣкоторые изъ послушныхъ хотѣли его поймать и представить, какъ возмутителя, въ Комендантскую Канцелярію; но онъ скрылся вмѣстѣ съ Денисомъ Пьяновымъ, и былъ пойманъ уже въ селѣ Мальковкѣ (что нынѣ Волгскъ) по указанію крестьянина, ѣхавшаго съ нимъ одною дорогою ¹². Сей бродяга былъ Емельянъ Пугачевъ, Донской Казакъ и раскольникъ, пришедшій съ ложнымъ письменнымъ видомъ изъ-за Польской ^{границы} границы, съ намѣреніемъ поселиться на рѣкѣ Иргизѣ, среди тамошнихъ раскольниковъ. Онъ былъ отосланъ подъ стражею въ Симбирскъ, а оттуда въ Казань; и какъ все, относящееся къ дѣламъ Яицкаго войска, по тогдашнимъ обстоятельствамъ могло казаться важнымъ, то Оренбургскій Губернаторъ и почелъ за нужное увѣдо-

мить о томъ Государственную Военную Коллегію, донесеніемъ отъ 18 Января 1775 года.

Яицкіе бунтовщики были тогда не рѣдки, и Казанское начальство не обратило большаго вниманія на присланнаго преступника. Пугачевъ содержался въ тюрьмѣ не строже прочихъ невольниковъ. Между тѣмъ сообщники его не дремали. Однажды онъ, подъ стражею двухъ гарнизонныхъ солдатъ, ходилъ по городу, для собиранія милостыни. У Замочной Рѣшетки (такъ называлась одна изъ главныхъ Казанскихъ улицъ) стояла готовая тройка. Пугачевъ, подошедъ къ ней, вдругъ оттолкнулъ одного изъ солдатъ, его сопровождавшихъ; другой помогъ колоднику сѣсть въ кибитку, и вмѣстѣ съ нимъ ускакалъ изъ города. Это случилось 19 Юня 1775 года. Три дня послѣ, изъ Казани получено было утвержденное въ Петербургѣ рѣшеніе суда, по коему Пугачевъ приговоренъ къ наказанію плетью и къ ссылке въ Пелымъ, на каторжную работу ¹³.

Пугачевъ явился на хуторахъ отставнаго казака Данилы Шелудякова, ^{farm} у котораго жилъ онъ прежде въ работникахъ. Тамъ производились тогда совѣщанія злоумышленниковъ.

Сперва дѣло шло о побѣгѣ въ Турцію: мысль издавна общая всѣмъ недовольнымъ казакамъ. Извѣстно, что въ царствованіе Анны Іоанновны,

Игнатій Некрасовъ успѣлъ привести ее въ дѣйство и увлечь за собой множество Донскихъ Казаковъ. Потомки ихъ донинѣ живутъ въ Турецкихъ областяхъ, сохраняя на чуждой имъ родинѣ вѣру, языкъ и обычаи прежняго своего отечества. Во время послѣдней Турецкой войны они дрались противу насъ отчаянно. Часть ихъ явилась къ Императору Николаю, уже переплывшему Дунай на Запорожской лодкѣ; такъ же какъ остатокъ Сѣчи, они принесли повинную за своихъ отцевъ, и возвратились подъ владычество законнаго своего Государя.

Но Яицкіе заговорщики слишкомъ привязаны были къ своимъ богатымъ, родимымъ берегамъ. Они, вмѣсто побѣга, положили быть новому мятежу. Самозванство показалось имъ надежною пружиною. ^{исполнители} Для сего нуженъ былъ только прощлецъ дерзкій и рѣшительный, еще не извѣстный народу. Выборъ ихъ палъ на Пугачева. Имъ не трудно было его уговорить. Они немедленно начали собирать себѣ сообщниковъ.

Военная Коллегія дала знать о побѣгѣ Казанскаго колодника во всѣ мѣста, гдѣ, по предположеніямъ, могъ онъ укрываться. Вскорѣ Подполковникъ Симоновъ узналъ, что бѣглеца видѣли на хуторахъ, находящихся около Яицкаго городка. Отряды были посланы для поимки Пугачева, но

не имѣли въ томъ успѣха: Пугачевъ и его главные сообщники спасались отъ поиска, переходя съ одного мѣста на другое и часъ отъ часу умножая свою шайку. Между тѣмъ разнеслись странные слухи . . . Многіе казаки взяты были подъ стражу. Схватили Михайлу Кожевникова, привели въ Комендантскую Канцелярію, и пыткой вынудили отъ него слѣдующія важныя показанія:

Въ началѣ Сентября находился онъ на своемъ хуторѣ, какъ пріѣхалъ къ нему Иванъ Зарубинъ и объявилъ за тайну, что великая особа находится въ ихъ краю. Онъ убѣждалъ Кожевникова скрыть ее на своемъ хуторѣ. Кожевниковъ согласился. Зарубинъ уѣхалъ, и въ ту же ночь передъ свѣтомъ возвратился съ Тимоѣемъ Мясниковымъ и съ невѣдомымъ человѣкомъ, всѣ трое верхами. Незнакомецъ былъ росту средняго, широкоплечъ и худощавъ. Черная борода его начала сѣдѣть. Онъ былъ въ верблюжьемъ армякѣ, въ голубой Калмыцкой шапкѣ и вооруженъ винтовкою. Зарубинъ и Мясниковъ поѣхали въ городъ *для повстанки народу*, а незнакомецъ, оставшись у Кожевникова, объявилъ ему, что онъ Императоръ Петръ III; что слухи о смерти его были ложны; что онъ, при помощи караульнаго офицера, ушелъ въ Кіевъ, гдѣ скрывался около года; что потомъ былъ въ Царѣградѣ и тайно

находился въ Русскомъ войскѣ во время послѣдней Турецкой войны; что оттуда явился онъ на Дону, и былъ потомъ схваченъ въ Царицынѣ, но вскорѣ освобожденъ вѣрными казаками; что въ прошломъ году находился онъ на Иргизѣ и въ Яицкомъ городкѣ, гдѣ былъ снова пойманъ и отвезенъ въ Казань; что часовой, подкупленный за семьсотъ рублей неизвѣстнымъ купцемъ, освободилъ его снова; что послѣ подѣзжалъ онъ къ Яицкому городку, но узнавъ черезъ одну женщину о строгости, съ каковою нынѣ требуются и осматриваются паспорта, воротился на Сызранскую дорогу, по коей скитался нѣсколько времени, пока наконецъ съ Таловинскаго умета взять Зарубинымъ и Мясниковымъ и привезенъ къ Кожевникову. Выказавъ нелѣпую повѣсть, самозванецъ сталъ объяснять свои предположенія. Онъ намѣренъ былъ обнаружить себя по выступленіи казацкаго войска на *плавню* (осеннее рыболовство), въ избѣжаніе сопротивленія со стороны гарнизона и *напраснаго кровопролитія*. Во время же плавни, хотѣлъ онъ явиться посреди казаковъ, связать Атамана, итти прямо на Яицкой городокъ, овладѣть имъ, и учредить заставы по всѣмъ дорогамъ, дабы никуда преждевременно не дошло о немъ извѣстія. Въ случаѣ же неудачи, думалъ онъ броситься въ Русь, увлечь ее всю за

собою, повсюду поставить новыхъ судей (ибо въ нынѣшнихъ, по его словамъ, присмотрѣна имъ многая неправда), и возвести на престолъ Государя Великаго Князя. *Самъ же я, говорилъ онъ, уже царствовать не желаю.* Пугачевъ на хуторѣ Кожевникова находился три дня; Зарубинъ и Мясниковъ пріѣхали за нимъ, и увезли его на Усихину Розсашь, гдѣ и намѣренъ онъ былъ скрываться до самой плавни. Кожевниковъ, Коноваловъ и Кочуровъ проводили его.

Взятіе подъ стражу Кожевникова и казаковъ, замѣшанныхъ въ его показаніи, ускорило ходъ происшествій. 18 Сентября Пугачевъ, съ Будоринскаго ¹⁴ форпоста, пришелъ подъ Яицкой городокъ съ толпою, изъ трехъ сотъ человекъ состоявшею, и остановился въ трехъ верстахъ отъ города, за рѣкой Чаганомъ.

Въ городѣ все пришло въ смятеніе. Недавно усмиранные жители начали перебѣгать на сторону новыхъ мятежниковъ. Симоновъ выслалъ противъ Пугачева пятьсотъ казаковъ, подкрѣпленныхъ пѣхотою, и съ двумя пушками. Двѣсти казаковъ при Капитанѣ Крыловѣ отряжены были впередъ. Къ нимъ выѣхалъ навстрѣчу казакъ, держа надъ головою возмутительное письмо отъ самозванца. Казаки потребовали, чтобъ письмо было имъ прочтено. Крыловъ тому противился.

Произошелъ мятежъ, и половина отряда тутъ же передалась на сторону самозванца, и потащила съ собою пятьдесятъ вѣрныхъ казаковъ, ухвати за узды ихъ лошадей. Видя измѣну въ своемъ отрядѣ, Крыловъ возвратился въ городъ. Захваченные казаки приведены были къ Пугачеву, и одиннадцать изъ нихъ, по приказанію его, повѣшены. Сіи первыя его жертвы были, сотники: Витоновъ, Чертороговъ, Раиневъ и Коноваловъ; пятидесятники: Ружениковъ, Толстовъ, Подъячевъ и Колпаковъ; рядовые: Сидоровкинъ, Ларзяневъ и Чукалинъ.

На другой день Пугачевъ приблизился къ городу; но при видѣ выходящаго противъ него войска, сталъ отступать, разсыпавъ по стени свою шайку. Симоновъ не преслѣдовалъ его, ибо казаковъ не хотѣлъ отрядить, опасаясь отъ нихъ измѣны; а пѣхоту не смѣлъ отдалить отъ города, коего жители готовы были взбунтоваться. Онъ донесъ обо всемъ Оренбургскому Губернатору, Генераль-Поручику Рейнсдорну, требуя отъ него легкаго войска для преслѣдованія Пугачева. Но прямое сообщеніе съ Оренбургомъ было уже пресѣчено, и донесеніе Симонова дошло до Губернатора не прежде, какъ черезъ недѣлю.

Съ шайкой, умноженной новыми бунтовщиками, Пугачевъ пошелъ прямо къ Илецкому городку ¹⁵,

и послалъ начальствовавшему въ немъ Атаману Портнову повелѣніе — выйти къ нему навстрѣчу и съ нимъ соединиться. Онъ обѣщалъ казакамъ пожаловать ихъ крестомъ и бородою (Илецкіе, какъ и Яицкіе, Казаки были всѣ старовѣрцы), рѣками и лугами, деньгами и провіантомъ, свинцомъ и порохомъ, и вѣчною вольностію, угрожая местию въ случаѣ непослушанія. Вѣрный своему долгу, Атаманъ думалъ сопротивляться; но казаки связали его, и приняли Пугачева съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ-солью. Пугачевъ повѣсилъ Атамана, три дня праздновалъ побѣду, и взявъ съ собою всѣхъ Илецкихъ казаковъ и городскія пушки, пошелъ на крѣпость Разсыпную ¹⁶.

Крѣпости, въ томъ краю выстроенныя, были не что иное, какъ деревни, окруженныя плетнемъ или деревяннымъ заборомъ. Нѣсколько старыхъ солдатъ и тамошнихъ казаковъ, подъ защитой двухъ или трехъ пушекъ, были въ нихъ безопасны отъ стрѣлъ и копій дикихъ племенъ, разсѣянныхъ по степямъ Оренбургской губерніи и около ея границъ. 24 Сентября, Пугачевъ напалъ на Разсыпную. Казаки и тутъ измѣнили. Крѣпость была взята. Комендантъ, Маіоръ Веловскій, нѣсколько офицеровъ и одинъ священникъ были повѣшены, а гарнизонная рота и полтораста казаковъ присоединены къ мятежникамъ.

Слухъ о самозванцѣ быстро распространялся. Еще съ Будоринскаго форпоста, Пугачевъ писалъ къ Киргизь-Кайсакскому Хану, именуя себя Государемъ Петромъ III, и требуя отъ него сына въ заложники и ста человекъ вспомогательнаго войска. Нурали-Ханъ подѣзжалъ къ Яицкому городку подѣ видомъ переговоровъ съ начальствомъ, коему предлагалъ онъ свои услуги. Его благодарили и отвѣчали, что надѣются управиться съ мятежниками безъ его помощи. Ханъ послалъ Оренбургскому Губернатору Татарское письмо самозванца съ первымъ извѣстіемъ о его появленіи. «Мы, люди живущіе на степяхъ, — писалъ Нурали къ Губернатору, — не знаемъ, кто сей, развѣзжающій по берегу: обманщикъ ли, или настоящій Государь? Посланный отъ насъ воротился, объявивъ, что того развѣдать не могъ, а что борода у того человека русая.» Присемъ пользуясь обстоятельствами, Ханъ требовалъ отъ Губернатора возвращенія аманатовъ, отогнаннаго скота и выдачи бѣжавшихъ изъ орды рабовъ. Рейнсдорпъ спѣшилъ отвѣчать, что кончина Императора Петра III известна всему свѣту; что самъ онъ видѣлъ Государя во гробѣ и цаловалъ его мертвую руку. Онъ увѣщевалъ Хана, въ случаѣ побѣга самозванца въ Киргизскія степи, выдать его Празительству, обѣщая за то милость Императрицы. Прощенія

Хана были исполнены. Между тѣмъ Нурали вошелъ въ дружескія сношенія съ самозванцемъ, не преставаая увѣрять Рейнсдорпа въ своемъ усердіи къ Императрицѣ, а Киргизцы стали готовиться къ набѣгамъ.

Вслѣдъ за извѣстіемъ Хана получено было въ Оренбургъ донесеніе Яицкаго Коменданта, посланное черезъ Самару. Вскорѣ потомъ пришло донесеніе Веловскаго о взятіи Илецкаго городка. Рейнсдорпъ успѣшилъ принять мѣры къ прекращенію возникающаго зла. Онъ предписалъ Бригадиру Барону Билову выступить изъ Оренбурга съ четырьмястами солдатами пѣхоты и конницы, и съ шестью полевыми орудіями, и идти къ Яицкому городку, забирая по дорогѣ людей съ форпостовъ и изъ крѣпостей. Командиру Верхне-Озерной дистанціи ¹⁷ Бригадиру Барону Корфу велѣлъ какъ можно скорѣе идти къ Оренбургу; Подполковнику Симонову отрядить Маіора Наумова съ полезой командой и съ казаками, для соединенія съ Биловымъ; Ставропольской Канцеляріи ¹⁸ велѣно было выслать къ Симонову пять сотъ вооруженныхъ Калмыковъ, а ближайшимъ Башкирцамъ и Татарамъ собраться, какъ можно скорѣе, и въ числѣ тысячи человекъ идти навстрѣчу Наумову. Ни одно изъ сихъ распоряженій не было исполнено. Биловъ занялъ Татищеву крѣпость и двинулся было на Озерную;

но, въ пятнадцати верстахъ отъ оной, услышавъ ночью пушечные выстрѣлы, отступилъ, полагая крѣпость уже взятою Пугачевымъ. Рейнсдорпъ вторично приказалъ ему спѣшить на пораженіе бунтовщиковъ; Билловъ не послушался, и остался въ Татищевой. Корфъ отговаривался отъ похода подъ различными предлогами. вмѣсто пяти сотъ вооруженныхъ Калмыковъ, не собралось ихъ и трехъ сотъ, и тѣ бѣжали съ дороги. Башкирцы и Татары не слушались предписаній. Маіоръ же Наумовъ и Войсковой Старшина Бородинъ, выступивъ изъ Лицкаго городка, шли издали по слѣдамъ Пугачева, и 3 Октября прибыли въ Оренбургъ степною стороною, не видавъ непріятеля.

Изъ Разсыпной Пугачевъ пошелъ на Нижне-Озерную ¹⁹. На дорогѣ встрѣтилъ онъ Капитана Сурина, высланнаго на помощь Веловскому, Комендантомъ Нижне-Озерной, Маіоромъ Харловымъ. Пугачевъ его повѣсилъ, а рота пристала къ мятежникамъ. Узнавъ о приближеніи Пугачева, Харловъ отправилъ въ Татищеву молодую жену свою, дочь тамошняго Коменданта Елагина, а самъ приготовился къ оборонѣ. Казаки его измѣнили, и ушли къ Пугачеву. Харловъ остался съ малымъ числомъ престарѣлыхъ солдатъ. Ночью на 26 Сентября, вздумалъ онъ, для ихъ ободренія, палить изъ двухъ своихъ пушекъ, и сіи то несчастные вы-

стрѣлы остановили Билова, шедшаго къ нему на помощь. Утромъ Пугачевъ показался передъ крѣпостью. Онъ ѣхалъ впереди своего войска, «Берегись, Государь,» сказалъ ему старый казакъ: «неравно изъ пушки убьютъ.» — «Старый ты человекъ,» отвѣчалъ самозванецъ: «развѣ пушки льются на Царей?» — Харловъ бѣгалъ отъ одного солдата къ другому, и приказывалъ стрѣлять. Никто не слушался. Онъ схватилъ фитиль, выпалилъ изъ одной пушки, и кинулся къ другой. Въ сіе время бунтовщики заняли крѣпость, бросились на единственнаго ея защитника, и изранили его. Полумертвый, онъ думалъ отъ нихъ откупиться, и повелъ ихъ къ избѣ, гдѣ было спрятано его имущество. Между тѣмъ за крѣпостью уже ставили висѣлицу; передъ нею сидѣлъ Пугачевъ, принимая присягу жителей и гарнизона. Къ нему привели Харлова, обезумленнаго отъ ранъ и истекающаго кровью. Глазъ, вышибенный копьемъ, висѣлъ у него на щекѣ. Пугачевъ велѣлъ его казнить, и съ нимъ Прапорщикомъ Фигнера и Кабалерова, одного писаря и Татарина Бикбай. Гарнизонъ сталъ просить за своего добраго Коменданта; но Яицкіе казаки, предводители мятежа, были неумолимы. Ни одинъ изъ страдальцевъ не оказалъ малодушія. Магометанинъ Бикбай, взошедъ на лѣстницу, перекрестился и самъ надѣлъ на себя петлю²⁰. На

другой день Пугачевъ выступилъ, и пошелъ на Татищеву ²¹.

Въ сей крѣпости начальствовалъ Полковникъ Елагинъ. Гарнизонъ былъ умноженъ отрядомъ Билова, искавшаго въ ней своей безопасности. Утромъ 27 Сентября, Пугачевъ показался на высотахъ, ее окружающихъ. Всѣ жители видѣли, какъ онъ разставилъ тамъ свои пушки и самъ направилъ ихъ на крѣпость. Мятежники подѣхали къ стѣнамъ, уговаривая гарнизонъ — *не слушаться бояръ*, и сдаться добровольно. Имъ отвѣчали выстрѣлами. Они отступили. Безполезная пальба продолжалась съ полудня до вечера; въ то время скирды сѣна, находившіеся близъ крѣпости, загорѣлись, подожженные осаждающими. Пожаръ быстро достигнулъ деревянныхъ укрѣпленій. Солдаты бросились тушить огонь. Пугачевъ, пользуясь смятеніемъ, напалъ съ другой стороны. Крѣпостные казаки ему передались. Раненый Елагинъ и самъ Билловъ оборонялись отчаянно. Наконецъ мятежники ворвались въ дымящіяся развалины. Начальники были захвачены. Биллову отсѣкли голову. Съ Елагина, человѣка тучнаго, содрали кожу; злодѣи вынули изъ него сало, и мазали имъ свои раны. Жену его изрубили. Дочь ихъ, наканунѣ овдовѣвшая, Харлова, приведена была къ побѣдителю, распорядившему казню ея родителей. Пугачевъ пораженъ былъ

ея красотою, и взялъ несчастную къ себѣ въ наложницы, пощадивъ для нея семилѣтняго ея брата. Вдова Маіора Веловскаго, бѣжавшая изъ Разсыпной, также находилась въ Татищевой: ее удавили. Всѣ офицеры были повѣшены. Нѣсколько солдатъ и Башкирцевъ выведены въ поле и разстрѣляны картечью. Прочіе острижены по-казацки, и присоединены къ мятежникамъ. Тринадцать пушекъ достались побѣдителю.

Извѣстія объ успѣхахъ Пугачева приходили въ Оренбургъ одно за другимъ. Едва Веловскій успѣлъ донести о взятіи Илецкаго городка, уже Харловъ доносилъ о взятіи Разсыпной; вслѣдъ затѣмъ Биловъ, изъ Татищевой, извѣщалъ о взятіи Нижне-Озерной; Маіоръ Крузе, изъ Чернорѣченской, о пальбѣ, происходящей подъ Татищевой. Наконецъ (28 Сентября) триста человекъ Татаръ, насилу собранные и отправленные къ Татищевой, возвратились съ дороги, съ извѣстіемъ объ участіи Билова и Елагина. Рейнсдорпъ, испуганный быстротою похода, собралъ совѣтъ изъ главныхъ Оренбургскихъ чиповниковъ, и слѣдующія мѣры были имъ утверждены:

1) Всѣ мосты черезъ Сакмару разломать, и пустить внизъ по рѣкѣ.

2) У Польскихъ конфедератовъ, содержащихся въ Оренбургѣ, отобрать оружіе, и отправить ихъ

въ Троицкую крѣпость подѣ строжайшимъ при-
смотромъ.

3) Разночинцамъ, имѣющимъ оружіе, назначить мѣста для защищенія города, отдавъ ихъ въ распоряженіе Оберъ - Коменданту, Генераль - Маіору Валленштерну; прочимъ находиться въ готовности, въ случаѣ пожара, и быть подѣ начальствомъ Таможеннаго Директора Обухова.

4) Сейтовскихъ Татаръ перевести въ городъ, и поручить начальство надъ нимъ Коллежскому Совѣтнику Тимашеву.

5) Артиллерію отдать въ распоряженіе Дѣйстви-
тельному Статскому Совѣтнику Старову-Милюкову,
служившему нѣкогда въ Артиллеріи.

Сверхъ сего, Рейнсдорпъ, думая уже о безопасности самаго Оренбурга, приказалъ Оберъ-Коменданту исправить городскія укрѣпленія, и привести въ оборонительное состояніе. Гарнизонамъ же малыхъ крѣпостей, еще не взятыхъ Пугачевымъ, велѣно было итти въ Оренбургъ, зарывая или потопляя тяжести и порохъ.

Изъ Татищевой, 29 Сентября, Пугачевъ пошелъ на Чернорѣченскую ²². Въ сей крѣпости оставалось нѣсколько старыхъ солдатъ при Капитанѣ Нечаевѣ, заступившемъ мѣсто Коменданта, Маіора Крузе, который скрылся въ Оренбургъ. Они сдались безъ

сопротивленія. Пугачевъ повѣсилъ Капитана, по жалобѣ крѣпостной его дѣвки.

Пугачевъ, оставя Оренбургъ вправѣ, пошелъ къ Сакмарскому городку²³, коего жители ожидали его съ нетерпѣніемъ. — 1 Октября, изъ Татарской деревни Корчале, поѣхалъ онъ туда въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ. Очевидецъ описываетъ его прибытіе слѣдующимъ образомъ²⁴:

«Въ крѣпости у станичной избы посланы были ковры, и поставленъ столъ съ хлѣбомъ и солью. Попъ ожидалъ Пугачева съ крестомъ и съ святыми иконами. Когда въѣхалъ онъ въ крѣпость, начали звонить въ колокола; народъ снялъ шапки, и когда самозванецъ сталъ сходить съ лошади, при помощи двухъ изъ его казаковъ, подхватившихъ его подъ руки, тогда всѣ пали ницъ. Онъ приложился ко кресту, хлѣбъ-соль поцаловалъ, и сѣвъ на уготовленный стулъ, сказалъ: *вставайте, дѣтушки*. Потомъ всѣ цаловали его руку. — Пугачевъ освѣдомился о городскихъ казакахъ. Ему отвѣчали: что иные на службѣ, другіе съ ихъ Атаманомъ, Даниломъ Донскимъ, взяты въ Оренбургъ, и что только двадцать человѣкъ оставлены для почтовой гоньбы; но и тѣ скрылись. Онъ обратился къ священнику, и грозно приказалъ ему отыскать ихъ, примолвя: *ты попъ, такъ будь и атаманъ; ты и всѣ жители отвѣдаете мнѣ за нихъ своими*

головами. — Потомъ поѣхалъ онъ къ Атаманову отцу, у котораго былъ ему приготовленъ обѣдъ. *Если бы твой сынъ былъ здѣсь, сказалъ онъ старику, то вашъ обѣдъ былъ бы высокъ и гостень: но хлѣбъ-соль твоя пожрагилась. Какой онъ Атаманъ, коли мѣсто свое покинулъ?* — Послѣ обѣда, пьяный, онъ велѣлъ было казнить хозяина; но бывшіе при немъ казаки упростили его; старикъ былъ только закованъ и посаженъ на одну ночь въ станичную избу подѣ караулъ. На другой день сысканные казаки представлены были Пугачеву. Онъ обошелся съ ними ласково, и взялъ съ собою. Они спросили его: сколько прикажетъ взять припасовъ? *Возьмите, отвѣчалъ онъ, краюшку хлѣба; вы проводите меня только до Оренбурга.* — Въ сіе время Башкирцы, присланные отъ Оренбургскаго Губернатора, окружили городъ. Пугачевъ къ нимъ выѣхалъ, и безъ бою взялъ всѣхъ въ свое войско. На берегу Сакмары повѣсилъ онъ шесть челоуѣкъ ²⁵.

Въ тридцати верстахъ отъ Сакмарскаго городка находилась крѣпость Пречистенская. Лучшая часть ея гарнизона была взята Биловымъ на походѣ его къ Татищевой. Одинъ изъ отрядовъ Пугачева занялъ ее безъ сопротивленія. Офицеры и гарнизонъ вышли навстрѣчу побѣдителямъ. Самозванецъ, по своему обыкновению, принялъ солдатъ въ свое

войско, и въ первый разъ оказалъ позорную милость офицерамъ.

Пугачевъ усиливался: прошло двѣ недѣли со дня, какъ явился онъ подъ Яицкимъ городкомъ съ горстью бунтовщиковъ, и ужъ онъ имѣлъ до трехъ тысячъ пѣхоты и конницы, и болѣе двадцати пушекъ. Семь крѣпостей были имъ взяты, или сдались ему. Войско его съ часу на часъ умножалось неизмовѣрно. Онъ рѣшился пользоваться счастьемъ, и 3 Октября, ночью, подъ Сакмарскимъ городкомъ перешелъ рѣку черезъ мостъ, уцѣлѣвшій вопреки распоряженіямъ Рейнсдорпа, и потянулся къ Оренбургу.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

—

МЪРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА. — СОСТОЯНІЕ ОРЕНБУРГА. — ОБЪЯВЛЕНІЕ РЕЙНСДОРПА О ПУГАЧЕВѢ. — РАЗБОЙНИКЪ ХЛОПУША. — ПУГАЧЕВЪ ПОДЪ ОРЕНБУРГОМЪ. — БЕРДСКАЯ СЛОВОДА. — СООБЩИКИ ПУГАЧЕВА. — ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРЪ КАРЪ. — ЕГО НЕУДАЧА. — ГИБЕЛЬ ПОЛКОВНИКА ЧЕРВЫШЕВА. — КАРЪ ОСТАВЛЯЕТЪ АРМІЮ. — БИВИКОВЪ.

—

Оренбургскія дѣла принимали худой оборотъ. Съ часу на часъ ожидали общаго возмущенія Яицкаго войска; Башкирцы, взволнованные своими старшинами (которыхъ Пугачевъ успѣлъ задарить верблюдами и товарами, захваченными у Бухарцевъ), начали нападать на Русскія селенія и кучами присоединяться къ войску бунтовщиковъ. Служивые Калмыки бѣжали съ форпостовъ. Мордва, Чуваша, Черемисы перестали повиноваться Русскому начальству. Господскіе крестьяне явно оказывали свою приверженность самозванцу, и вскорѣ не только

Оренбургская, но и пограничныя съ нею губерніи пришли въ опасное колебаніе.

Губернаторы, Казанскій — фонъ-Брантъ, Сибирскій — Чичеринъ и Астраханскій — Кречетниковъ, вслѣдъ за Рейсдорпомъ извѣстили Государственную Военную Коллегію о Яицкихъ происшествіяхъ. Императрица съ безпокойствомъ обратила вниманіе на возникающее бѣдствіе. Тогдашнія обстоятельства сильно благопріятствовали безпорядкамъ. Войска отовсюду были отвлечены въ Турцію и въ волнующуюся Польшу. Строгія мѣры, принятія по всей Россіи для прекращенія недавно свирѣпствовавшей чумы, производили въ чернш общее негодованіе. Рекрутскій наборъ усиливаль затрудненія. Повелѣно было нѣсколькимъ ротамъ и эскадронамъ изъ Москвы, Петербурга, Новгорода и Бахмута наскоро слѣдовать въ Казань. Начальство надъ ними поручено Генераль-Маіору Кару, отличившемуся въ Польшѣ твердымъ исполненіемъ строгихъ предписаній начальства. Онъ находился въ Петербургѣ, при приѣмѣ рекрутъ. Ему велѣно было сдать свою бригаду Генераль-Маіору Нащокину, и спѣшить къ мѣстамъ, угрожаемымъ опасностію; къ нему присоединили Генераль-Маіора Фреймана, уже усмирившаго разъ Яицкое войско, и хорошо знавшаго театръ новыхъ безпорядковъ. Начальникамъ окрестныхъ губерній велѣно было,

съ ихъ стороны, дѣлать нужныя распоряженія. Манифестомъ, отъ 15 Октября, Правительство объявляло народу о появленіи самозванца, увѣщевая обольщенныхъ отстать заблаговременно отъ преступнаго заблужденія ²⁶.

Обратимся къ Оренбургу.

Въ семь городѣ находилось до трехъ тысячъ войска и до семидесяти орудій. Съ таковыми средствами можно и должно было уничтожить мятежниковъ. Къ несчастію, между военными начальниками не было ни одного, знавшаго свое дѣло. Оробѣвъ съ самаго начала, они дали время Пугачеву усилиться, и лишили себя средствъ къ наступательнымъ движеніямъ. Оренбургъ претерпѣлъ бѣдственную осаду, коей любопытное изображеніе сохранено самимъ Рейнсдорпомъ ²⁷.

Нѣсколько дней появленіе Пугачева было тайною для Оренбургскихъ жителей; но молва о взятіи крѣпостей, вскорѣ разошлась по городу, а послѣднее выступленіе Билова ²⁸ подтвердило справедливыя слухи. Въ Оренбургѣ оказалось волненіе; казаки съ угрозами роптали; устрашенные жители говорили о сдачѣ города. Схваченъ былъ зачинщикъ смятенія, отставной сержантъ ²⁹, подосланный Пугачевымъ. Въ допросѣ онъ показалъ, что имѣлъ намѣреніе заколоть Губернатора. Въ селеніяхъ, около Оренбурга, начали показываться возмутители.

Рейнсдорпъ обнародовалъ объявленіе о Пугачевѣ, въ коемъ объяснялъ его настоящее званіе и прежнія преступленія ³⁰. Оно было писано темнымъ и запутаннымъ слогомъ. Въ немъ было сказано, что *о злодѣйствующемъ съ Яицкой стороны носитя слухъ, якобы онъ другаго состоянія, нежели какъ есть; но что онъ въ самомъ дѣлѣ Донской Казакъ Емельянъ Пугачевъ, за прежнія преступленія наказанный кнутомъ съ поставленіемъ на лицѣ знаковъ. Сіе показаніе было несправедливо ³¹. Рейнсдорпъ повѣрилъ ложному слуху, и мятежники потомъ торжествовали, укоряя его въ клеветѣ ³².*

Казалось, всѣ мѣры, предпринимаемыя Рейнсдорпомъ, обращались ему во вредъ. Въ Оренбургскомъ острогѣ содержался тогда въ оковахъ злодѣй, извѣстный подъ именемъ Хлопуши. Двадцать лѣтъ разбойничалъ онъ въ тамошнихъ краяхъ: три раза ссылаемъ былъ въ Сибирь, и три раза находилъ способъ уходить. Рейнсдорпъ вздумалъ ³³ употребить смышленаго каторжника, и чрезъ него переслать въ шайку Пугачевскую увѣщательные манифесты. Хлопуша клялся въ точности исполнить его препорученія. Онъ былъ освобожденъ, явился прямо къ Пугачеву и вручилъ ему самому всѣ губернаторскія бумаги. «Знаю, братецъ, что тутъ написано,» сказалъ безграмотный Пугачевъ, и подарилъ ему полтину денегъ и платье недавно повѣшеннаго

Киргизца. Хорошо зная край, на который такъ долго наводилъ ужасъ своими разбоями, Хлопуша сдѣлался ему необходимъ. Пугачевъ наименовалъ его полковникомъ, и поручилъ ему грабежъ и возмущеніе заводовъ. Хлопуша оправдалъ его довѣренность. Онъ пошелъ по рѣкѣ Сакмарѣ, возмущая окрестныя селенія; явился на Бугульчанской и Стерлитамацкой пристаняхъ, и на Уральскихъ заводахъ, и переслалъ оттолѣ Пугачеву пушки, ядра и порохъ, умножа свою шайку приписными крестьянами и Башкирцами, товарищами его разбоевъ.

5 Октября, Пугачевъ со своими силами расположился лагеремъ на казачьихъ лугахъ, въ пяти верстахъ отъ Оренбурга. Онъ тотчасъ двинулся впередъ, и подъ пушечными выстрѣлами поставилъ одну батарею на паперти церкви у самага предмѣстія, а другую въ загородномъ губернаторскомъ домѣ. Онъ отступилъ, отбитый сильною пальбою. Въ тотъ же день, по приказанію Губернатора, предмѣстіе было выжжено. Уцѣлѣла одна только изба и Георгіевская церковь. Жители переведены были въ городъ, и имъ обѣщано вознагражденіе за весь убытокъ. Начали очищать ровъ, окружающій городъ, а валъ обносить рогатками.

Ночью около всего города запыхали скирды заготовленнаго на зиму сѣна. Губернаторъ не

успѣлъ перевезти оное въ городъ. Противу зажига-
телей (уже на другой день утромъ) выступилъ Маіоръ
Наумовъ (только что прибывшій изъ Яицкаго
городка). Съ нимъ было тысяча пять сотъ человѣкъ
конницы и пѣхоты. Встрѣченный пушками, онъ
перестрѣливался, и отступилъ безъ всякаго успѣха.
Его солдаты робѣли, а казакамъ онъ не довѣрялъ.

Рейнсдорпъ собралъ опять совѣтъ изъ военныхъ
и гражданскихъ своихъ чиновниковъ, и требовалъ
отъ нихъ письменнаго мнѣнія: выступить ли еще
противъ злодѣя, или подъ защитой городскихъ
укрѣпленій ожидать прибытія новыхъ войскъ? На
семъ совѣтѣ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ
Старовъ-Милюковъ одинъ объявилъ мнѣніе, достой-
ное военнаго человѣка: *итти противу бунтовщиковъ*.
Прочіе боялись новою неудачею привести жителей
въ опасное уныніе, и только думали защищаться.
Съ послѣднимъ мнѣніемъ согласился и Рейнсдорпъ.

8 Октября мятежники выѣхали грабить мѣно-
вой дворъ, находившійся въ трехъ верстахъ отъ
города ^{въ мѣстѣ вала} ³⁴. Высланный противу нихъ отрядъ про-
гналъ ихъ, убивъ на мѣстѣ двѣсти человѣкъ и
захвативъ до ста шестнадцати. Рейнсдорпъ, желая
воспользоваться симъ случаемъ, нѣсколько ободрив-
шимъ его войско, хотѣлъ на другой день выступить
противъ Пугачева; но всѣ начальники единогласно
донесли ему, что на войско никакимъ образомъ

положиться было не возможно: солдаты, приведенные въ уныніе и недоумѣніе, сражались неохотно, а казаки на самомъ мѣстѣ сраженія могли соединиться съ мятежниками, и слѣдствія ихъ измѣны были бы гибелью для Оренбурга. Рейнсдорпъ не зналъ, что дѣлать ³⁵. Онъ кое-какъ успѣлъ однако жъ уговорить и усовѣстить своихъ подчиненныхъ, и 12 Октября Наумовъ вывелъ опять изъ города свое ненадежное войско.

Сраженіе завязалось. Артиллерія Пугачева была превосходнѣе числомъ вывезенной изъ города. Оренбургскіе казаки, съ непривычки, робѣли ядеръ, и жались къ городу ^{under the} подъ прикрытіе пушекъ, разставленныхъ по валу. Отрядъ Наумова былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ многочисленными толпами. Онъ выстроился въ карре, и началъ отступать, отстрѣливаясь отъ непріятеля. Сраженіе продолжалось четыре часа. Наумовъ убитыми, ранеными и бѣжавшими потерялъ сто семнадцать человекъ.

Не проходило дня безъ перестрѣлокъ. Мятежники толпами разбѣзжали около городского вала, и нападали на фуражировъ. Пугачевъ нѣсколько разъ подступалъ подъ Оренбургъ со всѣми своими силами. Но онъ не имѣлъ намѣренія взять его приступомъ. «*Не стану тратить людей,*» говорилъ онъ Сакмарскимъ казакамъ, «*а выморю городъ морозъ.*»

Не разъ находилъ онъ способъ доставлять жителямъ возмутительные свои листы. Схватили въ городъ нѣсколько злодѣевъ, подсланныхъ отъ самозванца: у нихъ находили порохъ и фитили.

Вскорѣ въ Оренбургѣ оказался недостатокъ въ сѣнѣ. У войска и у жителей худыя и къ работѣ неспособныя лошади были отобраны и отправлены частію къ Илецкой Защитѣ и къ Верхо-Яицкой крѣпости, частію въ Уфимской уѣздъ. Но, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, лошади были захвачены бунтующими крестьянами и Татарами, а казаки, гнавшіе табунъ, отосланы къ Пугачеву.

Осенняя стужа настала ранѣе обыкновеннаго. Съ 14 Октября, начались уже морозы; 16го выпалъ снѣгъ; 18го Пугачевъ, зажегши свой лагерь, со всѣми тяжестями пошелъ обратно отъ Яика къ Сакмарѣ, и расположился подъ Бердскою ³⁶ слободою, близъ лѣтней Сакмарской дороги, въ семи верстахъ отъ Оренбурга. Оттолъ разъѣзды его не преставали тревожить городъ, нападать на фуражировъ и держать гарнизонъ во всегдашнемъ опасеніи.

2 Ноября, Пугачевъ со всѣми силами подступилъ опять къ Оренбургу, и поставилъ около всего города батареи, открылъ ужасный огонь. Съ городской стѣны отвѣчали ему тѣмъ же. Между тѣмъ чело-вѣкъ тысяча изъ его пѣхоты, со стороны рѣки закравшись въ погреба выжженнаго предмѣстія,

почти у самого вала и рогатокъ, стрѣляли изъ ружей и сайдаковъ. Самъ Пугачевъ ими предводительствовалъ. Егери полевой команды выгнали ихъ изъ предмѣстія. Пугачевъ едва не попался въ плѣнъ. Вечеромъ огонь утихъ; но во всю ночь мятежники пальбою сопровождали бой часовъ соборной церкви, дѣлая по выстрѣлу на каждый часъ.

На другой день огонь возобновился, не смотря на стужу и метель. Мятежники въ церкви разложили огонь, истопили избу, уцѣлѣвшую въ выжженномъ предмѣстїи, и грѣлись попеременно. Пугачевъ поставилъ пушку на паперти, а другую велѣлъ встать на колокольню. Въ верстѣ отъ города находилась высокая мишень, служившая цѣлью во время артиллерійскихъ ^{Пугачевъ}ученій. Мятежники ^{аи}устроили тамъ свою главную баттарею. Обоюдная пальба продолжалась цѣлый день. Ночью Пугачевъ отступилъ, претерпѣвъ незначительный уронъ и не сдѣлавъ вреда осажденнымъ ³⁷. Утромъ изъ города высланы были невольники подъ прикрытіемъ казаковъ, срыть мишень и другія укрѣпленія, а избу разломать. Въ церкви, куда мятежники приносили своихъ раненыхъ, видны были на помостѣ кровавыя лужи. Оклады съ иконъ были ободраны, на престольное одѣяніе въ лоскутьяхъ

Стужа усилилась. 6 Ноября, Пугачевъ съ Лицкиими Казаками перешелъ изъ своего новаго лагеря

въ самую слободу. Башкирцы, Калмыки, и заводскіе крестьяне остались на прежнемъ мѣстѣ, въ своихъ кибиткахъ и землянкахъ. Разъѣзды, нападенія и перестрѣлки не прекращались. Съ каждымъ днемъ силы Пугачева увеличивались. Войско его состояло уже изъ двадцати пяти тысячъ; ядромъ онаго были Яицкіе Казаки, и солдаты, захваченные по крѣпостямъ; но около ихъ скоплялось неизмѣримое множество Татаръ, Башкирцевъ, Калмыковъ, бунтующихъ крестьянъ, бѣглыхъ каторжниковъ и бродягъ всякаго рода. Вся эта сволочь была кое-какъ вооружена, кто копьемъ, кто пистолетомъ, кто офицерскою шпагой. Инымъ розданы были штыки, наткнутые на длинныя палки; другіе носили дубины; большая часть не имѣла никакого оружія. Войско раздѣлено было на полки, состоящія изъ пяти сотъ человѣкъ. Жалованье получали одни Яицкіе Казаки; прочіе довольствовались грабежемъ. Вино продавалось *отъ казны*. Кормъ и лошадей доставали *отъ Башкирцевъ*. За побѣгъ объявлена была смертная казнь. Десятникъ *гологою* отвѣчалъ за своего бѣглеца. Учреждены были частныя разъѣзды и караулы. Пугачевъ строго наблюдалъ за ихъ исправностію, самъ ихъ объѣзжая, иногда и ночью. Ученія (особенно артиллерійскія) происходили почти всякой день. Церковная служба отправлялась ежедневно. На ектеніи поминали Государя

ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА И Супругу Его, Государыню
ЕКАТЕРИНУ АЛЕКСѢЕВНУ. Пугачевъ, будучи рас-
кольникомъ, въ церковь никогда не ходилъ. Когда
ѣздилъ онъ по базару, или по Бердскимъ улицамъ,
то всегда бросалъ въ народъ мѣдными деньгами.
Судъ и расправу давалъ сидя въ креслахъ передъ
своею избою. По бокамъ его сидѣли два казака,
одинъ съ булавою, другой съ серебрянымъ топо-
ромъ. Подходящіе къ нему, кланялись въ землю,
и перекрестясь, цаловали его руку. Бердская сло-
бода была вертепомъ убійствъ и распутства. Лагерь
полонъ былъ офицерскихъ женъ и дочерей, отдан-
ныхъ на поруганіе разбойникамъ. Казни происхо-
дили каждый день. Овраги около Берды были
завалены трупами разстрѣлянныхъ, удушенныхъ,
четвертованныхъ страдальцевъ. Шайки разбойни-
ковъ устремлялись во всѣ стороны, пьянствуя
по селеніямъ, грабя казну и достояніе дворянъ,
но не касаясь крестьянской собственности. Смѣль-
чаки подъѣзжали къ рогаткамъ Оренбургскимъ;
иные, наткнувъ шапку на копьѣ, кричали: *Господа*
казаки! пора вамъ одуматься и служить Государю
Петру Федоровичу. Другіе требовали, чтобы имъ
выдали *Матюшку Бородину* (Войсковаго Старшину,
прибывшаго въ Оренбургъ изъ Яицкаго городка
вмѣстѣ съ отрядомъ Наумова), и звали казаковъ
къ себѣ въ гости, говоря: *у нашего батюшки вина*

много! Изъ города противу нихъ выѣзжали наѣзники, и завязывались перестрѣлки, иногда довольно жаркія. Нерѣдко самъ Пугачевъ являлся тутъ же, хвастая молодечествомъ. Однажды прискакалъ онъ, пьяный, потерявъ шапку и шатаясь на сѣдлѣ, — и едва не попался въ плѣнъ. Казаки спасли его и утащили, подхвативъ его лошадь подъ устцы ³⁸.

Пугачевъ не былъ самовластенъ. Лицкіе казаки, зачинщики бунта, управляли дѣйствіями прошлеца, не имѣвшаго другаго достоинства, кромѣ нѣкоторыхъ военныхъ познаній и дерзости необыкновенной. Онъ ничего не предпринималъ безъ ихъ согласія; они же часто дѣйствовали безъ его вѣдома, а иногда и вопреки его воли. Они оказывали ему наружное почтеніе, при народѣ ходили за нимъ безъ шапокъ и били ему челомъ: но наединѣ обходились съ нимъ какъ съ товарищемъ, и вмѣстѣ пьянствовали, сидя при немъ въ шапкахъ и въ однѣхъ рубахахъ, и распѣвая бурлацкія пѣсни. Пугачевъ скучалъ ихъ опекою. *Улица моя тѣсна,* говорилъ онъ Денису Пьянову, пируя на свадьбѣ младшаго его сына ³⁹. Не терпя посторонняго вліянія на царя, ими созданнаго, они не допускали самозванца имѣть иныхъ любимцевъ и повѣренныхъ. Пугачевъ, въ началѣ своего бунта, взялъ къ себѣ въ писаря сержанта Кармицкаго, простивъ его подѣ самой висѣлицей. Кармицкій сдѣлался

вскорѣ его любимцемъ. Лицкіе казаки, при взятіи Татищевой, удавили его и бросили съ камнемъ на шеѣ въ воду. Пугачевъ о немъ освѣдомился. *Онъ пошелъ,* отвѣчали ему, *къ своей матушкѣ внизъ по Яику.* Пугачевъ, молча, махнулъ рукой. Молодая Харлова имѣла несчастіе привязать къ себѣ самозванца. Онъ держалъ ее въ своемъ лагерѣ подъ Оренбургомъ. Она одна имѣла право во всякое время входить въ его кибитку; по ея просьбѣ, прислалъ онъ въ Озерную приказъ — похоронить тѣла имъ повѣшенныхъ при взятіи крѣпости. Она встревожила подозрѣнія ревнивыхъ злодѣевъ, и Пугачевъ, уступивъ ихъ требованію, предалъ имъ свою наложницу. Харлова и семилѣтній братъ ея были разтрѣяны. Раненые, они сползлись другъ съ другомъ и обнялись. Тѣла ихъ, брошенные въ кусты, оставались долго въ томъ же положеніи.

Въ числѣ главныхъ мятежниковъ отличался Зарубинъ (онъ же и Чика), съ самаго начала бунта сподвижникъ и пѣстунъ Пугачева. Онъ именовался фельдмаршаломъ, и былъ первый по самозванцѣ. Овчинниковъ, Шигаевъ, Лысовъ и Чумаковъ предводительствовали войскомъ. Всѣ они назывались именами вельможъ, окружавшихъ въ то время престолъ Екатерины: Чика Графомъ Чернышевымъ, Шигаевъ Графомъ Воронцовымъ, Овчинниковъ Графомъ Панинымъ, Чумаковъ Графомъ

Орловымъ ⁴⁰. Отставной артиллерійскій капралъ Бѣлобородовъ пользовался полною довѣренностію самозванца. Онъ вмѣстѣ съ Падуровымъ завѣдывалъ письменными дѣлами у безграмотнаго Пугачева, и ввелъ строгій порядокъ и повиновеніе въ шайкахъ бунтовщиковъ. Перфильевъ, при началѣ бунта находившійся въ Петербургѣ по дѣламъ Яицкаго войска, обѣщался Правительству привести казаковъ въ повиновеніе и выдать самого Пугачева въ руки правосудія: но пріѣхавъ въ Берду, оказался однимъ изъ самыхъ ожесточенныхъ бунтовщиковъ, и соединилъ судьбу свою съ судьбою самозванца. Разбойникъ Хлопуша изъ-подъ кнута, клейменный рукою палача, съ ноздрями, вырванными до хрящей, былъ одинъ изъ любимцевъ Пугачева. ^{смирнѣе} Стыдясь своего безобразія, онъ носилъ на лицѣ сѣтку или закрывался рукавомъ, какъ будто защищаясь отъ мороза ^{смирнѣе} ⁴¹: Вотъ какіе люди колебали государствомъ!

Каръ, между тѣмъ, прибылъ на границу Оренбургской губерніи. Казанскій Губернаторъ, еще до пріѣзда его, успѣлъ собрать нѣсколько сотъ гарнизонныхъ, отставныхъ и поселенныхъ солдатъ, и расположить ихъ частію около Кичуевскаго фельдшанца, частію по рѣкѣ Черемшану, на половинѣ дороги отъ Кичуева до Ставрополя. На Волгѣ находились человѣкъ тридцать рядовыхъ при одномъ

офицеръ, для поимки разбойниковъ: имъ велѣно было примѣчать за движеніями бунтовщиковъ. Брантъ писалъ въ Москву, къ Генераль-Аншефу Князю Волконскому, требуя отъ него войска. Но Московскій гарнизонъ былъ весь отряженъ для отвода рекрутъ; а Томскій полкъ, находившійся въ Москвѣ, содержалъ караулы на заставахъ, учрежденныхъ въ 1771 году во время свирѣпствовавшей чумы. Князь Волконскій могъ отрядить только триста рядовыхъ при одной пушкѣ, и тотчасъ послалъ ихъ на подводахъ въ Казань.

Каръ предписалъ Симбирскому Коменданту, Полковнику Чернышеву, идущему по Самарской линіи къ Оренбургу, занять какъ можно скорѣе Татищеву. Онъ былъ намѣренъ, тотчасъ по прибытіи Генераль-Маіора Фреймана, находившагося въ Калугѣ для приѣма рекрутъ, послать его на подкрѣпленіе Чернышеву. Каръ не сомнѣвался въ успѣхѣ. «Опасаюсь только, писалъ онъ Графу З. Г. Чернышеву, чтобы сіи разбойники, свѣдавъ о приближеніи командъ, не обратились въ бѣгъ, не допустя до себя оныхъ, по тѣмъ же самымъ мѣстамъ, отколь они появились.» Онъ предвидѣлъ затрудненія только въ преслѣдованіи Пугачева, по причинѣ зимы и недостатка въ конницѣ.

Въ началѣ Ноября, не дождавшійся ни артиллеріи, ни ста семидесяти гренадеръ, посланныхъ къ нему

изъ Симбирска, ни высланныхъ къ нему изъ Уфы вооруженныхъ Башкирцевъ и Мещераковъ, онъ сталъ подаваться впередъ. На дорогѣ, во ста верстахъ отъ Оренбурга, онъ узналъ, что отряженный отъ Пугачева ссыльный разбойникъ Хлопуша, выливъ пушки на Овзяно-Петровскомъ ⁴² заводѣ и возмутьивъ приписныхъ крестьянъ и окрестныхъ Башкирцевъ, возвращается подъ Оренбургъ. Каръ поспѣшилъ пресѣчь ему дорогу, и 7 Ноября послалъ Секундъ-Маіора Шишкина съ четырьмястами рядовыхъ и двумя пушками въ деревню Юзееву, ⁴³. а самъ съ Генераломъ Фрейманомъ и Преміеръ-Маіоромъ Ф. Варнстедомъ, только что подоспѣвшимъ изъ Калуги, выступилъ изъ Сарманаевой. Шишкинъ былъ встрѣченъ подъ самой Юзеевой шестьюстами мятежниками. Татары и вооруженные крестьяне, бывшіе при немъ, тотчасъ передались. Шишкинъ однако разсѣялъ сію толпу нѣсколькими выстрѣлами: Онъ занялъ деревню, куда Каръ и Фрейманъ прибыли въ четвертомъ часу ночи. Войско было такъ утомлено, что невозможно было даже учредить конные разѣзды. Генералы рѣшились ожидать свѣта, чтобъ напасть на бунтовщиковъ, и на зарѣ увидѣли передъ собой ту же толпу. Мятежникамъ передали увѣщательный манифестъ; они его приняли, но отбѣхали съ бранью, говоря, что ихъ манифесты правѣе,

и начали стрѣлять изъ бывшей у нихъ пушки. Ихъ разогнали опять Въ это время Каръ услышалъ у себя въ тылу четыре дальнихъ пушечныхъ выстрѣла. Онъ испугался, и поспѣшно началъ отступать, полагая себя отрѣзаннымъ отъ Казани. Тутъ болѣе двухъ тысячъ мятежниковъ наскочили со всѣхъ сторонъ и открыли огонь изъ девяти орудій. Пугачевъ самъ ими предводительствовалъ. Хлопуша успѣлъ съ нимъ соединиться. Разсыпавшись по полямъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла, они были внѣ всякой опасности. Конница Кара была утомлена и малочисленна. Мятежники, имѣя добрыхъ лошадей, при наступленіи пѣхоты, отдалялись, проворно перевозя свои пушки съ одной горы на другую, и такимъ образомъ семнадцать верстъ сопровождали отступающаго Кара. Онъ цѣлыхъ восемь часовъ отстрѣливался изъ своихъ пяти пушекъ, бросилъ свой обозъ и потерялъ (если вѣрить его донесенію) не болѣе ста двадцати человѣкъ убитыми, ранеными и бѣжавшими. Башкирцы, ожидаемые изъ Уфы, не бывали; находившіеся въ недалекомъ разстояніи, подъ начальствомъ Князя Уракова, бѣжали слыша пальбу. Солдаты, по большей части престарѣлые или рекруты, громко роптали и готовы были сдаться; молодые офицеры, не бывавшіе въ огнѣ, не умѣли ихъ ободрить. Гренадеры, отправленные на под-

водахъ изъ Симбирска при Поручикѣ Карташовѣ, ѣхали съ такой оплошностію, что даже ружья не были у нихъ заряжены, и каждый спалъ въ своихъ саняхъ. Они сдались съ четырехъ первыхъ выстрѣловъ, услышанныхъ Каромъ поутру изъ деревни Юзеевой.

Каръ потерялъ вдругъ свою самонадѣянность. Съ донесеніемъ о своемъ уронѣ, онъ представилъ Военной Коллегіи, что для пораженія Пугачева нужны не слабые отряды, а цѣлые полки, надежная конница и сильная артиллерія. Онъ немедленно послалъ повелѣніе Полковнику Чернышеву не выступать изъ Перволоцкой, и стараться въ ней укрѣпиться въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Но посланный къ Чернышеву не могъ уже его догнать.

11 Ноября, Чернышевъ выступилъ изъ Перволоцкой, и 15го въ ночь, прибылъ въ Чернорѣченскую. Тутъ онъ получилъ отъ двухъ Илецкихъ казаковъ, приведенныхъ Самарскимъ Атаманомъ, извѣстіе о разбитіи Кара и о взятіи ста семидесяти гренадеръ. Въ истинѣ послѣдняго показанія Чернышевъ не могъ усомниться: гренадеры были отправлены имъ самимъ изъ Симбирска, гдѣ они находились при отводѣ рекрутъ. Онъ не зналъ, на что рѣшиться: отступить ли къ Перволоцкой или спѣшить къ Оренбургу, куда наканунѣ отпра-

вилъ онъ донесеніе о своемъ приближеніи. Въ сіе время явились къ нему пять казаковъ и одинъ солдатъ, которые, какъ увѣрили, бѣжали изъ Пугачевского стана. Между ними находился казацкій Сотникъ и депутатъ ⁴⁴ Падуровъ. Онъ увѣрилъ Чернышева въ своемъ усердіи, представя въ доказательство свою депутатскую медаль, и совѣтовалъ немедленно итти къ Оренбургу, вызываясь провести его безопасными мѣстами. Чернышевъ ему повѣрилъ, и въ тотъ же часъ, безъ барабаннаго бою, выступилъ изъ Чернорѣченской. Падуровъ велъ его горами, увѣряя, что передовые караулы Пугачева далеки, и что если на разсвѣтѣ они его и увидятъ, то опасность уже минуется и онъ безпрепятственно успѣетъ вступить въ Оренбургъ. Утромъ Чернышевъ пришелъ къ Сакмарѣ, и при урочищѣ Маякѣ, въ пяти верстахъ отъ Оренбурга, началъ переправляться по льду. Съ нимъ было тысяча пять сотъ солдатъ и казаковъ, пять сотъ Калмыковъ и двѣнадцать пушекъ. Капитанъ Ружевскій переправился первый съ артиллеріей и легкимъ войскомъ; онъ тотчасъ, взявъ съ собой трехъ казаковъ, отправился въ Оренбургъ, и явился къ Губернатору съ извѣстіемъ о прибытіи Чернышева. — Въ самое сіе время въ Оренбургъ услышали пушечную пальбу, которая черезъ четверть часа и умолкла . . . Нѣсколько

времени спустя, Рейнсдорпъ получилъ извѣстіе, что весь отрядъ Чернышева взятъ и ведется въ лагерь Пугачева.

Чернышевъ былъ обманутъ Падуровымъ, который привелъ его прямо къ Пугачеву. Мятежники вдругъ на него бросились и овладѣли артиллеріей. Казаки и Калмыки измѣнили. Пѣхота, утомленная стужею, голодомъ и ночнымъ переходомъ, не могла сопротивляться. Все было захвачено. Пугачевъ повѣсилъ Чернышева, тридцать шесть офицеровъ, одну Прапорщицу и Калмыцкаго Полковника⁴⁵, оставшагося вѣрнымъ своему несчастному начальнику.

Въ то же самое время Бригадиръ Корфъ вступалъ въ Оренбургъ съ двумя тысячами четырьмястами человекъ войска и съ двадцатью орудіями. Пугачевъ напалъ и на него: но былъ отраженъ городскими казаками.

Оренбургское начальство казалось обезумленнымъ отъ ужаса. 14 Ноября Рейнсдорпъ, не подавъ наканунѣ никакой помощи отряду несчастнаго Чернышева, вздумалъ сдѣлать сильную вылазку. Все войско, бывшее въ городѣ (включая тутъ же и вновь прибывшій отрядъ), было выведено въ поле, подъ предводительствомъ Оберъ-Коменданта. Бунтовщики, вѣрные своей системѣ, сражались издали и вразсыпную, производя безпрестанный огонь

изъ многочисленныхъ своихъ орудій. Изнуренная городская конница не могла имѣть и надежды на успѣхъ. Валленштернъ принужденъ былъ составить карре и отступить, потерявъ тридцать два человѣка ⁴⁶. Въ тотъ же день Маіоръ Варнстедъ, отряженный Каромъ на ново-Московскую дорогу, встрѣченъ былъ сильнымъ отрядомъ Пугачева, и поспѣшно отступилъ, потерявъ до двухъ сотъ человѣкъ убитыми.

Получивъ извѣстіе о взятіи Чернышева, Каръ совершенно упалъ духомъ, и думалъ уже не о побѣдѣ надъ презрѣннымъ бунтовщикомъ, но о собственной безопасности. Онъ донесъ обо всемъ Военной Коллегіи, самовольно отказался отъ начальства, подъ предлогомъ болезни, далъ нѣсколько умныхъ совѣтовъ на счетъ образа дѣйствій противу Пугачева, и оставя свое войско на попеченіе Фрейману, уѣхалъ въ Москву, гдѣ появленіе его произвело общій ропотъ. Императрица, строгимъ указомъ, повелѣла его исключить изъ службы ⁴⁷. Съ того времени жилъ онъ въ своей деревнѣ, гдѣ и умеръ въ началѣ царствованія Императора Александра.

Императрица видѣла необходимость взять сильныя мѣры противъ возрастающаго зла. Она искала надежнаго военачальника, и выбрала Генераль - Аншефа Бибикова. — Александръ Ильичъ

Бибиковъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ Екатерининскихъ временъ, столь богатыхъ людьми знаменитыми. Въ молодыхъ еще лѣтахъ онъ успѣлъ уже отличиться на поприщѣ войны и гражданственности. Онъ служилъ съ честію въ Семилѣтнюю войну, и обратилъ на себя вниманіе Фридриха Великаго. Важныя препорученія были на него возлагаемы: въ 1763 году, посланъ онъ былъ въ Казань, для усмиренія взбунтовавшихся заводскихъ крестьянъ. Твердостію и благоразумною кротостію вскорѣ возстановилъ онъ порядокъ. Въ 1766 году, когда составлялась Коммисія новаго Уложенія, онъ предсѣдательствовалъ въ Костромѣ на выборахъ, самъ былъ избранъ депутатомъ, и потомъ назначенъ въ Предводители всего Собранія. Въ 1771 году, онъ назначенъ былъ, на мѣсто Генераль-Поручика Веймарна, Главнокомандующимъ въ Польшу, гдѣ въ скоромъ времени успѣлъ не только устроить упущенныя дѣла, но и приобрѣсти любовь и довѣренность побѣжденныхъ.

Въ эпоху, нами описываемую, находился онъ въ Петербургѣ. Сдавъ недавно главное начальство надъ завоеванною Польшею Генераль-Поручику Романіусу, онъ готовился ѣхать въ Турцію, служить при Графѣ Румянцовѣ. Бибиковъ былъ холодно принятъ Императрицею, дотошъ всегда къ нему благосклонною. Можетъ быть, она была

недовольна нескромными словами, вынужденными у него досадою; ибо усердный на дѣлѣ и душою преданный Государынѣ, Бибиковъ былъ брюзгливъ и смѣлъ въ своихъ сужденіяхъ. Но Екатерина умѣла властвовать надъ своими предубѣжденіями. Она подошла къ нему, на придворномъ балѣ, съ прежнею ласковой улыбкой, и милостиво съ нимъ разговаривая, объявила ему новое его назначеніе. Бибиковъ отвѣчалъ, что онъ посвятилъ себя на службу отечеству, и тутъ же привелъ слова простонародной пѣсни, примѣнивъ ихъ къ своему положенію:

Сарафанъ ли мой, дорогой сарафанъ!
Вездѣ ты, сарафанъ, пригожаешься;
А не надо, сарафанъ, и подъ лавкой лежишь.

Онъ безотговорочно принялъ на себя многотрудную должность, и 9 Декабря отправился изъ Петербурга.

Пріѣхавъ въ Москву, Бибиковъ нашелъ старую столицу въ страхъ и уныніи. Жители, недавніе свидѣтели бунта и чумы, трепетали въ ожиданіи новаго бѣдствія. Множество дворянъ бѣжало въ Москву изъ губерній, уже разоряемыхъ Пугачевымъ, или угрожаемыхъ возмущеніемъ. Холопья, ими навезенные, распускали по площадямъ вѣсти о вольности и объ истребленіи господъ. Многочислен-

ная Московская чернь, пьянствуя и шатаясь по улицамъ, съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидала Пугачева. Жители приняли Бибикова съ восторгомъ, доказывавшимъ, въ какой опасности полагали себя. Онъ оставилъ Москву, спѣша оправдать ея надежды.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дѣйствія мятежниковъ. — Маіоръ Заевъ. — Взятіе Ильинской крѣпости. — Смерть Камешкова и Воронова. — Состояніе Оренбурга. — Осада Яицкаго городка. — Сраженіе подъ Бердою. — Бибиковъ въ Казани. — Екатерина II, помѣщица Казанская. — Мнѣше Европы. — Вольтеръ. — Указъ о домѣ и семействѣ Пугачева.

Разбитіе Кара и Фреймана, погибель Чернышева и неудачныя вылазки Валленштерна и Корфа увеличили въ мятежникахъ дерзость и самонадѣянность. Они кинулись во всѣ стороны, разоряя селенія, города, возмущая народъ, и нигдѣ не находили сопротивленія. Торновъ съ шестьюстами челоуѣкъ взбунтовалъ и ограбилъ всю Нагайбацкую область. Чика, между тѣмъ, подступилъ подъ Уфу съ десяти-тысячнымъ отрядомъ, и осадилъ ее въ концѣ Ноября. Городъ не имѣлъ укрѣпленій подобныхъ Оренбургскимъ; однако жъ

Комендантъ Мясоѣдовъ и дворяне, искавшіе въ немъ убѣжища, рѣшились обороняться. Чика, не отваживаясь на сильныя нападенія, остановился въ селѣ Чесноковкѣ, въ десяти верстахъ отъ Уфы, взбунтовалъ окрестныя деревни, большею частію Башкирскія, и отрѣзалъ городъ отъ всякаго сообщенія. Ульяновъ, Давыдовъ и Бѣлобородовъ дѣйствовали между Уфою и Казанью. Между тѣмъ Пугачевъ послалъ Хлопушу съ пятью стами чело-вѣкъ и шестью пушками взять крѣпость Ильинскую и Верхне-Озерную, къ востоку отъ Оренбурга. Для защиты сей стороны отряжены были, Сибирскимъ Губернаторомъ Чичеринымъ, Генераль-Поручикъ Декалонгъ и Генераль-Маіоръ Станиславскій ⁴⁸. Первый прикрывалъ границы Сибирскія; послѣдній находился въ Орской ⁴⁹ крѣпости, дѣйствуя нерѣшительно, теряя бодрость при малѣйшей опасности, и подъ различными предлогами отказываясь отъ исполненія своего долга.

Хлопуша взялъ Ильинскую, на приступѣ заколовъ Коменданта, Поручика Лопатина, но пощадилъ офицеровъ и не разорилъ даже крѣпости. Онъ пошелъ на Верхне-Озерную. Комендантъ, Подполковникъ Демаринъ, отразилъ его нападеніе. Узнавъ о томъ, Пугачевъ самъ поспѣшилъ на помощь Хлопуши, и соединясь съ нимъ 26 Ноября утромъ, подступилъ тотъ же часъ къ крѣпости. Цѣлый

день пальба не умолкала. Нѣсколько разъ мятежники спѣшась ударили въ копыя, но всегда были опрокинуты. Вечеромъ Пугачевъ отступилъ въ Башкирскую деревню, за двѣнадцать верстъ отъ Верхне-Озерной. Тутъ узналъ онъ, что съ Сибирской линіи идутъ къ Ильинской три роты, отряженные Генералъ-Маіоромъ Станиславскимъ. Онъ пошелъ пересѣчь имъ дорогу.

Маіоръ Заевъ, начальствовавшій симъ отрядомъ, успѣлъ однако занять Ильинскую (27 Ноября). Крѣпость, оставленная Хлопушею, не была имъ выжжена. Жители не были выведены. Между ними находилось нѣсколько плѣнныхъ конфедератовъ. Стѣны и нѣкоторыя избы были повреждены. Войско все было взято, кромѣ одного сержанта и раненаго офицера. Анбаръ былъ отворенъ. Нѣсколько четвертей муки и сухарей валялись на дворѣ. Одна пушка брошена была въ воротахъ. Заевъ наскоро сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія, разставилъ по тремъ бастіонамъ три пушки, бывшія въ его отрядѣ (на четвертый не достало); также учредилъ караулы и разъѣзды, и сталъ ожидать непріятеля.

На другой день въ сумерки Пугачевъ явился передъ крѣпостью. Мятежники приблизились, и разъѣзжая около нея, кричали часовымъ: «Не стрѣляйте, и выходите вонъ: здѣсь Государь.» По

нихъ выстрѣлили изъ пушки. Убило ядромъ одну лошадь. Мятежники скрылись, и черезъ часъ показались изъ-за горы, скача вразсыпную подъ предводительствомъ самого Пугачева. Ихъ отогнали пушками. Солдаты и плѣнные Поляки (особливо послѣдніе) съ жаромъ просились на вылазку; но Заевъ не согласился, опасаясь отъ нихъ измѣны. «Оставайтесь здѣсь и защищайтесь» — сказалъ онъ имъ — «а я отъ Генерала выхожу на вылазку повелѣнія не имѣю.»

29го Пугачевъ подступилъ опять, везя двѣ пушки на санихъ и передъ ними подвигая нѣсколько возовъ сѣна. Онъ кинулся къ бастіону, на которомъ не было пушки. Заевъ успѣшилъ поставить тамъ двѣ; но прежде, нежели успѣли ихъ перетащить, мятежники разбили ядрами деревянный бастіонъ, спѣшась, бросились и доломали его, и съ обычнымъ воплемъ ворвались въ крѣпость. Солдаты разстроились и побѣжали. Заевъ, почти всѣ офицеры и двѣсти рядовыхъ были убиты. Остальныхъ погнали въ ближнюю Татарскую деревню. Плѣнные солдаты приведены были противъ заряженной пушки. Пугачевъ, въ красномъ казацкомъ платьѣ, пріѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи Хлопуши. При его появленіи солдаты поставлены были на колѣна. Онъ сказалъ имъ: *Прощаетъ васъ Богъ и я, вашъ Государь Петръ III, Императоръ.*

Вставайте! Потомъ велѣлъ оборотить пушку и вышалить въ степь. Ему представили Капитана Камешкова и Прапорщика Воронова. Исторія должна сохранить сіи смиренныя имена. *Загнѣ вы шли на меня, на вашего Государя?* спросилъ побѣдитель — «Ты намъ не Государь,» отвѣчали плѣнники: «у насъ въ Россіи Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна и Государь Цесаревичъ Павелъ Петровичъ; а ты воръ и самозванецъ.» Они тутъ же были повѣшены. — Потомъ привели Капитана Башарина. Пугачевъ не сказавъ уже ему ни слова, велѣлъ было вѣшать и его. Но взятые въ плѣнъ солдаты стали за него просить. *Коли онъ былъ до васъ добръ,* сказалъ самозванецъ, *то я его прощаю.* И велѣлъ его, такъ же, какъ и солдатъ, остричь по-казацки, а раненыхъ отвезти въ крѣпость. Казаки, бывшіе въ отрядѣ, были приняты мятежниками, какъ товарищи. На вопросъ, зачѣмъ они тотчасъ не присоединились къ осаждающимъ, они отвѣчали, что боялись солдатъ.

Отъ Ильинской Пугачевъ опять обратился къ Верхне-Озерной. Ему непремѣнно хотѣлось ее взять, тѣмъ болѣе, что въ ней находилась жена Бригадира Корфа. Онъ грозился ее повѣсить, злобясь на ея мужа, который думалъ обмануть его лживыми переговорами ⁵⁰.

30 Ноября, онъ снова окружилъ крѣпость, и цѣлый день стрѣлялъ по ней изъ пушекъ, покушаясь на приступъ, то съ той, то съ другой стороны. Демаринъ, для ободренія своихъ, цѣлый день стоялъ на валу, самъ заряжая пушку. Пугачевъ отступилъ, и хотѣлъ итти противу Станиславскаго, но, перехвативъ Оренбургскую почту, раздумалъ и возвратился въ Бердскую слободу.

Во время его отсутствія, Рейнсдорпъ хотѣлъ сдѣлать вылазку, и 30го, ночью, войско выступило было изъ города; но лошади, изнуренныя безкормицей, падали и дохли подъ тяжестью артиллеріи, а нѣсколько казаковъ бѣжало. Валленштернъ принужденъ былъ возвратиться.

Въ Оренбургѣ начиналъ оказываться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Рейнсдорпъ требовалъ оныхъ отъ Декалонга и Станиславскаго. Оба отговаривались. Онъ ежечасно ожидалъ прибытія новаго войска, и не получалъ о немъ никакого извѣстія, будучи отрѣзанъ отсюда, кромѣ Сибири и Киргизъ-Кайсацкихъ степей. Для поимки языка, высылалъ онъ иногда до тысячи человѣкъ, и то нерѣдко безъ успѣха. Вздумалъ онъ, по совѣту Тимашева, разставить капканы около вала, и какъ волковъ, ловить мятежниковъ, развѣзжающихъ ночью близъ города. Сами осажденные смѣялись надъ сею военной хитростію, хотя имъ было не

до смѣха; а Падуровъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, язвительно упрекалъ Губернатора его неудачной выдумкой, предрекая ему гибель и насмѣшливо совѣтуя покориться самозванцу ⁵¹.

Яицкой городокъ, сіе первое гнѣздо бунта, долго не выходилъ изъ повиновенія, уstraшенный войскомъ Симонова. Наконецъ частыя пересылки съ бунтовщиками и ложные слухи о взятіи Оренбурга ободрили приверженцевъ Пугачева. Казаки, отряжаемые Симоновымъ изъ города для содержанія карауловъ, или для поимки возмутителей, подсылаемыхъ изъ Бердской слободы, начали явно оказывать неповиновеніе, освобождать схваченныхъ бунтовщиковъ, вязать вѣрныхъ Старшинъ и перебѣгать въ лагерь къ самозванцу. Разнесся слухъ о приближеніи мятежническаго отряда. Въ ночь съ 29 на 30 Декабря, старшина Мостовщиковъ выступилъ противу него. Черезъ нѣсколько часовъ трое изъ бывшихъ съ нимъ казаковъ прискакали въ крѣпость и объявили, что Мостовщиковъ въ семи верстахъ отъ города былъ окруженъ и захваченъ многочисленными толпами бунтовщиковъ. Смятеніе въ городѣ было велико. Симоновъ оробѣлъ; къ счастью, въ крѣпости находился Капитанъ Крыловъ, человекъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ

нужныя распоряженія. 31 Декабря, отрядъ мятежниковъ, подъ предводительствомъ Толкачева, вошелъ въ городъ. Жители приняли его съ восторгомъ, и тутъ же, вооружась чѣмъ ни подало, съ нимъ соединились, бросились къ крѣпости изъ всѣхъ переулковъ, засѣли въ высокія избы, и начали стрѣлять изъ окошекъ. Выстрѣлы, говорить одинъ свидѣтель, сыпались подобно дробѣ битой десятью барабанщиками. Въ крѣпости падали не только люди, стоявшіе на виду, но и тѣ, которые на минуту приподымались изъ-за заплотовъ. — Мятежники, безопасныя въ десяти саженьяхъ отъ крѣпости, и большею частію *гулебишки* (охотники), попадали даже въ щели, изъ которыхъ стрѣляли осажденные. Симоновъ и Крыловъ хотѣли зажечь ближайшіе дома. Но бомбы падали въ снѣгъ и угасали, или тотчасъ были заливаемы. Ни одна изба не загоралась. Наконецъ трое рядовыхъ вызвались зажечь ближайшій дворъ, что имъ и удалось. Пожаръ быстро распространился. Мятежники выбѣжали; изъ крѣпости начали по нимъ стрѣлять изъ пушекъ; они удалились, унося убитыхъ и раненыхъ. Къ вечеру, ободренный гарнизонъ сдѣлалъ вылазку, и успѣлъ зажечь еще нѣсколько домовъ.

Въ крѣпости находилось до тысячи гарнизонныхъ солдатъ и послушныхъ, довольноя количество пороху, но мало съѣстныхъ припасовъ. Мя-

тежники осадили крѣпость, завалили бревнами обгорѣлую площадь и ведущія къ ней улицы и переулки; за строеніями взвели до шестнадцати батарей; въ избахъ, подверженныхъ выстрѣламъ, подѣлали двойныя стѣны, засыпавъ промежутокъ землею, и начали вести подкопы. Осажденные старались только отдалить непріятеля, очищая площадь, и нападая на укрѣпленныя избы. Сіи опасныя вылазки производились ежедневно, иногда два раза въ день, и всегда съ успѣхомъ: солдаты были остервенѣны, а послушные не могли ожидать пощады отъ мятежниковъ.

Положеніе Оренбурга становилось ужаснымъ. У жителей отобрали муку и крупу, и стали имъ производить ежедневную раздачу. Лошадей давно уже кормили хворостомъ. Большая часть ихъ пала и употреблена была въ пищу. Голодъ увеличивался. Куль муки продавался (и то самымъ тайнымъ образомъ) за двадцать пять рублей. По предложенію Рычкова (Академика, находившагося въ то время въ Оренбургѣ) стали жарить бычачьи и лошадиныя кожи, и мелко изрубивъ, мѣшать въ хлѣбы. Произшли болѣзни. Ропотъ становился громче. Опасались мятежа.

Въ сей крайности Рейнсдорпъ рѣшился еще разъ попробовать счастія оружія, и 13 Января, всѣ войска, находившіяся въ Оренбургѣ, выступили

изъ города тремя колоннами, подъ предводительствомъ Валленштерна, Корфа и Наумова. Но темнота зимняго утра, глубина снѣга и изнуреніе лошадей препятствовали дружному содѣйствию войскъ. Наумовъ первый прибылъ къ назначенному мѣсту. Мятежники увидѣли его, и успѣли сдѣлать свои распоряженія. Валленштернъ, долженствовавшій занять высоты у дороги изъ Берды къ Каргалѣ, былъ предупрежденъ. Корфъ былъ встрѣченъ сильнымъ пушечнымъ огнемъ; толпы мятежниковъ начали заѣзжать втылъ обѣимъ колоннамъ. Казаки, оставленные въ резервъ, бѣжали отъ нихъ, и прискакавъ къ колоннѣ Валленштерна, произвели общій безпорядокъ. Онъ очутился между трехъ огней; отрядъ его смѣшался. Валленштернъ отступилъ; Корфъ ему послѣдовалъ; Наумовъ, сначала дѣйствовавшій довольно удачно, страшась быть отрѣзаннымъ, кинулся за ними. Все войско бѣжало въ безпорядкѣ до самаго Оренбурга, потерявъ до четырехъ сотъ убитыми и ранеными, и оставя пятнадцать орудій въ рукахъ разбойниковъ. Послѣ сей неудачи, Рейнсдорпъ уже не осмѣливался дѣйствовать наступательно, и подъ защитою стѣнъ и пушекъ сталъ ожидать своего освобожденія.

Бибиковъ прибылъ въ Казань 25 Декабря. Въ городѣ не нашелъ онъ ни Губернатора, ни главныхъ чиновниковъ. Большая часть дворянъ и куп-

цовъ бѣжала въ губерніи еще безопасныя. Брантъ былъ въ Козмодемьянскѣ. Пріѣздъ Бибикова оживилъ унывшій городъ; выѣхавшіе жители стали возвращаться. 1 Января 1774 года, послѣ молебствія и слова, говореннаго Казанскимъ Архіереемъ Веніаминомъ, Бибиковъ собралъ у себя дворянство, и произнесъ умную и сильную рѣчь, въ которой, изобразивъ настоящее бѣдствіе и попеченія Правительства о пресѣченіи онаго, обратился къ сословію, которое вмѣстѣ съ Правительствомъ обречено было на гибель крамолою, и требовалъ содѣйствія отъ его усердія къ отечеству и вѣрности къ престолу. Рѣчь сія произвела глубокое впечатлѣніе. Собраніе тутъ же положило на свой счетъ составить и вооружить конное войско, поставя съ двухъ сотъ душъ одного рекрута. Генераль-Маіоръ Ларіоновъ, родственникъ Бибикова, былъ избранъ въ начальники легіона. Дворянство Симбирское, Свіяжское и Пензенское послѣдовало сему примѣру: были составлены еще два конныхъ отряда и поручены начальству Маіоровъ Гладкова и Чемесова, и Капитана Матюнина. Казанскій Магистратъ также вооружилъ на свое иждивеніе одинъ эскадронъ гусарь.

Императрица изъявила Казанскому дворянству Монаршее благоволеніе, милость и покровительство, и въ особомъ письмѣ къ Бибикову, именуя

себя Казанскою Помѣщицею, вызывалась принять участие въ мѣрахъ, предпринимаемыхъ общими силами. Дворянскій Предводитель Макаровъ отвѣчалъ Императрицѣ рѣчью, сочиненною Гвардіи Подпоручикомъ Державинымъ, находившимся тогда при Главнокомандующемъ ⁵².

Бибиковъ, стараясь ободрить окружавшихъ его жителей и подчиненныхъ, казался равнодушнымъ и веселымъ; но безпокойство, досада и нетерпѣніе терзали его. Въ письмахъ къ Графу Чернышеву, Фонвизину и своимъ родственникамъ, онъ живо изображаетъ затруднительность своего положенія. 30 Декабря, писалъ онъ своей женѣ: «Навѣдавшись о всѣхъ обстоятельствахъ, дѣла здѣсь нашель прескверны, такъ что и описать буде бѣ хотѣлъ, не могу; вдругъ себя увидѣлъ гораздо въ худшихъ обстоятельствахъ и заботѣ, нежели какъ сначала въ Польшѣ со мною было. Пишу день и ночь, пера изъ рукъ не выпускаю; дѣлаю все возможное, и прошу Господа о помощи. Онъ единъ исправить можетъ Своею милостію. Правда, позденъко хватились. Войска мои прибывать начали вчера; баталіонъ гренадеръ и два эскадрона гусаръ, что я велѣлъ везти на почтѣ, прибыли. Но къ утушенію заразы сего очень мало, а зло таково, что похоже (помнишь) на Петербургской пожаръ, какъ въ разныхъ мѣстахъ вдругъ горѣло, и какъ было

поспѣвать всюду трудно. Со всѣмъ тѣмъ, съ надеждою на Бога, буду дѣлать, что только въ моей возможности будетъ. Бѣдный старикъ Губернаторъ, Брантъ, такъ замучень, что насилу уже таскается. Отдасть Богу отвѣтъ въ пролитой крови и погибели множества людей невинныхъ, кто скоростію перепакостиль здѣшнія дѣла и обнажилъ отъ войскъ. Впрочемъ я здоровъ, только пить ни ѣсть не хочется, и сахарныя яства на умъ нейдуть. Зло велико, преужасно. Батюшку, милостиваго государя, прошу о родительскихъ молитвахъ, а праведную ⁵³ Евпраксию нерѣдко поминаю. Ухъ! дурно.»

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе дѣлъ было ужасно. Общее возмущеніе Башкирцевъ, Калмыковъ и другихъ народовъ, разсѣянныхъ по тамошнему краю, отсюда пресѣкало сообщеніе. Войско было мало-численно и ненадежно. Начальники оставляли свои мѣста и бѣжали, завидя Башкирца съ сайдакомъ, или заводскаго мужика съ дубиной ⁵⁴. Зима усугубила затрудненія. Степи покрыты были глубокимъ снѣгомъ ⁵⁵. Невозможно было двинуться впередъ, не запасшись не только хлѣбомъ, но и дровами ⁵⁶. Селенія были пусты, главные города въ осадѣ, другіе заняты шайками бунтовщиковъ, заводы разграблены и выжжены, чернь вездѣ волновалась и злодѣйствовала. Войска, посланныя

изо всѣхъ концовъ государства, подвигались медленно. Зло, ничѣмъ не прегражденное, разливалось быстро и широко. Отъ Илецкаго городка до Гурьева, Яицкіе Казаки бунтовали. Губерніи Казанская, Нижегородская и Астраханская⁵⁷ были наполнены шайками разбойниковъ; пламя могло ворваться въ самую Сибирь; въ Перми начинались безпокойства; Екатеринбургъ былъ въ опасности. Киргизъ-Кайсаки, пользуясь отсутствіемъ войскъ, начали переходить черезъ открытую границу, грабить хутора, отгонять скоть, захватывать жителей⁵⁸. Закубанскіе народы шевелились, возбуждаемые Турціею; даже нѣкоторыя изъ Европейскихъ Державъ думали воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ, въ коемъ находилась тогда Россія⁵⁹.

Виновникъ сего ужаснаго смятенія привлекалъ общее вниманіе. Въ Европѣ принимали Пугачева за орудіе Турецкой политики. Вольтеръ, тогдашній представитель господствующихъ мнѣній, писалъ Екатеринѣ: *C'est apparemment le Chevalier de Tott qui a fait jouer cette farce, mais nous ne sommes plus au tems de Demetrius, et telle pièce de théâtre qui réussissait il y a deux cents ans, est sifflée aujourd'hui.* Императрица, досадуя на сплетни Европейскія, отвѣчала Вольтеру съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ: *Monsieur, les gazettes seules font beaucoup de bruit du brigand Pougatschef lequel n'est en relation directe, ni indirecte*

avec Mr de Tott. Je fais autant de cas des canons fondus par l'un, que des entreprises de l'autre. Mr de Pougatchef et de Tott ont cependant cela de commun, que le premier file tous les jours sa corde de chanvre et que le second s'expose à chaque instant au cordon de soie ⁶⁰.

Не смотря на свое презрѣніе къ разбойнику, Императрица не упускала ни одного средства образумить ослѣпленную чернь. Разосланы были всюду увѣщательные манифесты; обѣщано десять тысячъ рублей за поимку самозванца. Особенно опасались сношеній Яика съ Дономъ. Атаманъ Ефремовъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто избранъ Семень Сулинъ. Послано въ Черкасскъ повелѣніе сжечь домъ и имущество Пугачева, а семейство его, *безо всякаго оскорбленія*, отправить въ Казань, для уличенія самозванца въ случаѣ поимки его. Донское начальство въ точности исполнило слова Высочайшаго указа: домъ Пугачева, находившійся въ Зимовейской станицѣ, былъ за годъ предъ симъ проданъ его женою, пришедшею въ крайнюю бѣдность, и уже сломанъ и перенесенъ на чужой дворъ. Его перевезли на прежнее мѣсто, и въ присутствіи духовенства и всей станицы сожгли. Палачи развѣяли пепель на вѣтеръ, дворъ окопали и огородили, оставя навѣки въ заустѣніи, какъ мѣсто проклятое. Начальство, отъ имени всѣхъ

Зимовейскихъ казаковъ, просило дозволенія перенести ихъ станицу на другое мѣсто, *хотя бы и земле выгодное*. Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердія, и только переименовала Зимовейскую станицу въ Потемкинскую, покрывъ мрачныя воспоминанія о мятежннкѣ славой имени новаго, уже любезнаго ей и отечеству. Жена Пугачева, сынъ и двѣ дочери (всѣ трое малолѣтныя) были отосланы въ Казань, куда отправленъ и родной его братъ, служившій казакомъ во второй арміи. Между тѣмъ отобраны слѣдующія подробныя свѣдѣнія о злодѣѣ, колебавшемъ государство ⁶¹.

Емельянъ Пугачевъ, Зимовейской станицы служилый казакъ, былъ сынъ Ивана Михайлова, умершаго въ давнихъ годахъ. Онъ былъ сорока лѣтъ отроду, росту средняго, смугль и худощавъ; волосы имѣлъ темпорусые, бороду черную, небольшую и клиномъ. Верхній зубъ былъ вышибенъ еще въ ребячествѣ, въ кулачномъ бою. На лѣвомъ виску имѣлъ онъ бѣлое пятно, а на обѣихъ грудяхъ знаки, оставшіеся послѣ болѣзни, называемой черною немочью ⁶². Онъ не зналъ грамотѣ, и крестился по раскольничьи. Лѣтъ тому десять, женился онъ на казачкѣ Софѣѣ Недюжиной, отъ которой имѣлъ пятерыхъ дѣтей. Въ 1770 году, былъ онъ на службѣ во второй арміи, находился при взятіи

Бендеръ, и черезъ годъ отпущень на Донъ, по причинѣ болѣзни. Онъ ѣздилъ для излеченія въ Черкасскъ. По его возвращеніи на родину, Зимовейской Атаманъ спрашивалъ его на станичномъ сборѣ, откуда взялъ онъ карюю лошадь, на которой пріѣхалъ домой? Пугачевъ отвѣчалъ, что купилъ ее въ Таганрогъ; но казаки, зная его безпутную жизнь, не повѣрили, и послали его взять тому письменное свидѣтельство. Пугачевъ уѣхалъ. Между тѣмъ узнали, что онъ подговаривалъ нѣкоторыхъ казаковъ, поселенныхъ подъ Таганрогомъ, бѣжать за Кубань. Положено было отдать Пугачева въ руки Правительству. Возвратясь въ Декабрѣ мѣсяцѣ, онъ скрывался на своемъ хуторѣ, гдѣ и былъ пойманъ; но успѣлъ убѣжать; скитался мѣсяца три невѣдомо гдѣ; наконецъ, въ Великомъ посту, однажды вечеромъ пришелъ тайно къ своему дому и постучался въ окошко. Жена впустила его, и дала знать о немъ казакамъ. Пугачевъ былъ снова пойманъ, и отправленъ подъ карауломъ къ сыщику, Старшинѣ Макарову, въ Нижнюю Чирскую станицу, а оттуда въ Черкасскъ. Съ дороги онъ бѣжалъ опять, и съ тѣхъ поръ уже на Дону не являлся. Изъ показаній самаго Пугачева, въ концѣ 1772 года приведеннаго въ Канцелярію Дворцовыхъ Дѣлъ, извѣстно уже было, что послѣ своего побѣга скрывался онъ за Поль-

ской границей, въ раскольничьей слободѣ Веткѣ; потомъ взялъ паспортъ съ Добрянскаго форпоста, сказавшись выходцемъ изъ Польши, и пробрался на Яикъ, питаясь милостыней. — Всѣ сіи извѣстія были обнародованы; между тѣмъ Правительство запретило народу толковать о Пугачевѣ, коего имя волновало чернь. Сія временная полицейская мѣра имѣла силу закона до самаго восшествія на престолъ покойнаго Государя Императора Александра, когда разрѣшено было писать и печатать о Пугачевѣ⁶³. Донынѣ престарѣлые свидѣтели тогдашняго смятенія неохотно отвѣчаютъ на вопросы любопытныхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Распоряженія Бибикова. — Первые успѣхи. — Взятіе Самары и Зайнска. — Державинъ. — Михельсонъ. — Продолженіе осады Яицкаго городка. — Свадьба Пугачева. — Разореніе Яицкой защиты. — Смерть Лысова. — Сраженіе подъ Татищевой. — Бѣгство Пугачева. — Казнь Хлопуши. — Освобожденіе Оренбурга. — Пугачевъ разбитъ вторично. — Сраженіе при Чесноковкѣ. — Освобожденіе Уфы и Яицкаго городка. — Смерть Бибикова.

Наконецъ войска, отовсюду посланныя противу Пугачева, стали приближаться къ мѣсту своего назначенія. Бибиковъ устремилъ ихъ къ Оренбургу. Генераль-Маіоръ Князь Голицынъ, съ своимъ корпусомъ, долженъ былъ заградить Московскую дорогу, дѣйствуя отъ Казани до Оренбурга. Генераль-Маіору Мансурову ввѣрено было правое крыло, для прикрытія Самарской линіи, куда со своими отрядами слѣдовалъ Маіоръ Муфель и Подполковникъ Гриневъ. Генераль-Маіоръ Ларіоновъ посланъ

былъ къ Уфѣ и къ Екатеринбургъ, Декалонгъ охранялъ Сибирь, и долженъ былъ отрядить Маіора Гагринна съ одною полевою командою для защиты Кунгура. Въ Малыкову посланъ былъ гвардіи Поручикъ Державинъ, для прикрытія Волги со стороны Пензы и Саратова. Успѣхъ оправдалъ сіи распоряженія. Бибиковъ сначала сомнѣвался въ духъ своего войска. Въ одномъ изъ полковъ (во Владимірскомъ) оказались было приверженцы Пугачева. Начальникамъ городовъ, чрезъ которые полкъ проходилъ, велѣно было разослать по кабакамъ переодѣтыхъ чиновниковъ. Такимъ образомъ возмутители были открыты и захвачены. Въ послѣдствіи Бибиковъ былъ доволенъ своими полками. «Дѣла мои, Богу благодареніе! (писалъ онъ въ Февралѣ) идутъ часъ отъ часу лучше; войски подвигаются къ гнѣзду злодѣевъ. Что мною довольны (въ Петербургѣ), то я изо всѣхъ писемъ вижу, только спросили бы гуся: не зябнуть ли ноги?»

Маіоръ Муфель, съ одною полевою командою, 29 Декабря приблизился къ Самарѣ, занятой наканунѣ шайкою бунтовщиковъ, и встрѣченный ими, разбилъ и гналъ ихъ до самаго города. Тутъ они, подъ прикрытіемъ городскихъ пушекъ, думали сопротивляться. Но драгуны ударили въ палашы и въѣхали въ городъ, рубя и попирая бѣ-

гущихъ. Въ самое сіе время, въ двухъ верстахъ отъ Самары, показались Ставропольскіе Калмыки⁶⁴, идущіе на помощь бунтовщикамъ. Они побѣжали, увидя высланную противу нихъ конницу. Городъ былъ очищенъ. Шесть пушекъ и двѣсти пѣльныхъ достались побѣдителю. Вслѣдъ за Муфелемъ вступили въ Самару Подполковникъ Гриневъ и Генераль-Маіоръ Мансуровъ. Послѣдній немедленно послалъ отрядъ къ Ставрополю, для усмиренія Калмыковъ: но они разбѣжались, и отрядъ, не выдавъ ихъ, возвратился въ Самару.

Полковникъ Бибииковъ, отряженный изъ Казани съ четырьмя гренадерскими ротами и однимъ эскадрономъ гусаръ на подкрѣпленіе Генераль-Маіора Фреймана, стоявшаго въ Бугульмѣ безо всякаго дѣйствія, пошелъ на Заинскъ, коего семидесятилѣтній Комендантъ Мертвцовъ, принялъ съ честью шайку разбойниковъ, сдавъ имъ начальство надъ городомъ. Бунтовщики укрѣпились какъ умѣли; въ пяти верстахъ отъ города, Бибииковъ услышалъ уже ихъ пушечную пальбу. Рогатки ихъ были сломаны, батареи взяты, предмѣстія заняты; все бѣжало. Двадцать пять бунтовавшихъ деревень пришли въ повиновеніе. Къ Бибиикову являлось въ день до четырехъ тысячъ раскаявшихся крестьянъ; имъ выдавали билеты, и всѣхъ распускали по домамъ.

Державинъ, начальствуя тремя фузелерными ротами, привелъ въ повиновеніе раскольничьи селенія, находящіяся на берегахъ Иргиза, и орды племенъ, кочующихъ между Яикомъ и Волгою ⁶⁵. Узнавъ однажды, что множество народу собралось въ одной деревнѣ, съ намѣреніемъ итти служить у Пугачева, онъ пріѣхалъ съ двумя казаками прямо къ сборному мѣсту, и потребовалъ отъ народа объясненія. Двое изъ зачинщиковъ выступили изъ толпы, объявили ему свое намѣреніе, и начали къ нему приступать съ укорами и угрозами. Народъ уже готовъ былъ остервениться. Но Державинъ строго на нихъ прикрикнулъ, и велѣлъ своимъ казакамъ вѣшать обоихъ зачинщиковъ. Приказъ его былъ тотчасъ исполненъ, и сборище разбѣжалось.

Генераль-Маіоръ Ларіоновъ, начальникъ дворянскаго легіона, отряженный для освобожденія Уфы, не оправдалъ общей довѣренности. «За грѣхи мои (писалъ Бибиковъ) навязался мнѣ братецъ мой А. Л., который самъ вызвался сперва командовать особливимъ detachментомъ, а теперь съ мѣста сдвинуть не могу.» Ларіоновъ оставался въ Бакалахъ безъ всякаго дѣйствія. Его неспособность заставила Главнокомандующаго послать на его мѣсто, нѣкогда раненаго при его глазахъ и уже отличившагося въ войнѣ противу конфедератовъ офицера, Подполковника Михельсона.

Князь Голцынъ принялъ начальство надъ войсками Фреймана. 22 Января, перешелъ онъ чрезъ Каму. 6 Февраля, соединился съ нимъ Полковникъ Бибииковъ; Мансуровъ, 10. Войско двинулось къ Оренбургу.

Пугачевъ зналъ о приближеніи войскъ, и мало о томъ заботился. Онъ надѣялся на измѣну рядовыхъ и на оплошность начальниковъ. *Попадутся сами намъ въ руки*, отвѣчалъ онъ своимъ сообщникамъ, когда настойчиво звали они его на встрѣчу приближающихся отрядовъ. Въ случаѣ жъ пораженія намѣревался онъ бѣжать, оставя свою *сволочь* на произволь судьбы. Для того держалъ онъ на *лучшемъ* корму тридцать лошадей, выбранныхъ имъ на скачекъ. Башкирцы подозрѣвали его намѣреніе и ройтали. «Ты взбунтовалъ насъ, говорили они, и хочешь насъ оставить, а тамъ насъ будутъ усмирять, какъ усмиряли отцевъ нашихъ.» (Казни 1740 года были у нихъ въ свѣжей памяти⁶⁶.) Лицкіе же Казаки, въ случаѣ неудачи, думали предать Пугачева въ руки Правительства, и тѣмъ заслужить себѣ помилованіе. Они стерегли его, какъ заложника. Бибииковъ понималъ ихъ и Пугачева, когда писалъ Фонвизину слѣдующія замѣчательныя строки: «Пугачевъ не что иное, какъ чучело, которымъ играютъ воры, Лицкіе Казаки: не Пугачевъ важенъ; важно общее негодованіе⁶⁷.»

Пугачевъ изъ-подъ Оренбурга отлучился къ Яицкому городку. Его прибытіе оживило дѣятельность мятежниковъ. 20 Января онъ самъ предводительствовалъ достопамятнымъ приступомъ. Ночью взорвана была часть вала подъ баттареею, устроенною при *Старицѣ* (прежнемъ руслѣ Яика). Мятежники, подъ дымомъ и пылью, съ крикомъ бросились къ крѣпости, заняли ровъ, и ставя лѣстницы, силились взойти на валь; но были опрокинуты и отражены. Всѣ жители, даже женщины и дѣти, подкрѣпляли ихъ. Пугачевъ стоялъ во рву съ копьемъ въ рукѣ, сначала стараясь лаской возбудить ревность приступающихъ, наконецъ самъ коля бѣгущихъ. Приступъ длился девять часовъ сряду, при неумолкной пальбѣ и перестрѣлкѣ. Наконецъ Подпоручикъ Толстоваловъ съ пятидесятью охотниками, сдѣлавъ вылазку, очистилъ ровъ, и прогналъ бунтовщиковъ, убивъ до четырехъ сотъ человѣкъ и потерявъ не болѣе пятнадцати. Пугачевъ скрежеталъ. Онъ поклялся повѣсить не только Симонова и Крылова, но и все семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ обреченъ былъ смерти и четырехъ лѣтній ребенокъ, въ послѣдствіи славный Крыловъ.

Пугачевъ въ Яицкомъ городкѣ увидѣлъ молодую казачку, Устинью Кузнецову, и влюбился въ

нее. Онъ сталъ ее сватать. Отецъ и мать изумились и отвѣчали ему: «Помилуй, Государь! Дочь наша не княжна, не королева; какъ ей быть за тобою? Да и какъ тебѣ жениться, когда матушка Государыни еще здравствуетъ?» Пугачевъ однако, въ началѣ Февраля, женился на Устинѣ, наименовалъ ее Императрицей и назначилъ ей штатсъ-дамъ и фрейлинъ изъ Яицкихъ казачекъ, и хотѣлъ, чтобъ на ектеніи поминали, послѣ Государя Петра Ѳедоровича, супругу его Государыню Устинью Петровну. Попы его не согласились, сказывая, что не получали на то разрѣшенія отъ Синода. Отказъ ихъ огорчилъ Пугачева; но онъ не настаивалъ въ своемъ требованіи. Жена его оставалась въ Яицкомъ городкѣ, и онъ ѣздилъ къ ней каждую недѣлю. Его присутствіе ознаменовано было всегда новыми покушеніями на крѣпость. Осажденные, съ своей стороны, не теряли бодрости. Ихъ пальба не умолкала, вылазки не прекращались.

19 Февраля ночью, прибѣжалъ изъ города въ крѣпость *малолѣтокъ*⁶⁸, и объявилъ, что съ прошедшаго дня подведенъ подъ колокольню подкопъ, куда и положено двадцать пудъ пороху, и что Пугачевъ назначалъ того же числа напасть на крѣпость. Извѣтъ показался невѣроятнымъ. Симоновъ полагалъ, что малолѣтокъ былъ подосланъ

нарочно для посѣянiя пустаго страха. Осажденные вели контрмину, и не слышали никакой земной работы: двадцатью пудами пороху мудрено взорвать было шести-ярусную, высокую колокольню. Однако же, какъ подъ нею сохранялся весь пороховой запасъ (что могли знать и мятежники), то и поспѣшили оный убрать, разобрали кирпичный полъ, и начали вести контрмину. Гарнизонъ приготовился; ожидали взрыва и приступа. Не прошло и двухъ часовъ, какъ вдругъ подкопъ былъ приведенъ въ дѣйство; колокольня тихо зашаталась. Нижняя палата развалилась, и верхнiе шесть ярусовъ осѣли, подавивъ нѣсколькихъ людей, находившихся близъ колокольни. Камни, не бывъ разметаны, свалились въ груды. Бывшiе же въ самомъ верхнемъ ярусѣ шесть часовыхъ при пушкѣ, свалились оттолкъ живы; а одинъ изъ нихъ, въ то время спавшiй, опустился не только безъ всякаго вреда, но даже не проснувшись.

Еще колокольня валилась, какъ уже изъ крепости загремѣли пушки; гарнизонъ, стоявшiй въ ружьѣ, тотчасъ занялъ развалины колокольни, и поставилъ тамъ баттарею. Мятежники, не ожидавшiе таковой встрѣчи, остановились въ недоумѣнiи; чрезъ нѣсколько минутъ они подняли свой обычный визгъ; но никто не шелъ впередъ. Напрасно предводители кричали: на словъ, на словъ,

Атаманы молодцы! Приступу не было; визгъ продолжался до зари, и бунтовщики разошлись, ропща на Пугачева, обѣщавшаго, что при взрывѣ колокольни, на крѣпость упадетъ каменный градъ и передавить весь гарнизонъ.

На другой день Пугачевъ получилъ изъ-подъ Оренбурга извѣстіе о приближеніи Князя Голицына, и поспѣшно уѣхалъ въ Берду, взявъ съ собою пять сотъ человѣкъ конницы и до полуторы тысячи подводъ. Сія вѣсть дошла и до осажденныхъ. Они предались радости, рассчитывая, что помощь приспѣетъ къ нимъ чрезъ двѣ недѣли. Но минута ихъ освобожденія была еще далека.

Во время частыхъ отлучекъ Пугачева, Шигаевъ, Падуровъ и Хлопуша управляли осадой Оренбурга. Хлопуша, пользуясь его отсутствіемъ, вздумалъ овладѣть Илецкою защитой⁶⁹ (гдѣ добывается каменная соль), и въ концѣ Февраля, взявъ съ собой четыреста человѣкъ, напалъ на оную. Защита была взята при помощи тамошнихъ ссыльныхъ работниковъ, между коими находилось и семейство Хлопуши. Казенное имущество было разграблено; офицеры перебиты, кромѣ одного, пощаженнаго по просьбѣ работниковъ; колодники присоединены къ шайкѣ мятежниковъ. Пугачевъ, возвратясь въ Берду, негодовалъ на своеволие смѣлаго каторжника, и укорялъ его за разореніе

Защиты, какъ за ущербъ государственной казни. Пугачевъ выступилъ противъ Князя Голицына съ десятию тысячами отборнаго войска, оставя подъ Оренбургомъ Шигаева съ двумя тысячами. Наканунѣ велѣлъ онъ тайно задавить одного изъ вѣрныхъ своихъ сообщниковъ, Дмитрія Лысова. Нѣсколько дней предъ тѣмъ, они ѣхали вмѣстѣ изъ Кургале въ Берду, будучи оба пьяны, и дорогою поссорились. Лысовъ наскочилъ сзади на Пугачева и ударилъ его копьемъ. Пугачевъ упалъ съ лошади; но панцырь, который всегда носилъ онъ подъ платьемъ, спасъ его жизнь. Ихъ помирили товарищи, и Пугачевъ пилъ еще съ Лысовымъ за нѣсколько часовъ до его смерти.

Пугачевъ занялъ крѣпости Тоцкую и Сорочинскую ⁷⁰, и съ обыкновенною дерзостію, ночью, въ сильной бурянь, напалъ на передовые отряды Голицына; но былъ отраженъ Маіорами Пушкинымъ и Елагинымъ. Въ семь сраженій убитъ храбрый Елагинъ. Въ самое сіе время Мансуровъ соединился съ Княземъ Голицынымъ. Пугачевъ отступилъ къ Новосергіевской ⁷¹, не успѣвъ сжечь крѣпостей, имъ оставленныхъ. Голицынъ, оставя въ Сорочинской свои запасы подъ прикрытіемъ четырехъ сотъ человекъ при осьми пушкахъ, черезъ два дня пошелъ далѣе. Пугачевъ сдѣлалъ движеніе на Илецкой городокъ, и вдругъ поворота къ Тати-

щевой, въ ней засѣлъ, и сталъ тамъ укрѣпляться. Голицынъ послалъ - было къ Илецкому городку Подполковника Бедрягу съ тремя эскадронами конницы, подкрѣпленной пѣхотою и пушками, а самъ пошелъ прямо на Переволоцкую ⁷² (куда возвратился и Бедряга); оттуда, оставя обозъ подъ прикрытіемъ одного баталіона при Подполковникѣ Гриневѣ, 22 Марта подступилъ подъ Татищеву.

Крѣпость, въ прошедшемъ году взятая и выжженная Пугачевымъ, была уже имъ исправлена. Сгорѣвшія деревянныя укрѣпленія были замѣнены снѣговыми. Распоряженія Пугачева удивили Князя Голицына, не ожидавшаго отъ него такихъ свѣдѣній въ военномъ искусствѣ. Голицынъ сначала отрядилъ триста человекъ для вымотра непріятеля ⁷³. Мятежники, притаясь, подпустили ихъ къ самой крѣпости, и вдругъ сдѣлали сильную вылазку; но были удержаны двумя эскадронами, подкрѣпленными нервахъ. Полковникъ Вибиковъ тотъ же часъ послалъ егерей, которые, бѣгая на лыжахъ по глубокому снѣгу, заняли всѣ выгодныя высоты. Голицынъ раздѣлил войска на двѣ колонны, сталъ приближаться, и открылъ огонь, на который изъ крѣпости отвѣчали столь же сильно. Пальба продолжалась три часа. Голицынъ увидѣлъ, что однѣми пушками одолѣть было невозможно, и велѣлъ Генералу Фрейману съ лѣвою колонною идти на при-

ступь. Пугачевъ выставилъ противъ него семь пушекъ. Фрейманъ ихъ отнялъ, и бросился на оледенѣлый валъ. Мятежники защищались отчаянно, но принуждены были уступить силѣ правильного оружія, и бѣжали во всѣ стороны. Конница, дотолѣ не дѣйствовавшая, преслѣдовала ихъ по всѣмъ дорогамъ. Кровопролитіе было ужасно. Въ одной крѣпости пало до тысячи трехъ сотъ мятежниковъ. На пространствѣ двадцати верстъ кругомъ, около Татищевой, лежали ихъ тѣла. Голицинъ потерялъ до четырехъ сотъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ болѣе двадцати офицеровъ⁷⁴. Побѣда была рѣшительная. Тридцать шесть пушекъ и болѣе трехъ тысячъ плѣнныхъ достались побѣдителю. Пугачевъ съ шестьюдесятью казаками пробился сквозь непріятельское войско, и прискакалъ самъ - пять въ Бердскую слободу съ извѣстіемъ о своемъ пораженіи. Бунтовщики начали выбираться изъ Берды, кто верхомъ, кто на саняхъ. На воза грозили заграбленное имущество. Женщины и дѣти шли пѣшія. Пугачевъ велѣлъ разбить бочки вина, стоявшія у его избы, опасаясь пьянства и смятенія. Вино хлынуло по улицѣ. Между тѣмъ Шигаевъ, видя, что все пропало, думалъ заслужить себѣ прощеніе, и задержавъ Пугачева и Хлопушу⁷⁵, послалъ отъ себя къ Оренбургскому Губернатору съ предложеніемъ о выдачѣ ему самозванца, и

прося дать ему сигнал двумя пушечными выстрѣлами. Сотникъ Логиновъ, сопровождавшій бѣгство Пугачева, явился къ Рейнсдорпу съ симъ извѣстіемъ. Бѣдный Рейнсдорпъ не смѣлъ повѣрить своему счастью, и цѣлыхъ два часа не могъ рѣшиться дать требуемый сигналъ! Пугачевъ и Хлопуша были между тѣмъ освобождены ссылочными, находившимися въ Бердѣ. Пугачевъ бѣжалъ съ десятью пушками, съ заграбленною добычею и съ двумя тысячами остальной сволочи. Хлопуша прискакалъ къ Каргае, съ намѣреніемъ спасти жену и сына. Татары связали его, и послали увѣдомить о томъ Губернатора. Славный каторжникъ былъ привезенъ въ Оренбургъ, гдѣ наконецъ отсѣкли ему голову, въ Іюнь 1774 года.

Оренбургскіе жители, услышавъ о своемъ освобожденіи, толпами бросились изъ города вслѣдъ за шестьюстами человѣкъ пѣхоты, высланныхъ Рейнсдорпомъ къ оставленной слободѣ, и овладѣли жизненными запасами. Въ Бердѣ найдено осмнадцать пушекъ, семнадцать бочекъ мѣдныхъ денегъ ⁷⁶ и множество хлѣба. Въ Оренбургъ спѣшили принести Богу благодареніе за нечаянное избавленіе. Благословляли Голицына. Рейнсдорпъ писалъ ему, поздравляя его съ побѣдою и называя спасителемъ Оренбурга ⁷⁷. Отсюда начали въ городъ навозить запасы. Настало изобиліе, и бѣдственная шести-

мѣсячная осада была забыта въ одно радостное мгновеніе. 26 Марта Голицынъ пріѣхалъ въ Оренбургъ; жители приняли его съ восторгомъ неопи- саннымъ.

Бибиковъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ сего пере- лома. Для ускоренія военныхъ дѣйствій, выѣхалъ онъ изъ Казани, и былъ встрѣченъ въ Бугульмѣ извѣстіемъ о совершенномъ пораженіи Пугачева. Онъ обрадовался несказанно. «То-то жерновъ съ сердца свалился (писалъ онъ отъ 26 Марта женѣ своей). Сегодня войдутъ мои въ Оренбургъ; немед- ленно и я туда поспѣшу добратъся, чтобы еще ловче было поворачивать своими; а сколько сѣдыхъ волосъ прибавилось въ бородѣ, то Богъ видитъ; а на головѣ плѣшь еще болѣе стала: однако я по морозу хожу безъ парика.»

Между тѣмъ Пугачевъ, миновавъ разосланные разъѣзды, прибылъ утромъ 24го въ Сеитовскую ⁷⁸ слободу; зажегъ ее, и пошелъ къ Сакмарскому городку, забирая дорогою новую сволочъ. Онъ полагалъ навѣрное, что изъ Татищевой Голицынъ со всѣми своими силами долженъ былъ обратиться къ Яицкому городку, и вдругъ пошелъ занять снова Бердскую слободу, надѣясь нечаянно овла- дѣть Оренбургомъ. Голицынъ, узнавъ о таковой дерзости чрезъ Полковника Хорвата, преслѣдова- вшаго Пугачева отъ самой Татищевой, усилить

свое войско бывшими въ Оренбургѣ пѣхотными отрядами и казаками; взявъ для нихъ послѣднихъ лошадей у своихъ офицеровъ, немедленно пошелъ навстрѣчу самозванцу, и встрѣтилъ его въ Каргае. Пугачевъ, увидя свою ошибку, сталъ отступать, искусно пользуясь мѣстоположеніемъ. На узкой дорогѣ, противъ Полковниковъ Бибикова и Аршеневскаго, выставилъ онъ семь пушекъ, и подѣ ихъ прикрытіемъ проворно устремился къ рѣкѣ Сакмарѣ. Но тутъ къ Бибикову подоспѣли пушки; онъ, занявъ гору, выстроилъ баттарею; Хорватъ, въ послѣдней тѣснинѣ, бросясь на мятежниковъ, отбилъ орудія, и обратя въ бѣгство, восемь верстъ преслѣдовалъ ихъ толпы, и вмѣстѣ съ ними вѣхалъ въ Сакмарской городокъ. Пугачевъ потерялъ послѣднія пушки, четыреста человекъ убитыми и три тысячи пять сотъ взятыми въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ находились и главные его сообщники: Шигаевъ, Почиталинъ, Падуровъ и другіе. Пугачевъ съ четырьмя заводскими мужиками бѣжалъ къ Пречѣстенской, и оттолѣ на Уральскіе заводы. Усталая конница не могла его достигъ. Послѣ сей рѣшительной побѣды Голицынъ возвратился въ Оренбургъ, отрядивъ Фреймана — для усмиренія Башкиріи, Аршеневскаго — для очищенія Ново-Московской дороги, а Мансурова — къ Илецкому городку, дабы, очи-

стя всю ту сторону, шель онъ на освобожденіе Симонова.

Михельсонъ съ своей стороны дѣйствовалъ не менѣе удачно. Принявъ 18 Марта начальство надъ своимъ отрядомъ, онъ тотчасъ двинулся къ Уфѣ. Противъ него, для прегражденія пути, выслано было Чикою двѣ тысячи человекъ съ четырьмя пушками, которые и ожидали его въ деревнѣ Жуковѣ. Михельсонъ, оставя ихъ у себя въ тылу, пошелъ прямо на Чесноковку, гдѣ стоялъ Чика съ десятью тысячами мятежниковъ, и разсѣя дорогою нѣсколько мелкихъ отрядовъ, 25го на разсвѣтѣ, пришелъ въ деревню Требикову (въ пяти верстахъ отъ Чесноковки). Тутъ онъ былъ встрѣченъ толпою бунтовщиковъ съ двумя пушками. Майоръ Харинъ разбилъ ихъ и разсѣялъ; егери отняли пушки, и Михельсонъ двинулся впередъ. Обозъ его шель подъ прикрытіемъ ста человекъ и одной пушки. Они прикрывали и тылъ Михельсона, въ случаѣ нападенія. 26го, на разсвѣтѣ, у деревни Зубовки, встрѣтилъ онъ мятежниковъ. Часть ихъ выбѣжала на лыжахъ и верхами, и растянувшись по обѣимъ сторонамъ дороги, старалась окружить его. Три тысячи, подкрѣпленные десятью пушками, пошли прямо ему навстрѣчу. Между тѣмъ открыли огонь изъ баттарей, поставленной въ деревнѣ. Сраженіе продолжалось четыре часа. Бунтовщики

дрались храбро. Наконецъ Михельсонъ, увидя конницу, идущую къ нимъ на подкрѣпленіе, устремилъ всѣ свои силы на главную толпу, и велѣлъ своей конницѣ, спѣшившейся въ началѣ сраженія, садиться на-конь и ударить въ палаши. Передовыя толпы бѣжали, брося пушки. Харинъ, рубя ихъ, вмѣстѣ съ ними вступилъ въ Чесноковку. Между тѣмъ конница, шедшая къ нимъ на помощь въ Зубовку, была отражена, и бѣжала къ Чесноковкѣ же, гдѣ Харинъ встрѣтилъ ее, и всю захватилъ. Лыжники, успѣвшіе зайти втылъ Михельсону и отрѣзать отъ него обозъ, въ то же время были разбиты двумя ротами гренадеръ. Они разбѣжались по лѣсамъ. Взято въ плѣнъ три тысячи бунтовщиковъ. Заводскіе и экономическіе крестьяне распущены были по деревнямъ. Захвачено двадцать пять пушекъ и множество запасовъ. Михельсонъ поѣхалъ двухъ главныхъ бунтовщиковъ: Башкирскаго старшину, и выборнаго села Чесноковки. Уфа была освобождена. Михельсонъ, нигдѣ не останавливаясь, пошелъ на Табинскъ, куда, послѣ Чесноковскаго дѣла, прискакали Ульяновъ и Чика. Тамъ они были схвачены ⁷⁹ казаками и выданы побѣдителю, который отослалъ ихъ скованныхъ въ Уфу. Послѣ того Михельсонъ учредилъ разъѣзды во всѣ стороны, и успѣлъ возстановить спокойствіе въ большей части бунтовавшихъ деревень.

Илецкой городокъ и крѣпости Озерная и Разсыпная, свидѣтели первыхъ успѣховъ Пугачева, были уже оставлены мятежниками. Начальники ихъ, Чулошниковъ и Кизилбашинъ, бѣжали въ Яицкой городокъ. Вѣсть о поражениі самозванца подъ Татищевой въ тотъ же день до нихъ достигла. Бѣглецы, преслѣдуемые гусарами Хорвата, проскакали черезъ крѣпости, крича: спасайтесь, дѣтушки! все пропало! — Они наскоро перевязывали свои раны, и слѣпили къ Яицкому городку. Вскорѣ настала весенняя оттепель; рѣки вскрылись, и тѣла убитыхъ подъ Татищевой поплыли мимо крѣпостей ⁸⁰. Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своихъ мужьевъ и сыновей.

Мансуровъ 6 и 7 Апрѣля занялъ оставленные крѣпости и Илецкой городокъ, нашедъ въ послѣднемъ четырнадцать пушекъ. 15го при опасной переправѣ чрезъ разлившуюся рѣчку Быковку, на него напали Овчинниковъ, Перфильевъ и Дегтеревъ. Мятежники были разбиты и разсѣяны; Бедряга и Бородинъ ихъ преслѣдовали; но распутица спасла предводителей. Мансуровъ немедленно пошелъ къ Яицкому городку.

Крѣпость находилась въ осадѣ съ самаго начала года ⁸¹. Отеутствіе Пугачева не охлаждало мятежниковъ. Въ кузницахъ приготовлялись ломы и

лонаты; возвышались новыя батареи. Мятежники дѣятельно продолжали свои земляныя работы, то обрывая берегъ Чечоры и тѣмъ уничтожая сообщеніе одной части города съ другою, то копая траншеи, дабы препятствовать вылазкамъ. Они намѣрены были вести подкопы, по яру Старицы, кругомъ всей крѣпости, подъ соборную церковь, подъ батареи, и подъ комендантскія палаты. Осажденные находились въ вѣчной опасности, и съ своей стороны принуждены были отовсюду вести контрмины, съ трудомъ прорубая землю, промерзшую на цѣлый аршинъ; перегораживали крѣпость новою стѣною, и кулями, наполненными кирпичемъ взорванной колокольни.

9 Марта, на разсвѣтъ, двѣсти пятьдесятъ рядовыхъ вышли изъ крѣпости; цѣлю вылазки было уничтоженіе новой батареи, сильно бездоковившей осажденныхъ. Солдаты дошли до заваловъ, но были встрѣчены сильнымъ огнемъ. Они смѣшались. Мятежники хватали ихъ въ тѣсныхъ проходахъ между завалами и избами, которыя хотѣли они зажечь; кололи раненыхъ и падающихъ, и топорами отсѣкали имъ головы. Солдаты бѣжали. Убито ихъ было до тридцати человекъ, ранено до осьмидесяти. Никогда съ такимъ урономъ гарнизонъ съ вылазки не возвращался. Удалось сжечь одну батарею, не главную, да нѣсколько избъ. Показаніе

трехъ захваченныхъ бунтовщиковъ увеличило уныніе осажденныхъ: они объявили о подкопахъ, веденныхъ подъ крѣпость, и о скоромъ прибытіи Пугачева. Устрашенный Симоновъ велѣлъ всюду производить новыя работы; около его дома безпрестанно пробовали землю буравами; стали копать новый ровъ. Люди, изнуренные тяжкою работою, почти не спали; ночью половина гарнизона всегда стояла въ ружьѣ; другой позволено было только сидя дремать. Лазаретъ наполнился больными; съѣстныхъ запасовъ оставалось не болѣе какъ дней на десять. Солдатамъ начали выдавать въ сутки только по четыре фунта муки, то есть, десятую часть мѣры обыкновенной. Не было уже ни крупъ, ни соли. Вскипятивъ артельный котель воды и забѣливъ ее мукою, каждый выпивалъ чашку свою, что и составляло ихъ насуточную пищу. Женщины не могли болѣе вытерпѣвать голода; онѣ стали проситься вонъ изъ крѣпости, что и было имъ позволено; нѣсколько слабыхъ и больныхъ солдатъ вышли за ними; но бунтовщики ихъ не приняли, а женщинъ, продержавъ одну ночь подъ карауломъ, прогнали обратно въ крѣпость, требуя выдачи своихъ сообщниковъ, и обѣщаясь за то принять и прокормить высланныхъ. Симоновъ на то не согласился, опасаясь умножить число враговъ. Голодъ часъ отъ часу становился

ужаснѣе. Лошадиного мяса, раздававшагося на вѣсь, уже не было. Стали есть кошекъ и собакъ. Въ началѣ осады, мѣсяца за три до сего, брошены были на ледъ убитыя лошади; о нихъ вспомнили, и люди съ жадностію грызли кости, объѣденныя собаками. Наконецъ и сей запасъ истощился. Стали изобрѣтать новые способы къ пропитанію. Нашли родъ глины, отмѣнно мягкой и безъ примѣси песку. Попробовали ее сварить, и составя изъ нея какой-то кисель, стали употреблять въ пищу. Солдаты совсѣмъ обезсильши. Нѣкоторые не могли ходить. Дѣти больныхъ матерей чахли и умирали. Женщины нѣсколько разъ покушались тронуть мятежниковъ, и валяясь въ ихъ ногахъ, умоляли о позволеніи остаться въ городѣ. Ихъ отгоняли съ прежними требованіями. Однѣ казачки были приняты. Ожидаемой помощи не приходило. Осажденные отлагали свою надежду со дня на день, съ недѣли на другую. Бунтовщики кричали гарнизону, что войска Правительства разбиты, что Оренбургъ, Уфа и Казань уже преклонились самозванцу, что онъ скоро придетъ къ Яицкому городку, и что тогда ужъ пощады не будетъ. Въ случаѣ жъ покорности, обѣщали они отъ его имени не только помилованіе, но и награды. То же старались они внушить и бѣднымъ женщинамъ, которыя просились изъ крѣпости въ городъ. На-

чальникамъ невозможно было обнадеживать осажденных скорымъ прибытіемъ помощи; ибо никто не могъ ужъ и слышать о томъ безъ негодованія: такъ ожесточены были сердца долгимъ напраснымъ ожиданіемъ! Старались удержать гарнизонъ въ вѣрности и повиновеніи, повторяя, что позорною измѣною никто не спасется отъ гибели, что бунтовщики, озлобленные долговременнымъ сопротивленіемъ, не пощадятъ и клятвопреступниковъ. Старались возбудить въ душѣ несчастныхъ надежду на Бога Всемогущаго и Всевидящаго, и ободренные страдальцы повторяли, что лучше предать себя волю Его, нежели служить разбойнику, и во все время бѣдственной осады, кромѣ двухъ или трехъ человѣкъ, изъ крѣпости бѣглыхъ не было.

Наступила Страстная недѣля. Осажденные питались одною глиною уже пятнадцатый день. Никто не хотѣлъ умереть голодною смертію. Рѣшились всѣ до одного (кромѣ совершенно изнеможенныхъ) итти на послѣднюю вылазку. Не надѣялись побѣдить (бунтовщики такъ укрѣпились, что уже ни съ какой стороны къ нимъ изъ крѣпости приступу не было), хотѣли только умереть честною смертію воиновъ.

Во Вторникъ, въ день назначенный къ вылазкѣ, часовые, поставленные на кровлѣ соборной цер-

кви, примѣтили, что бунтовщики въ смятеніи бѣгали по городу, прощаясь между собою, соединялись и толпами выѣзжали въ степь. Казачки провожали ихъ. Осажденные догадывались о чемъ-то необыкновенномъ, и предались опять надеждѣ. «Все это насъ такъ ободрило,» говоритъ свидѣтель осады, претерпѣвшій весь ея ужасъ, «какъ будто мы съѣли по куску хлѣба.» Мало-помалу смятеніе утихло; все, казалось, вошло въ обыкновенный порядокъ. Уныніе овладѣло осажденными пуще прежняго. Они молча глядѣли въ степь, отколѣ ожидали еще недавно избавителей. . . . Вдругъ, въ пятомъ часу по полудни, вдали показалась пыль, и они увидѣли толпы, безъ порядка скачущія изъ-за рощи одна за другою. Бунтовщики въѣзжали въ разныя ворота, каждый въ тѣ, близъ коихъ находился его домъ. Осажденные понимали, что мятежники разбиты и бѣгутъ; но еще не смѣли радоваться; опасались отчаяннаго приступа. Жители бѣгали взадъ и впередъ по улицамъ, какъ на пожарѣ. Къ вечеру ударили въ соборный колоколъ, собрали кругъ, потомъ кучею пошли къ крѣпости. Осажденные готовились ихъ отразить; но увидѣли, что они ведутъ связанныхъ своихъ предводителей, атамановъ Каргина и Толкачева. Бунтовщики приближались, громко моля о помилованіи. Симоновъ принялъ ихъ, самъ не

вѣря своему избавленію. Гарнизонъ бросился на коврыги хлѣба, нанесенныя жителями. До Свѣтлаго Воскресенія, пишеть очевидецъ сихъ происшествій, оставалось еще четыре дня, по для насъ уже сей день былъ свѣтлымъ праздникомъ. Самые тѣ, которые отъ слабости и болѣзни не подымались съ постели, мгновенно были исцѣлены. Все въ крѣпости было въ движеніи; благодарили Бога; поздравляли другъ друга; во всю ночь никто не спалъ. Жители увѣдомили осажденныхъ объ освобожденіи Оренбурга и о скоромъ прибытіи Мансурова. 17 Апрѣля, прибылъ Мансуровъ. Ворота крѣпости, запертыя и заваленныя съ самаго 50 Декабря, отворились. Мансуровъ принялъ начальство надъ городомъ. Начальники бунта, Каргинъ, Толкачевъ и Горшковъ, и незаконная жена самозванца, Устинья Кузнецова, были подъ стражею отправлены въ Оренбургъ.

Таковъ былъ успѣхъ распоряженій искуснаго, умнаго военачальника. Но Бибиковъ не успѣлъ довершить начатаго имъ: измученный трудами, безпокойствомъ и досадами, мало заботясь о своемъ уже разстроенномъ здоровьи, онъ занемогъ въ Бугульмѣ горячкою, и чувствуя приближающуюся кончину, сдѣлалъ еще нѣсколько распоряженій. Онъ запечаталъ всѣ свои тайныя бумаги, приказавъ доставить ихъ Императрицѣ, и сдалъ на-

чальство Генераль-Поручику Щербатову, старшему по немъ. Узнавъ по слухамъ объ освобожденіи Уфы, онъ успѣлъ еще донести о томъ Императрицѣ, и скончался 9 Апрѣля, въ 11 часовъ утра, на сорокъ четвертомъ году отъ рожденія. Тѣло его нѣсколько дней стояло на берегу Камы, чрезъ которую въ то время не было возможности переправиться. Казань желала погребсти его въ своемъ Соборѣ и соорудить памятникъ своему избавителю; но, по требованію его семейства, тѣло Бибикова отвезено было въ его деревню. Андреевская лента, званіе Сенатора и чинъ Полковника Гвардіи не застали его въ живыхъ. Умирая, говорилъ онъ: «Не жалю о дѣтяхъ и женѣ; Государыня призритъ ихъ: жалю объ отечествѣ»⁸².— Молва приписала смерть его дѣйствию яда, будто бы даннаго ему однимъ изъ конфедератовъ. Державинъ воспѣлъ кончину Бибикова. Екатерина оплакала его, и осыпала его семейство своими щедротами⁸³. Петербургъ и Москва поражены были ужасомъ. Вскорѣ и вся Россія почувствовала невозвратную потерю⁸⁴.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

НОВЫЕ УСПѢХИ ПУГАЧЕВА. — БАШКИРЕЦЪ СЛАВАТЬ. — ВЗЯТІЕ СИБИРСКИХЪ КРѢПОСТЕЙ. — СРАЖЕНІЕ ПОДЪ ТРОИЦКОЮ. — ОТСУПЛЕНІЕ ПУГАЧЕВА. — ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА ЕГО СЪ МИХЕЛЬСОНОМЪ. — ПРЕСЛѢДОВАНИЕ ПУГАЧЕВА. — БЕЗДѢЙСТВІЕ ВОЙСКЪ. — ВЗЯТІЕ ОСЫ. — ПУГАЧЕВЪ ПОДЪ КАЗАНЬЮ.

Пугачевъ, коего положеніе казалось отчаяннымъ, явился на Авзяно-Петровскихъ заводахъ. Овчинниковъ и Перфильевъ, преслѣдуемые Маіоромъ Шевичемъ, прѣскакали черезъ Сакмарскую линію съ тремя стами Яицкихъ казаковъ, и успѣли съ нимъ соединиться. Ставропольскіе и Оренбургскіе Калмыки хотѣли имъ послѣдовать, и въ числѣ шести сотъ кибитокъ двинулись было къ Сорочинской крѣпости. Въ ней находился при провіантѣ и фуражѣ отставный Подполковникъ Медковичъ, человекъ умный и рѣшительный. Онъ

принялъ начальство надъ гарнизономъ, и на нихъ напавъ, принудилъ ихъ возвратиться на прежнія жилища.

Пугачевъ быстро переходилъ съ одного мѣста на другое. Чернь попрежнему стала стекаться около него. Башкирцы, уже почти усмиренные, снова взволновались. Комендантъ Верхо-Яицкой крѣпости, Полковникъ Ступининъ, вошелъ въ Башкирію, сжегъ нѣсколько пустыхъ селеній, и захвативъ одного изъ бунтовщиковъ, отрѣзавъ ему уши, носъ, пальцы правой руки, и отпустилъ его, грозясь поступать такимъ же образомъ со всѣми бунтовщиками. Башкирцы не унялись. Старый ихъ мятежникъ Юлай, скрывшійся во время казни 1741 года⁸⁵, явился между ними съ сыномъ своимъ Салаватомъ. Вся Башкирія возстала, и бѣдствие разгорѣлось съ вѣщей силою. Фрейманъ долженъ былъ преслѣдовать Пугачева; Михельсонъ силлся пересѣчь ему дорогу; но распутица его спасала. Дороги были непроходимы, люди влязи въ бездонной грязи; рѣки разливались на нѣсколько верстъ; ручьи становились рѣками. Фрейманъ остановился въ Стерлитамацкѣ. Михельсонъ, успѣвшій еще переправиться черезъ Вятку по льду, а черезъ Уфу на осьми лодкахъ, продолжалъ путь, не смотря на всевозможныя препятствія; и 5 Мая у Симскаго завода достигъ толпу

Башкирцевъ, предводительствуемыхъ свирѣпымъ Салаватомъ. Михельсонъ прогналъ ихъ, заводъ освободилъ, и черезъ день пошелъ далѣе. Салаватъ остановился въ осьмнадцати верстахъ отъ завода, ожидая Бѣлобородова. Они соединились и выступили навстрѣчу Михельсону, съ двумя тысячами бунтовщиковъ и съ восемью пушками. Михельсонъ разбилъ ихъ снова, отнялъ у нихъ пушки, положилъ на мѣстѣ до трехъ сотъ человѣкъ, разсѣялъ остальныхъ, и спѣшилъ къ Уйскому заводу, надѣясь настигнуть самаго Пугачева; но вскорѣ узналъ, что самозванецъ находится уже на Бѣлорѣцкихъ заводахъ.

За рѣкою Юрзенемъ Михельсонъ успѣлъ разбить еще толпу мигежниковъ и преслѣдовалъ ихъ до Саткинскаго завода. Тутъ узналъ онъ, что Пугачевъ, набравъ до шести тысячъ Башкирцевъ и крестьянъ, пошелъ на крѣпость Магнитную. Михельсонъ рѣшился углубиться въ Уральскія горы, надѣясь соединиться съ Фрейманомъ около вершины Яика.

Пугачевъ, зажегши ограбленные имъ Бѣлорѣцкіе заводы, быстро перешелъ черезъ Уральскія горы, и 5 Мая приступилъ къ Магнитной, не имѣя при себѣ ни одной пушки. Капитанъ Тихановскій оборонялся храбро. Пугачевъ самъ былъ раненъ картечью въ руку, и отступилъ, претерпѣвъ зна-

чительный уронъ. Крѣпость казалась спасена; но въ ней открылась измѣна: пороховые ящики ночью были взорваны. Мятежники бросились, разобрали заплоты и ворвались. Тихоновскій съ женою были повѣшены; крѣпость разграблена и выжжена. Въ тотъ же день пришелъ къ Пугачеву Бѣлобородовъ съ четырьмя тысячами бунтующей сволочи.

Генераль-Поручикъ Декалонгъ изъ Челябинска, недавно освобожденнаго отъ бунтовщиковъ, двинулся къ Верхо-Яицкой крѣпости, надѣясь настигнуть Пугачева еще на Бѣлорѣцкихъ заводахъ; но, вышедъ на линію, получилъ отъ Верхо-Яицкаго Коменданта, Полковника Ступишина, донесеніе, что Пугачевъ идетъ вверхъ по линіи отъ одной крѣпости на другую, какъ въ началѣ своего грознаго появленія. Декалонгъ спѣшилъ къ Верхо-Яицкой. Тутъ узналъ онъ о взятіи Магнитной. Онъ двинулся къ Кизильской. Но прошедь уже пятнадцать верстъ, узналъ отъ пойманнаго Башкирца, что Пугачевъ, услыша о приближеніи войска, шель уже не къ Кизильской, а прямо, Уральскими горами, на Карагайскую. Декалонгъ пошелъ назадъ. Приближаясь къ Каргайской, онъ увидѣлъ однѣ дымящіяся развалины: Пугачевъ покинулъ ее наканунѣ. Декалонгъ надѣялся догнать его въ Петрозаводской; но и тутъ уже его не

засталъ. Крѣпость была разорена и выжжена, церковь разграблена, жители уведены.

Декалонгъ, оставя линію, пошелъ внутреннюю дорогою прямо на Уйскую крѣпость. У него оставалось овса только на одни сутки. Опъ думалъ постигнуть Пугачева хотя въ Степной крѣпости; но узнавъ, что и Степная уже взята, пустился къ Троицкой. На дорогѣ, въ Сенарской нашель онъ множество народа изъ окрестныхъ разоренныхъ крѣпостей. Офицерскія жены и дѣти, босыя, оборванныя, рыдали, не зная, гдѣ искать убѣжища. Декалонгъ принялъ ихъ подъ свое покровительство, и отдалъ на попеченіе своимъ офицерамъ. 21 Мая утромъ приблизился онъ къ Троицкой, прошедъ шестьдесятъ верстъ усиленнымъ переходомъ, и наконецъ увидѣлъ Пугачева, расположившагося лагеремъ подъ крѣпостию, взятою имъ наканунѣ. Декалонгъ тотчасъ на него напалъ. У Пугачева было болѣе десяти тысячъ войска и до тридцати пушекъ. Сраженіе продолжалось цѣлыхъ четыре часа. Во все время Пугачевъ лежалъ въ своей палаткѣ, жестоко страдая отъ раны, полученной имъ подъ Магнитною. Дѣйствіями распорядилъ Бѣлобородовъ. Наконецъ мятежники разстроились. Пугачевъ сѣлъ на лошадь, и съ подвязанною рукою бросался всюду, стараясь возстановить порядокъ; но все разсѣялось и бѣжало. Пугачевъ ушелъ съ одною

пушкою по Челябинской дорогѣ. Преслѣдовать было невозможно. Конница была слишкомъ изнурена. Въ лагерѣ найдено до трехъ тысячъ людей всякаго званія, пола и возраста, захваченныхъ самозванцемъ и обреченныхъ гибели. Крѣпость была спасена отъ пожара и грабежа. Но Комендантъ, Бригадиръ Фейерваръ, былъ убитъ наканунѣ, во время приступа, а офицеры его повѣшены.

Пугачевъ и Бѣлобородовъ, вѣдая, что усталость войска и изнуреніе лошадей не позволяютъ Декалонгу воспользоваться своею побѣдою, привели въ устройство свои разсѣяныя толпы, и стали въ порядкѣ отступать, забирая крѣпости и быстро усиливаясь. Маіоръ Гагринъ и Жолобовъ, отряженные Декалонгомъ на другой день послѣ сраженія, преслѣдовали ихъ, но не могли достигнуть.

Михельсонъ, между тѣмъ, шель Уральскими горами, по дорогамъ малоизвѣстнымъ. Деревни Башкирскія были пусты. Не было возможности достать нужные припасы. Отрядъ его былъ въ ежечасной опасности. Многочисленныя шайки бунтовщиковъ кружились около него. 13 Мая Башкирцы, подъ предводительствомъ мятежнаго старшины, на него напали и сразились отчаянно; загнанные въ болото, они не сдавались. Всѣ, кромѣ одного, насильно пощаженнаго, были изрублены вмѣстѣ съ своимъ

начальникомъ. Михельсонъ потерялъ одного офицера и шестьдесятъ рядовыхъ убитыми и ранеными.

Плѣнный Башкирецъ, обласканный Михельсономъ, объявилъ ему о взятіи Магнитной и о движеніи Декалонга. Михельсонъ, нашедъ сіи извѣстія сообразными съ своими предположеніями, вышелъ изъ горъ, и пошелъ на Троицкую, въ надеждѣ освободить сію крѣпость, или встрѣтить Пугачева въ случаѣ его отступленія. Вскорѣ услышалъ онъ о побѣдѣ Декалонга, и пошелъ на Варламово, съ памѣреніемъ пресѣчь дорогу Пугачеву. Въ самомъ дѣлѣ, 22 Мая утромъ, приближаясь къ Варламову, онъ встрѣтилъ передовые отряды Пугачева. Увидя стройное войско, Михельсонъ не могъ сначала вообразить, чтобъ это былъ остатокъ сволочи, разбитой наканунѣ, и принялъ его (говорить онъ насмѣшливо въ своемъ донесеніи) за корпусъ Генераль-Поручика и кавалера Декалонга; но скорѣ удостоверился въ истинѣ. Онъ остановился, удерживая выгодное свое положеніе у лѣса, прикрывавшаго его тылъ. Пугачевъ двинулся противу него, и вдругъ поворотилъ на Чербакульскую крѣпость. Михельсонъ пошелъ черезъ лѣсъ, и перерѣзалъ ему дорогу. Пугачевъ въ первый разъ увидѣлъ передъ собою того, кто долженъ былъ нанести ему столько ударовъ и положить предѣлъ кровавому

его поприщу. Пугачевъ тотчасъ напалъ на его лѣвое крыло, привелъ оное въ разстройство, и отнялъ двѣ пушки. Но Михельсонъ ударилъ на мятежниковъ со всею своею конницею, разсѣялъ ихъ въ одно мгновеніе, взялъ назадъ свои пушки, а съ ними и послѣднюю, оставшуюся у Пугачева послѣ его разбитія подѣ Троицкой, положилъ на мѣстѣ до шести сотъ человѣкъ, въ плѣнъ взялъ до пяти сотъ, и гналъ остальныхъ нѣсколько верстъ. Ночь прекратила преслѣдованія. Михельсонъ ночевалъ на полѣ сраженія. На другой день отдалъ онъ въ приказѣ строгой выговоръ ротѣ, потерявшей свои пушки, и отнялъ у ней пуговицы и общага, до выслуги. Рота не замедлила заградить свое безчестіе ⁸⁶.

23^ю, Михельсонъ пошелъ на Чербакульскую крѣпость. Казаки, въ ней находившіеся, бунтовали. Михельсонъ привелъ ихъ къ присягѣ, присоединивъ къ своему отряду, и въ послѣдствіи былъ всегда ими доволенъ.

Жолобовъ и Гагринъ дѣйствовали медленно и нерѣшительно. Жолобовъ, увѣдомивъ Михельсона, что Пугачевъ собралъ остатокъ разсѣянной толпы и набираетъ новую, отказался идти противъ него, подѣ предлогомъ разлитія рѣкъ и дурныхъ дорогъ. Михельсонъ жаловался Декалонгу; а Декалонгъ, самъ обѣщаясь выступить для истребленія послѣд-

пихъ силъ самозванца, остался въ Челябѣ, и еще отозвалъ къ себѣ Жолобова и Гагринна.

Такимъ образомъ преслѣдованіе Пугачева предоставлено было одному Михельсону. Онъ пошелъ къ Златоустовскому заводу, услыша, что тамъ находилось нѣсколько Яицкихъ бунтовщиковъ; но они бѣжали, узнавъ о его приближеніи. Слѣдъ ихъ, чѣмъ далѣе шель, тѣмъ болѣе разсыпался, а наконецъ совсѣмъ пропалъ.

27 Мая, Михельсонъ прибылъ на Саткинскій заводъ ⁸⁷. Салаватъ, съ новою шайкою, злодѣйствовалъ въ окрестностяхъ. Уже Симской заводъ былъ имъ разграбленъ и сожженъ. Услыша о Михельсонѣ, онъ перешелъ рѣку Ай, и остановился въ горахъ, гдѣ Пугачевъ, избавясь отъ погони Гагринна и Жолобова, и собравъ уже до двухъ тысячъ всякой сволочи, съ нимъ успѣлъ соединиться.

Михельсонъ, на Саткинскомъ заводѣ, спасенномъ его быстротою, сдѣлалъ первый свой роздыхъ по выступленіи изъ-подъ Уфы. Черезъ два дня пошелъ онъ противъ Пугачева и Салавата, и прибылъ на берегъ Ай. Мосты были сняты. Мятежники, на противномъ берегу, видя малочисленность его отряда, полагали себя въ безопасности.

Но 30го, утромъ, Михельсонъ приказалъ пятидесяти казакамъ переправиться вплавъ, взявъ съ собою по одному егерю. Мятежники бросились было на

нихъ, но были разсыяны пушечными выстрѣлами съ противнаго берега. Егери и казаки удержались кое-какъ, а Михельсонъ между тѣмъ переправился съ остальнымъ отрядомъ; порохъ перевезла конница, пушки потопили и перетащили по дну рѣки на канатахъ. Михельсонъ быстро напалъ на непріятеля, смѣлъ и преслѣдовалъ его болѣе двадцати верстъ, убивъ до четырехъ сотъ и взявъ множество въ плѣнъ. Пугачевъ, Бѣлобородовъ и раненый Салаватъ едва успѣли спастись.

Окрестности были пусты. Михельсонъ ни отъ кого не могъ узнать о стремленіи непріятеля. Онъ пошелъ на удачу, и 2 Іюня отряженный имъ Капитанъ Карташевскій ночью былъ окруженъ шайкою Салавата. Къ утру Михельсонъ подоспѣлъ къ нему на помощь. Мятежники разсыпались и бѣжали. Михельсонъ преслѣдовалъ ихъ съ крайнею осторожностію. Пѣхота прикрывала его обозъ. Самъ онъ шелъ немного впереди, съ частію своей конницы. Сн распоряженія спасли его. Многочисленная толпа мятежниковъ неожиданно окружила его обозъ, и напала на пѣхоту. Самъ Пугачевъ ими предводительствовалъ, успѣвъ въ теченіе шести дней близъ Саткинскаго завода набрать около пяти тысячъ бунтовщиковъ. Михельсонъ прискакалъ на помощь; онъ послалъ Харина соединить всю свою конницу, а самъ съ пѣхотой остался у обоза. Мя-

тежники были разбиты и снова бѣжали. Тутъ Михельсонъ узналъ отъ плѣнныхъ, что Пугачевъ имѣлъ намѣреніе итти на Уфу. Онъ послѣшилъ пересѣчь ему дорогу, и 5 Іюня встрѣтилъ его снова. Сраженіе было неизбѣжимо. Михельсонъ быстро напалъ на него, и снова разбилъ, и прогналъ.

При всѣхъ своихъ успѣхахъ, Михельсонъ увидѣлъ необходимость прекратить навремя свое преслѣдованіе. У него уже не было ни запасовъ, ни зарядовъ. Оставалось только по два патрона на человѣка. Михельсонъ пошелъ въ Уфу, дабы тамъ заpastися всѣмъ для него нужнымъ.

Пока Михельсонъ, бросаясь во всѣ стороны, вездѣ поражалъ мятежниковъ, прочіе начальники оставались неподвижны. Декалонгъ стоялъ въ Челябинѣ, и завидуя Михельсону, нарочно не хотѣлъ ему содѣйствовать. Фрейманъ, лично храбрый, но предводитель робкій и нерѣшительный, стоялъ въ Кизильской крѣпости, досадуя на Тимашева, ушедшаго въ Зелаирскую ⁸⁸ крѣпость съ лучшею конницею. Станиславскій, узнавъ, что Пугачевъ близъ Верхо-Лицкой крѣпости собралъ значительную толпу, отказался отъ службы и скрылся въ любимую свою Орскую крѣпость. Полковники Якубовичъ и Обернибѣсовъ и Маіоръ Дуве находились около Уфы. Вокругъ нихъ спокойно собирались бунтующіе Башкирцы. Бирскъ сожженъ былъ почти въ

ихъ виду, а они переходили съ одного мѣста на другое, избѣгая малѣйшей опасности и не думая о дружномъ содѣйствіи. По распоряженію Князя Щербатова, войско Голицына оставалось безъ всякой пользы около Оренбурга и Яицкаго городка, въ мѣстахъ уже безопасныхъ; а край, гдѣ снова разгорался пожаръ, оставался почти беззащитенъ⁸⁹.

Пугачевъ, отраженный отъ Кунгура Маіоромъ Поповымъ, двинулся - было къ Екатеринбургъ; но узнавъ о войскахъ, тамъ находящихся, обратился къ Красно-Уфимску.

Кама была открыта, и Казань въ опасности. Брантъ наскоро послалъ въ пригородъ Осу Маіора Скрыпицына съ гарнизоннымъ отрядомъ и съ вооруженными крестьянами, а самъ писалъ Князю Щербатову, требуя немедленной помощи. Щербатовъ понадѣялся на Обернибѣсова и Дуве, которые должны были помочь Маіору Скрыпицыну въ случаѣ опасности, и не сдѣлалъ никакихъ новыхъ распоряженій.

18 Іюня, Пугачевъ явился передъ Осою. Скрыпицынъ выступилъ противъ него; но потерявъ три пушки въ самомъ началѣ сраженія, поспѣшно возвратился въ крѣпость. Пугачевъ велѣлъ своимъ спѣшиться и идти на приступъ. Мятежники вошли въ городъ, выжгли его; но отъ крѣпости отражены были пушками.

На другой день, Пугачевъ со своими старшинами ѣздилъ по берегу Камы, высматривая мѣста, удобныя для переправы. По его приказанію, поправляли дорогу и мостили топкія мѣста. 20го, снова приступилъ онъ къ крѣпости, и снова былъ отраженъ. Тогда Бѣлобородовъ присовѣтовалъ ему окружить крѣпость возами сѣна, соломы и бересты, и зажечь такимъ образомъ деревянныя стѣны. Пятнадцать возовъ были подвезены на лошадяхъ въ близкое разстояніе отъ крѣпости, а потомъ подвигаемы впередъ людьми, безопасными подъ ихъ прикрытіемъ. Скрыщичинъ, уже колебавшійся, потребовалъ сроку на одни сутки, и сдался на другой день, принявъ Пугачева на колѣнахъ, съ иконами и хлѣбомъ-солью. Самозванецъ обласкалъ его и оставилъ при немъ его пшагу. Несчастный, думая современемъ оправдаться, написалъ, обще съ Капитаномъ Смирновымъ и Подпоручикомъ Минеевымъ, письмо къ Казанскому Губернатору, и послалъ при себѣ, въ ожиданіи удобнаго случая тайно его отослать. Минеевъ донесъ о томъ Пугачеву. Письмо было схвачено, Скрыщичинъ и Смирновъ повѣшены, а доносчикъ названъ отъ Пугачева Полковникомъ.

23 Іюня, Пугачевъ переправился черезъ Каму, и пошелъ на винокуренные заводы Ижевскій и Воткинскій. Венцель, начальникъ оныхъ, былъ

мучительно умерщвленъ, заводы разграблены, и всѣ работники забраны въ злодѣйскую толпу. Минеевъ, измѣною своею заслужившій довѣренность Пугачева, совѣтовалъ ему итти прямо на Казань. Распоряженія Губернатора были ему извѣстны. Онъ вызвался вести Пугачева, и ручался за успѣхъ. Пугачевъ не долго колебался, и пошелъ на Казань.

Щербатовъ, получивъ извѣстіе о взятіи Осы, испугался. Онъ послалъ Обернибѣсову повелѣніе занять Шумской перевозъ, а Маіора Меллина отправилъ къ Шурманскому; Голицыну приказалъ скорѣе слѣдовать въ Уфу, дабы оттуда дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію, а самъ съ однимъ эскадрономъ гусаръ и ротою гренадеръ отправился въ Бугульму.

Въ Казани находилось только полторы тысячи войска; но шесть тысячъ были наскоро вооружены. Брантъ и Комендантъ Баннеръ приготовились къ оборонѣ. Генераль-Маіоръ Потемкинъ, начальникъ Тайной Коммисіи, учрежденной по дѣлу Пугачева, усердно имъ содѣйствовалъ. Генераль-Маіоръ Ларионовъ не дождался Пугачева. Онъ съ своими людьми переправился черезъ Волгу и уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ.

Полковникъ Толстой, начальникъ Казанскаго коннаго легіона, выступилъ противъ Пугачева, и 10 Іюля встрѣтилъ его въ двѣнадцати верстахъ отъ

города. Произошло сраженіе. Храбрый Толстой былъ убитъ, а отрядъ его разсѣянъ. На другой день, Пугачевъ показался на лѣвомъ берегу Казанки, и расположился лагеремъ у Троицкой мельницы. Вечеромъ, въ виду всѣхъ Казанскихъ жителей, онъ самъ ѣздилъ высматривать городъ, и возвратился въ лагерь, отложивъ приступъ до слѣдующаго утра.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пугачевъ въ Казани. — Бѣдствіе города. — Появленіе Михельсона. — Три сраженія. — Освобожденіе Казани. — Свиданіе Пугачева съ его семействомъ. — Опроверженіе клеветы. — Распоряженіе Михельсона.

12 Юля, на зарѣ, мятежники, подъ предводительствомъ Пугачева, потянулись отъ села Царицына по Арскому полю, двигая предъ собою возы сѣна и соломы, между коими везли пушки. Они быстро заняли находившіеся близъ предмѣстья кирпичные сараи, рошу и загородный домъ Кудрявцева, устроили тамъ свои батареи и сбили слабый отрядъ, охранявшій дорогу. Онъ отступилъ, выстроясь въ карре и оградясь рогатками.

Прямо противъ Арскаго поля находилась главная городская батарея. Пугачевъ на нее не пошелъ, а съ праваго своего крыла отрядилъ къ

предмѣстію толпу заводскихъ крестьянъ подъ предводительствомъ измѣнника Минеева. Эта сволочь, большею частію безоружная, подгоняемая казацкими нагайками, проворно пересбѣгала изъ буерака въ буеракъ, изъ лощины въ лощину, перепалывала черезъ высоты, подверженныя пушечнымъ выстрѣламъ, и такимъ образомъ забралася въ овраги, находящіяся на краю самаго предмѣстія. Опасное сіе мѣсто защищали гимназисты, съ одною пушкою. Но, не смотря на ихъ выстрѣлы, бунтовщики въ точности исполнили приказаніе Пугачева: влѣзли на высоту, прогнали гимназистовъ голыми кулаками, пушку отбили, заняли лѣтній губернаторскій домъ, соединенный съ предмѣстіями; пушку поставили въ ворота, стали стрѣлять вдоль улицъ, и кучами ворвались въ предмѣстія. Съ другой стороны, лѣвое крыло Пугачева бросилось къ Суконной слободѣ. Суконщики (люди разнаго званія и большею частію кулачные бойцы), ободряемые Преосвященнымъ Веніаминомъ, вооружились чѣмъ ни попало, поставили пушку у Горлова кабака и приготовились къ оборонѣ⁹⁰. Башкирцы, съ Шарной горы, пустили въ нихъ свои стрѣлы, и бросились въ улицы. Суконщики приняли - было ихъ въ рычаги, въ копья и сабли; но ихъ пушку разорвало съ перваго выстрѣла и убило канонера. Въ это время Пугачевъ на Шарной горѣ

поставилъ свои пушки, и пустилъ картечью по своимъ и по чужимъ. Слобода загорѣлась. Суконщики бѣжали. Мятежники сбили караулы и рогатки, и устремились по городскимъ улицамъ. Увидя пламя, жители и городское войско, оставя пушки, бросились къ крѣпости, какъ къ послѣдному убѣжищу. Потемкинъ вошелъ вмѣстѣ съ ними. Городъ сталъ добычею мятежниковъ. Они бросились грабить дома и купеческія лавки; вбѣгали въ церкви и монастыри, обдирали иконостасы; рѣзали всѣхъ, которые попадались имъ въ Нѣмецкомъ платѣ. Пугачевъ, поставя свои батареи въ трактирѣ гостиного двора, за церквами, у триумфальныхъ воротъ, стрѣлялъ по крѣпости, особенно по Спаскому монастырю, занимающему ея правый уголъ, и коего ветхія стѣны едва держались. Съ другой стороны, Минеевъ, втащивъ одну пушку на врата Казанскаго монастыря, а другую, поставя на церковной паперти, стрѣлялъ по крѣпости, въ самое опасное мѣсто. Прилетѣвшее оттолъ ядро разбило одну изъ его пушекъ. Разбойники, надѣвъ на себя женскія платья, поповскіе стихари, съ крикомъ бѣгали по улицамъ, грабя и зажигая дома. Осаждавшіе крѣпость имъ завидовали, боясь остаться безъ добычи . . . Вдругъ Пугачевъ приказалъ имъ отступить, и зажегши еще нѣскольکو домовъ, возвратился въ свой лагерь. Настала

буря. Огненное море разлилось по всему городу. Искры и головни летѣли въ крѣпость, и зажгли нѣсколько деревянныхъ кровель. Въ сію минуту часть одной стѣны съ громомъ обрушилась и подавила нѣсколько человекъ. Осажденные, стѣснившіеся въ крѣпости, подняли вопль, думая, что злодѣй вломился, и что послѣдній ихъ часъ уже насталъ.

Изъ города погнали плѣнныхъ и повезли добычу. Башкирцы, не смотря на строгія запрещенія Пугачева, били нагайками народъ, и кололи копьями отстающихъ женщинъ и дѣтей. Множество потонуло, переправляясь вбродъ черезъ Казанку. Народъ, пригнанный въ лагерь, поставленъ былъ на колѣна передъ пушками. Женщины подняли вой. Имъ объявили прощеніе. Всѣ закричали: ура! и кинулись къ ставкѣ Пугачева. Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ, принимая дары Казанскихъ Татаръ, пріѣхавшихъ къ нему съ поклономъ. Потомъ спрашивали: кто желаетъ служить Государю Петру Федоровичу? — Охотниковъ нашлось множество.

Преосвященный Веніаминъ ⁹¹ во все время приступа находился въ крѣпости, въ Благовѣщенскомъ Соборѣ, и на колѣнахъ со всѣмъ народомъ молилъ Бога о спасеніи христіанъ. Едва умолкла пальба, онъ поднялъ чудотворныя иконы, и не

смотря на нестерпимый зной пожара и на падающія бревна, со всѣмъ бывшимъ при немъ духовенствомъ, сопровождаемый народомъ, обошелъ снутри крѣпость при молебномъ пѣніи. — Къ вечеру буря утихла, и вѣтеръ оборотился въ противную сторону. Настала ночь, ужасная для жителей! Казань, обращенная въ груды горящихъ углей, дымилась и рдѣла во мракѣ. Никто не спалъ. Съ разсвѣтомъ жители спѣшили взойти на крѣпостныя стѣны, и устремили взоры въ ту сторону, откуда ожидали новаго приступа. Но, вмѣсто Пугачевскихъ полчищъ, съ изумленіемъ увидѣли гусаровъ Михельсона, скачущихъ въ городъ съ офицеромъ, посланнымъ отъ него къ Губернатору.

Никто не зналъ, что уже наканунѣ Михельсонъ, въ семи верстахъ отъ города, имѣлъ жаркое дѣло съ Пугачевымъ, и что мятежники отступили въ безпорядкѣ.

Мы оставили Михельсона неутомимо преслѣдующимъ опрометчивое стремленіе Пугачева. Въ Уфѣ оставилъ онъ своихъ больныхъ и раненыхъ, взялъ съ собою Маіора Дуве, и 21 Юня находился въ Бурновѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бирска. Мостъ, сожженный Якубовичемъ, былъ опять наведенъ мятежниками. Около трехъ тысячъ вышли навстрѣчу Михельсону. Онъ ихъ разбилъ, и отрядилъ Дуве противу шайки Башкирцевъ, находив-

шихся не въ дальнемъ разстояніи. Дуве ихъ разсѣялъ. Михельсонъ пошелъ на Осу, и 27 Іюня, разбивъ на дорогѣ толпу Башкирцевъ и Татаръ, узналъ отъ нихъ о взятіи Осы, и о переправѣ Пугачева черезъ Каму. Михельсонъ пошелъ по его слѣдамъ. На Камѣ не было ни мостовъ, ни лодокъ. Конница переправилась вплавь, пѣхота на плотахъ. Михельсонъ, оставя Пугачева вправѣ, пошелъ прямо на Казань, и 11 Іюля вечеромъ былъ уже въ пятнадцати верстахъ отъ нея.

Ночью отрядъ его тронулся съ мѣста. Поутру, въ сорока пяти верстахъ отъ Казани, услышалъ онъ пушечную пальбу. Къ полудню густой, багровый дымъ возвѣстилъ ему о жребіи города.

Подневный жаръ и усталость отряда заставили Михельсона остановиться на одинъ часъ. Между тѣмъ узналъ онъ, что недалеко находилась толпа мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ напалъ, и взялъ четыреста въ плѣнъ; остальные бѣжали къ Казани и извѣстили Пугачева о приближеніи непріятеля. Тогда-то Пугачевъ, опасаясь нечаяннаго нападенія, отступилъ отъ крѣпости и приказалъ своимъ скорѣе выбираться изъ города, а самъ, занявъ выгодное мѣстоположеніе, выстроился близъ Царицына, въ семи верстахъ отъ Казани.

Михельсонъ, получивъ о томъ донесеніе, пустился черезъ лѣсъ одною колонною, и вышелъ въ

поле, увидѣлъ передъ собою мятежниковъ, стоящихъ въ боевомъ порядкѣ.

Михельсонъ отрядилъ Харина противъ ихъ лѣваго крыла, Дуве противу праваго, а самъ пошелъ прямо на главную непріятельскую баттарею. Пугачевъ, ободренный побѣдою и усилясь захваченными пушками, встрѣтилъ нападеніе сильнымъ огнемъ. Передъ баттареей простиралось болото, чрезъ которое Михельсонъ долженъ былъ перейти, между тѣмъ, какъ Харинъ и Дуве старались обойти непріятеля. Михельсонъ взялъ баттарею; Дуве на правомъ флангѣ отбилъ также двѣ пушки. Мятежники, раздѣлясь на двѣ кучи, пошли — одни навстрѣчу Харину, и остановясь въ тѣснинѣ зарвомъ, поставили баттарею и открыли огонь; другіе старались захватить тылъ отряду. Михельсонъ, оставя Дуве, пошелъ на подкрѣпленіе Харина, проходившаго чрезъ оврагъ подъ непріятельскими ядрами. Наконецъ, послѣ пяти часовъ упорнаго сраженія, Пугачевъ былъ разбитъ, и бѣжалъ, потерявъ восемь сотъ человѣкъ убитыми и сто семьдесятъ взятыми въ плѣнъ. Потеря Михельсона была незначительна. Темнота ночи и усталость отряда не позволили Михельсону преслѣдовать Пугачева.

Переночевавъ на мѣстѣ сраженія, передъ свѣтомъ Михельсонъ пошелъ къ Казани. Навстрѣчу ему поминутно попадались кучи грабителей, пьян-

ствовавшихъ цѣлую ночь на развалинахъ сгорѣвшаго города. Ихъ рубили и брали въ плѣнъ. Прибывъ къ Арскому полю, Михельсонъ увидѣлъ приближающагося непріятели: Пугачевъ, узнавъ о малочисленности его отряда, спѣшилъ предупредить его соединеніе съ городскимъ войскомъ. Михельсонъ, пославъ увѣдомитъ о томъ Губернатора, встрѣтилъ пушечными выстрѣлами толпу, кинувшуюся на него съ воплемъ и визгомъ, и принудилъ ее отступить. Потемкинъ подоспѣлъ изъ города съ гарнизономъ. Пугачевъ перешелъ черезъ Казанку, и удалился за пятнадцать верстъ отъ города, въ село Сухую Рѣку. Преслѣдовать его было невозможно: у Михельсона не было и тридцати годныхъ лошадей.

Казань была освобождена. Жители тѣснились на стѣнѣ крѣпости, дабы издали взглянуть на лагерь своего избавителя. Михельсонъ не трогался съ мѣста, ожидая новаго нападенія. Въ самомъ дѣлѣ, Пугачевъ, негодуя на свои неудачи, не терялъ однако же надежды одолѣть наконецъ Михельсона. Онъ отсюду набиралъ новую сволочь, соединяясь съ отдѣльными своими отрядами, и 15 Юля утромъ, приказавъ прочесть передъ своими толпами манифестъ, въ которомъ объявлялъ о своемъ намѣреніи итти на Москву, устремился въ третій разъ на Михельсона. Войско его состояло

изъ двадцати пяти тысячъ всякаго сброду. Много-численныя толпы двинулись тою же дорогою, по которой уже два раза бѣжали. Облака пыли, дикіе вопли, шумъ и грохотъ возвѣстили ихъ приближеніе. Михельсонъ выступилъ противу нихъ съ осьмью стами карабинеръ, гусаръ и Чугуевскихъ казаковъ. Онъ занялъ мѣсто прежняго сраженія близъ Царицына, и раздѣлилъ войско свое на три отряда, въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Бунтовщики на него бросились. Яицкіе казаки стояли втылу, и по приказанію Пугачева должны были колоть своихъ бѣглецовъ. Но Михельсонъ и Харинъ съ двухъ сторонъ на нихъ ударили, опрокинули и погнали. Все было кончено въ одно мгновеніе. Напрасно Пугачевъ старался удержать разсыпавшіяся толпы, сперва доскакавъ до перваго своего лагеря, а потомъ и до втораго. Харинъ живо его преслѣдовалъ, не давая ему времени нигдѣ остановиться. Въ сихъ лагеряхъ находилось до десяти тысячъ Казанскихъ жителей всякаго пола и званія. Они были освобождены. Казанка была запружена мертвыми тѣлами; пять тысячъ плѣнныхъ и девять пушекъ остались въ рукахъ у побѣдителя. Убито въ сраженіи до двухъ тысячъ, большею частію Татаръ и Башкирцевъ. Михельсонъ потерялъ до ста человекъ убитыми и ранеными. Онъ пошелъ въ городъ при кликахъ

восхищенных жителей, свидѣтелей его побѣды. Губернаторъ, измученный болѣзнію, отъ которой онъ и умеръ черезъ двѣ недѣли, встрѣтилъ побѣдителя за воротами крѣпости, въ сопровожденіи дворянства и духовенства. Михельсонъ отправился прямо въ Соборъ, гдѣ Преосвященный Веніаминъ отслужилъ благодарственный молебенъ.

Состояніе Казани было ужасно: изъ двухъ тысячъ осьми сотъ шестидесяти семи домовъ, въ ней находившихся, двѣ тысячи пятьдесятъ семь сгорѣло. Двадцать пять церквей и три монастыря также сгорѣли. Гостиный дворъ и остальные дома, церкви и монастыри были разграблены; найдено до трехъ сотъ убитыхъ и раненыхъ обывателей; около пяти сотъ пропали безъ вѣсти. Въ числѣ убитыхъ находился Директоръ Гимназіи, Каницъ, нѣсколько учителей и учениковъ, и Полковникъ Родіоновъ. Генералъ-Маіоръ Кудрявцевъ⁹², старикъ сто десятилѣтній, не хотѣлъ скрыться въ крѣпость, не смотря на всевозможныя увѣщанія. Онъ на колѣнахъ молился въ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Вбѣжало нѣсколько грабителей. Онъ сталъ ихъ увѣщевать. Злодѣи умертвили его на церковной паперти.

Такъ темный колодникъ, за годъ тому бѣжавшій изъ Казани, отпраздновалъ свое возвращеніе! Тюремный дворъ, гдѣ ожидалъ онъ плетей и ка-

торги, былъ имъ сожженъ, а невольники, его недавніе товарищи, выпущены. Въ казармахъ содержалась уже нѣсколько мѣсяцевъ казачка Софья Пугачева, съ тремя своими дѣтьми. Самозванецъ, увидя ихъ, сказываютъ, заплакалъ; но не измѣнилъ самому себѣ. Онъ велѣлъ ихъ отвести въ лагерь, сказавъ, какъ увѣряютъ: *я ее знаю; мужъ ея оказалъ мнѣ великую услугу*⁹³. Измѣнникъ Минеевъ, главный виновникъ бѣдствія Казани, при первомъ разбитіи Пугачева попался въ плѣнъ и, по приговору военного суда, загнать былъ сквозь строй до смерти.

Казанское начальство стало пещись о размѣщеніи жителей по уцѣлѣвшимъ домамъ. Они были приглашены въ лагерь, для разбора добычи, отнятой у Пугачева и для обратнаго полученія своей собственности. Спѣшили раздѣлиться кое-какъ. Люди зажиточные стали нищими; кто былъ скуденъ, очутился богатъ.

Исторія должна опровергнуть клевету, легкомысленно повторенную свѣтомъ: утверждали, что Михельсонъ могъ предупредить взятіе Казани, но что онъ нарочно далъ мятежникамъ время ограбить городъ, дабы въ свою очередь поживиться богатою добычею, предпочитая какую бы то ни было прибыль славѣ, почестямъ и Царскимъ наградамъ, ожидавшимъ спасителя Казани и усми-

рителя бунта. Читатели видѣли, какъ быстро, и какъ неутомимо Михельсонъ преслѣдовалъ Пугачева. Если бы Потемкинъ и Брантъ сдѣлали свое дѣло, и успѣли бы удержаться хоть нѣсколько часовъ, то Казань была бы спасена. Солдаты Михельсона конечно обогатились; но стыдно было бы намъ обвинять, безъ доказательства, стараго, заслуженаго воина, проведшаго всю жизнь на полѣ чести, и умершаго Главнокомандующимъ Русскими войсками ⁹⁴.

14 Юля, прибылъ въ Казань Подполковникъ Графъ Мелинъ, и былъ отряженъ Михельсономъ для преслѣдованія Пугачева. Самъ Михельсонъ остался въ городѣ, для возобновленія своей конницы и для заготовленія припасовъ. Прочіе начальники наскоро сдѣлали нѣкоторыя военныя распоряженія, ибо, не смотря на разбитіе Пугачева, знали уже, сколь былъ опасенъ сей предприимчивый и дѣятельный мятежникъ. Его движенія были столь быстры и непредвидимы, что не было средства его преслѣдовать; къ тому же конница была слишкомъ изнурена. Старались перехватить ему дорогу; но войска, разсѣянная на великомъ пространствѣ, не могли всюду поспѣвать и дѣлать скорые обороты. Должно сказать и то, что рѣдкій изъ тогдашнихъ начальниковъ былъ въ состояніи управиться съ Пугачевымъ, или съ менѣе извѣстными его сообщниками.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Пугачевъ за Волгою. — Общее смятеніе. — Письма Генерала Ступишина. — Намѣреніе Екатерины. — Графъ П. Ив. Панинъ. — Движеніе войскъ. — Взятіе Пензы. — Смерть Всеволожскаго. — Споры Державина съ Бошнякомъ. — Взятіе Саратова. — Пугачевъ подъ Царицынымъ. — Смерть астронома Ловица. — Пораженіе Пугачева. — Суворовъ. — Пугачевъ выданъ Правительству. — Разговоръ его съ Графомъ Панинымъ. — Судъ надъ Пугачевымъ и надъ его сообщниками. — Казнь бунтовщиковъ.

Пугачевъ бѣжалъ по Кокшайской дорогѣ на перемѣнныхъ лошадяхъ, съ тремястами Яицкихъ и Илецкихъ казаковъ, и наконецъ ударился въ лѣсъ. Харинъ, преслѣдовавшій его цѣлыя тридцать верстъ, принужденъ былъ остановиться. Пугачевъ ночевалъ въ лѣсу. Его семейство было при немъ. Между его товарищами находились два новыхъ лица: одинъ изъ нихъ былъ молодой Пулавскій, родной братъ славнаго конфедерата⁹⁵. Онъ находился въ Казани военнопѣннымъ, и изъ ненависти къ Рос-

си, присоединился къ шайкѣ Пугачева. Другой былъ пасторъ реформатскаго исповѣданія. Во время Казанскаго пожара, онъ былъ приведенъ къ Пугачеву; самозванецъ узналъ его: нѣкогда, ходя въ цѣпяхъ по городскимъ улицамъ, Пугачевъ получалъ отъ него милостыню. Бѣдный пасторъ ожидалъ смерти. Пугачевъ принялъ его ласково, и пожаловалъ въ Полковники. Пасторъ-Полковникъ посаженъ былъ верхомъ на Башкирскую лошадь. Онъ сопровождалъ въ бѣгствѣ Пугачева, и нѣсколько дней уже спустя, отсталъ отъ него и возвратился въ Казань ⁹⁶.

Пугачевъ два дня бродилъ то въ одну, то въ другую сторону, обманывая тѣмъ высланную погоню. Сволочь его, разсыпавшись, производила обычные грабежи. Бѣлобородовъ пойманъ былъ въ окрестностяхъ Казани, высѣченъ кнутомъ, потомъ отвезенъ въ Москву, и казненъ смертію. Нѣсколько сотенъ бѣглецовъ присоединились къ Пугачеву. 18 Іюля, онъ вдругъ устремился къ Волгѣ, на Кокшайскій перевозъ, и въ числѣ пяти-сотъ человекъ лучшаго своего войска переправился на другую сторону.

Переправа Пугачева произвела общее смятеніе. Вся западная сторона Волги возстала и передалась самозванцу. Господскіе крестьяне взбунтовались; иновѣрцы и новокрещенные стали убивать Рус-

скихъ священниковъ. Воеводы бѣжали изъ городовъ, дворяне изъ помѣстій; чернь ловила тѣхъ и другихъ, и отвсюду приводила къ Пугачеву. Пугачевъ объявилъ народу вольность, истребленіе дворянскаго рода, отпущеніе повинностей и безденежную раздачу соли ⁹⁷. Онъ пошелъ на Цывильскъ, ограбилъ городъ, повѣсилъ Воеводу, и раздѣливъ шайку свою на двѣ части, послалъ одну по Нижегородской дорогѣ, а другую по Алатырской, и пресѣкъ такимъ образомъ сообщеніе Нижняго съ Казанью. Нижегородскій Губернаторъ, Генераль-Поручикъ Ступишинъ, писалъ къ Князю Волконскому, что участь Казани ожидаетъ и Нижний, и что онъ не отвѣчаетъ и за Москву. Всѣ отряды, находившіеся въ губерніяхъ Казанской и Оренбургской, пришли въ движеніе и устремлены были противъ Пугачева. Щербатовъ изъ Бутульмы, а Князь Голицынъ изъ Мензелинска, поспѣшили въ Казань; Меллинъ переправился черезъ Волгу, и 19 Юля выступилъ изъ Свіяжска; Мансуровъ изъ Яицкаго городка двинулся къ Сызрани; Муфель пошелъ къ Симбирску; Михельсонъ изъ Чебоксаровъ устремился къ Арзамасу, дабы пресѣчь Пугачеву дорогу къ Москвѣ. . . .

Но Пугачевъ не имѣлъ уже намѣренія итти на старую столицу. Окруженный отвсюду войсками Правительства, не довѣря своимъ сообщникамъ,

онъ уже думалъ о своемъ спасеніи; цѣль его была: пробраться за Кубань, или въ Персію. Главные бунтовщики предвидѣли конецъ затѣянному имъ дѣлу, и уже торговались о головѣ своего предводителя! Перфильевъ, отъ имени всѣхъ виновныхъ казаковъ, послалъ тайно въ Петербургъ одного повѣреннаго, съ предложеніемъ о выдачѣ самозванца. Правительство, однажды имъ обманутое, худо вѣрило ему: однако вошло съ нимъ въ сношеніе ⁹⁸. Пугачевъ бѣжалъ; но бѣгство его казалось нашествіемъ. Никогда успѣхи его не были ужаснѣе, никогда мятежъ не свирѣпствовалъ съ такою силою. Возмущеніе переходило отъ одной деревни къ другой, отъ провинціи къ провинціи. Довольно было появленія двухъ или трехъ злодѣевъ, чтобъ взбунтовать цѣлыя области. Составлялись отдѣльныя шайки грабителей и бунтовщиковъ, и каждая имѣла у себя своего Пугачева.

Сія горестныя извѣстія сдѣлали въ Петербургѣ глубокое впечатлѣніе, и омрачили радость, произведенную окончаніемъ Турецкой войны и заключеніемъ славнаго Кучукъ-Кайнарджискаго мира. Императрица, недовольная медлительностью Князя Щербатова, еще въ началѣ Іюля, рѣшилась отозвать его и поручить главное начальство надъ войскомъ Князю Голицыну. Курьеръ, ѣхавшій съ симъ указомъ, остановленъ былъ въ Нижнемъ-

Новгородъ, по причинѣ небезопасности дороги. Когда же Государыня узнала о взятіи Казани и о перенесеніи бунта за Волгу, тогда Она уже думала Сама ѣхать въ край, гдѣ усиливалось бѣдствіе и опасность, и лично предводительствовать войскомъ. Графъ Никита Ивановичъ Панинъ успѣлъ уговорить Ее оставить сіе намѣреніе. Императрица не знала, кому предоставить спасеніе отечества. Въ сіе время вельможа, удаленный отъ Двора и, подобно Бибикову, бывший въ немилости, Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ ⁹⁹, самъ вызвался принять на себя подвигъ, не довершенный его предшественникомъ. Екатерина съ признательностію увидѣла усердіе благороднаго Своего подданнаго, и Графъ Панинъ, въ то время, какъ вооруживъ своихъ крестьянъ и дворовыхъ, готовился идти навстрѣчу Пугачеву, получилъ, въ своей деревнѣ, повелѣніе принять главное начальство надъ губерніями, гдѣ свирѣпствовалъ мятежь, и надъ войсками, туда посланными. Такимъ образомъ покоритель Бендеръ пошелъ войною противу простаго казака, четыре года тому назадъ безвѣстно служившаго въ рядахъ войска, ввѣреннаго его начальству.

20 Июля, Пугачевъ подъ Курмышемъ переправился вплавъ черезъ Суру. Дворяне и чиновники бѣжали. Чернь встрѣтила его на берегу съ обра-

зами и хлѣбомъ. Ей прочтенъ возмутительный манифестъ. Инвалидная команда приведена была къ Пугачеву. Маіоръ Юрловъ, начальникъ оной, и унтеръ-офицеръ, коего имя, къ сожалѣнію, не сохранилось, одни не захотѣли присягнуть, и въ глаза обличали самозванца. Ихъ повѣсили, и мертвыхъ били пагайками. Вдова Юрлова спасена была ея дворовыми людьми. Пугачевъ велѣлъ раздать Чувашамъ казенное вино; повѣсилъ нѣсколькихъ дворянъ, приведенныхъ къ нему крестьянами ихъ, и пошелъ къ Ядринску, оставя городъ подъ начальствомъ четырехъ Лицкихъ казаковъ и давъ имъ въ распоряженіе шестьдесятъ приставшихъ къ нему холопьевъ. Онъ оставилъ за собою малую шайку, для задержанія Графа Меллина. Михельсонъ, шедшій къ Арзамасу, отрядилъ Харина къ Ядринску, куда спѣшилъ и Графъ Меллинъ. Пугачевъ, узнавъ о томъ, обратился къ Алатырю; но прикрывая свое движеніе, послалъ къ Ядринску шайку, которая и была отбита Воеводою и жителями, а послѣ сего встрѣчена Графомъ Меллинымъ и совсѣмъ разсѣяна. Меллинъ поспѣшилъ къ Алатырю; мимоходомъ освободилъ Курмышъ, гдѣ повѣсилъ нѣсколькихъ мятежниковъ, а казака, назвавшагося Воеводою, взялъ съ собою, какъ языка. Офицеры инвалидной команды, присягнувшіе самозванцу, оправдывались тѣмъ, что присяга дана была ими *не отъ искрен-*

ниго сердца, но для наблюденія интереса Ея Императорскаго Величества. ^{Всего} «А что мы, писали они Ступишину, предъ Богомъ и Всемилоствѣйшею Государынею нашей нарушили присягу, и тому злодѣю присягали, въ томъ приносимъ наше христіанское покаяніе и слезно просимъ отпущенія сего нашего невольнаго грѣха; ибо не иное насъ къ сему привело, какъ смертный страхъ.» Двадцать человѣкъ подписали сіе постыдное извиненіе.

Пугачевъ стремился съ необыкновенною быстротою, отряжая во всѣ стороны свои шайки. Не знали, въ которой находился онъ самъ. Настичь его было невозможно: онъ скакалъ проселочными дорогами, забирая свѣжихъ лошадей, и оставлялъ за собою возмутителей, которые въ числѣ двухъ, трехъ и не болѣе пяти, разъѣзжали безопасно по селеніямъ и городамъ, набирая всюду новыя шайки. Трое изъ нихъ явились въ окрестностяхъ Нижняго-Новгорода; крестьяне Демидова связали ихъ и представили Ступишину. Онъ велѣлъ ихъ повѣсить на баркахъ и пустить внизъ по Волгѣ, мимо бунтующихъ береговъ.

27 Іюля, Пугачевъ вошелъ въ Саранскъ. Онъ былъ встрѣченъ не только чернымъ народомъ, но духовенствомъ и купечествомъ Триста человѣкъ дворянъ, всякаго пола и возраста, были имъ тутъ повѣшены; крестьяне и дворовые люди сте-

кались къ нему толпами. Онъ выступилъ изъ города 30го. На другой день Мелниъ вошелъ въ Саранскъ, взявъ подъ карауль Прапорщика Шах-маметева, посаженнаго въ Воеводы отъ самозванца, также и другихъ важныхъ измѣнниковъ духовнаго и дворянскаго званія, а черныхъ людей велѣлъ высѣчь плетью подъ висѣлицею.

Михельсонъ изъ Арзамаса устремился за Пугачевымъ. Муфель изъ Симбирска спѣшилъ ему же на встрѣчу. Мелниъ шелъ по его пятамъ. Такимъ образомъ три отряда окружали Пугачева. Князь Щербатовъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія войскъ изъ Башкиріи, дабы отправить подкрѣпленіе дѣйствующимъ отрядамъ; и самъ хотѣлъ спѣшить за ними; но, получа указъ, отъ 8 Юля, сдалъ начальство Князю Голицыну и отправился въ Петербургъ.

Между тѣмъ Пугачевъ приблизился къ Пензѣ. Воевода Всеволожскій нѣсколько времени держалъ чернь въ повиновеніи, и далъ время дворянамъ спастись. Пугачевъ явился передъ городомъ. Жители вышли къ нему навстрѣчу съ иконами и хлѣбомъ, и пали предъ нимъ на колѣна. Пугачевъ въѣхалъ въ Пензу. Всеволожскій, оставленный городскимъ войскомъ, заперся въ своемъ домѣ съ двѣнадцатю дворянами, и рѣшился защищаться. Домъ былъ зажженъ; храбрый Всево-

ложскій погибъ со своими товарищами; казенные и дворянскіе дома были ограблены. Пугачевъ посадилъ въ Воеводы господскаго мужика, и пошелъ къ Саратову.

Узнавъ о взятіи Пензы, Саратовское начальство стало дѣлать свои распоряженія.

Въ Саратовѣ находился тогда Державинъ. Онъ отряженъ былъ (какъ мы уже видѣли) въ село Малыковку, дабы оттуда пресѣчь дорогу Пугачеву, въ случаѣ побѣга его на Иргизъ. Державинъ, извѣстясь о сношеніяхъ Пугачева съ Киргизь-Кайсаками, успѣлъ отрѣзать ихъ отъ кочующихъ ордъ по рѣкамъ Узенимъ, и намѣревался итти на освобожденіе Яицкаго городка; но былъ предупрежденъ Генераломъ Мансуровымъ. Въ концѣ Іюля, прибылъ онъ въ Саратовъ, гдѣ чинъ Гвардіи Поручика, рѣзкій умъ и пылкій характеръ доставили ему важное вліяніе на общее мнѣніе.

1 Августа, Державинъ, обще съ главнымъ судіею Конторы Опекунства Колонистовъ, Лодыжинскимъ, потребовалъ Саратовскаго Коменданта Бошняка, для совѣщанія о мѣрахъ, кои должно было предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ. Державинъ утверждалъ, что около конторскихъ магазиновъ, внутри города, должно было сдѣлать укрѣпленія, перевезти туда казну, лодки на Волгѣ сжечь, по берегу разставить бат-

тарей и итти навстрѣчу Пугачеву. Бошнякъ не соглашался оставить свою крѣпость, и хотѣлъ держаться за городомъ. Спорили, горячились — и Державинъ, вышедъ изъ себя, предлагалъ арестовать Коменданта. Бошнякъ остался непоколебимъ, повторяя, что онъ ввѣренной ему крѣпости и Божіихъ церковей покинуть на расхищеніе не хочетъ. Державинъ, оставя его, пріѣхалъ въ Магистратъ; предложилъ, чтобы всѣ обыватели поголовно явились на земляную работу къ мѣсту, назначенному Лодыжинскимъ. Бошнякъ жаловался, но никто его не слушалъ. Памятникомъ сихъ споровъ осталось извѣстное письмо Державина къ упрямому Коменданту ¹⁰⁰.

4 Августа, узнали въ Саратовѣ, что Пугачевъ выступилъ изъ Пензы, и приближается къ Петровску. Державинъ потребовалъ отрядъ Донскихъ казаковъ, и пустился съ ними въ Петровскъ, дабы вывезти оттуда казну, порохъ и пушки. Но, подѣзжая къ городу, услышалъ онъ колокольный звонъ и увидѣлъ передовыя толпы мятежниковъ, вступающія въ городъ, и духовенство, вышедшее къ нимъ навстрѣчу съ образами и хлѣбомъ. Онъ поѣхалъ впередъ съ Есауломъ и двумя казаками, и видя, что болѣе дѣлать было нечего, пустился съ ними обратно къ Саратову. Отрядъ его остался на дорогѣ, ожидая Пугачева.

Самозванецъ къ нимъ подѣхалъ въ сопровожде-
ніи своихъ сообщниковъ. Они приняли его, стоя
на колѣнахъ. Услыша отъ нихъ о гвардейскомъ
офицерѣ; Пугачевъ тутъ же перемѣнилъ лошадь,
и взявъ въ руки дротикъ, самъ съ четырьмя каза-
ками поскакалъ за нимъ въ погоню. Одинъ изъ
казаковъ, сопровождавшихъ Державина, былъ
заколотъ Пугачевымъ. Державинъ успѣлъ до-
браться до Саратова, откуда на другой день выѣ-
халъ вмѣстѣ съ Лодыжинскимъ, оставя защиту
города на попеченіе осмѣяннаго имъ Бошняка ¹⁰¹.

5 Августа, Пугачевъ пошелъ къ Саратову. Вой-
ско его состояло изъ трехъ-сотъ Яицкихъ каза-
ковъ и ста-пятидесяти Донскихъ, приставшихъ
къ нему наканунѣ, и тысячъ до десяти Калмы-
ковъ, Башкирцевъ, ясачныхъ Татаръ, господ-
скихъ крестьянъ и всякой сволочи. Тысячъ до
двухъ были кое-какъ вооружены; остальные шли
съ топорами, вилами и дубинами. Пушекъ было
у него тринадцать.

6го, Пугачевъ пришелъ къ Саратову, и остано-
вился въ трехъ верстахъ отъ города.

Бошнякъ отрядилъ Саратовскихъ казаковъ для
поймки языка; но они передались Пугачеву. Ме-
жду тѣмъ обыватели тайно подослали къ само-
званцу купца Кобякова съ измѣнническими пред-
ложеніями. Бунтовщики подѣхали къ самой крѣ-

пости, разговаривая съ солдатами. Бошнякъ велѣлъ стрѣлять. Тогда жители, предводительствуемые Городскимъ Головою Протопоповымъ, явно возмутились и приступили къ Бошняку, требуя, чтобъ онъ не начиналъ сраженія и ожидалъ возвращенія Кобякова. Бошнякъ спросилъ, какъ осмѣлились они, безъ его вѣдома, вступить въ переговоры съ самозванцемъ? Они продолжали шумѣть. Между тѣмъ Кобяковъ возвратился съ возмутительнымъ письмомъ. Бошнякъ, выхвативъ его изъ рукъ измѣнника, разорвалъ и растопталъ, а Кобякова велѣлъ взять подъ карауль. Купцы пристаи къ нему съ просьбами и угрозами, и Бошнякъ принужденъ былъ имъ уступить и освободить Кобякова. Онъ однако приготовился къ оборонѣ. Въ это время Пугачевъ занялъ Соколову гору, господствующую надъ Саратовомъ, поставилъ батарею и началъ по городу стрѣлять. По первому выстрѣлу, крѣпостные казаки и обыватели разбѣжались. Бошнякъ велѣлъ выпалить изъ мортиры; но бомба упала въ пятидесяти саженьяхъ. Онъ обошелъ свое войско, и всюду увидѣлъ уныніе: однако не терялъ своей бодрости. Мятежники напали на крѣпость. Онъ открылъ огонь, и уже успѣлъ ихъ отразить, какъ вдругъ триста артиллеристовъ, выхвата изъ-подъ пушекъ клинья и фитили, выбѣжали изъ крѣпости и передались.

Въ это время самъ Пугачевъ кинулся съ горы на крѣпость. Тогда Бошнякъ, съ однимъ Саратовскимъ баталіономъ, рѣшился продраться сквозь толпы мятежниковъ. Онъ приказалъ Маіору Салманову выступить съ первою половиною баталіона; но замѣтя въ немъ робость или готовность измѣнить, отрѣшилъ его отъ начальства. Маіоръ Бутыринъ заступился за него, и Бошнякъ вторично оказалъ слабость: онъ оставилъ Салманова при его мѣстѣ, и обратясь ко второй половинѣ баталіона, приказалъ распускать знамена и выходить изъ укрѣпленій. Въ сію минуту Салмановъ передался, и Бошнякъ остался съ шестидесятью человекъми офицеровъ и солдатъ. Храбрый Бошнякъ съ этою горстью людей выступилъ изъ крѣпости, и цѣлые шесть часовъ сряду шелъ, пробиваясь сквозь безчисленные толпы разбойниковъ. Ночь прекратила сраженіе. Бошнякъ достигъ береговъ Волги. Казну и канцелярскія дѣла отправилъ рѣкою въ Астрахань, а самъ 11 Августа благополучно прибылъ въ Царицынъ.

Мятежники, овладѣвъ Саратовомъ, выпустили колодниковъ, отворили хлѣбные и соляные анбары, разбили кабаки, и разграбили дома. Пугачевъ повѣсилъ всѣхъ дворянъ, попавшихся въ его руки, и запретилъ хоронить тѣла; назначилъ въ Коменданты города казацкаго пятидесятника

Уфимцева, и 9 Августа, въ полдень, выступилъ изъ города. — 11го, въ разоренный Саратовъ прибылъ Муфель, а 14го, Михельсонъ. Оба, соединясь, поспѣшили вслѣдъ за Пугачевымъ.

Пугачевъ слѣдовалъ по теченію Волги. Иностранцы, тутъ поселенные, большею частію бродяги и негодяи, всѣ къ нему присоединились, возмущенные Польскимъ конфедератомъ (не извѣстно къмъ по имени, только не Пулавскимъ: послѣдній уже тогда отсталъ отъ Пугачева, негодюя на его звѣрскую свирѣдность). Пугачевъ составилъ изъ нихъ гусарскій полкъ. Волжскіе казаки перешли также на его сторону.

Такимъ образомъ Пугачевъ со дня на день усиливался. Войско его состояло уже изъ двадцати тысячъ. Шайки его наполняли губерніи Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую. Бѣглый холопъ Евсигпеевъ, назвавшись также Петромъ III, взялъ Инсару, Троицкъ, Наровчатъ и Керенскъ, повѣсилъ воеводъ и дворянъ, и вездѣ учредилъ свое правленіе. Разбойникъ Фирска подступилъ подъ Симбирскъ, убивъ въ сраженіи Полковника Рычкова, заступившаго мѣсто Чернышева, погибшаго подъ Оренбургомъ при началѣ бунта; гарнизонъ измѣнилъ ему. Симбирскъ былъ спасенъ однако жъ прибытіемъ Полковника Обернибѣсова. Фирска наполнилъ окрестности

убійствами и грабежами. Верхній и Нижній Ломовъ были ограблены и сожжены другими злодѣями. Состояніе сего обширнаго края было ужасно. Дворянство обречено было погибели. Во всѣхъ селеніяхъ, на воротахъ барскихъ дворовъ висѣли помѣщики, или ихъ управители ¹⁰². Мятежники и отряды, ихъ преслѣдующіе, отнимали у крестьянъ лошадей, запасы и послѣднее имущество. Правленіе было повсюду пресѣчено. Неродъ не зналъ, кому повиноваться. На вопросъ: кому вы вѣруете: Петру Ѳедоровичу или Екатеринѣ Алексѣевнѣ? мирные люди не смѣли отвѣчать, не зная, какой сторонѣ принадлежали вопрошатели.

15 Августа, Пугачевъ приблизился къ Дмитріевску (Камышенкѣ). Его встрѣтилъ Маіоръ Дицъ съ пятью стами гарнизонныхъ солдатъ, тысячею Донскихъ казаковъ и пятью стами Калмыковъ, предводительствуемыхъ Князьями Дундуковымъ и Дербетевымъ. Сраженіе завязалось. Калмыки разбѣжались при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Казаки дрались храбро и доходили до самыхъ пушекъ, но были отрѣзаны и передались. Дицъ былъ убитъ. Гарнизонные солдаты со всѣми пушками были взяты. Пугачевъ ночевалъ на мѣстѣ сраженія, на другой день занялъ Дубовку, и двинулся къ Царицыну.

Въ семь городѣ, хорошо укрѣпленномъ, начальствовалъ Полковникъ Цыплетевъ. Съ нимъ находился храбрый Бошнякъ. 21го Августа, Пугачевъ подступилъ съ обыкновенною дерзостію. Отбитый съ урономъ, онъ удалился за восемь верстъ отъ крѣпости. Противъ него выслали полторы тысячи Донскихъ казаковъ; но только четыреста возвратились: остальные передались.

На другой день, Пугачевъ подступилъ къ городу со стороны Волги, и былъ опять отбитъ Бошнякомъ. Между тѣмъ услышалъ онъ о приближеніи отрядовъ, и поспѣшно сталъ удаляться къ Сарептѣ.

Михельсонъ, Муфель и Меллинъ прибыли 20го въ Дубовку, а 22го вступили въ Царицынъ.

Пугачевъ бѣжалъ по берегу Волги. Тутъ онъ встрѣтилъ астронома Ловица, и спросилъ, что онъ за человекъ. Услыша, что Ловицъ наблюдалъ теченіе свѣтилъ небесныхъ, онъ велѣлъ его повѣсить *поближе къ звездамъ*. Адъюнктъ Иноходцевъ, бывший тутъ же, успѣлъ убѣжать.

Пугачевъ отдыхалъ въ Сарептѣ цѣлыя сутки, скрываясь въ своемъ шатрѣ съ двумя наложницами ¹⁰³. Семейство его находилось тутъ же. Онъ пустился внизъ къ Черному Яру. Михельсонъ шелъ по его пятамъ. Наконецъ, 25го, на разсвѣтѣ онъ настигнулъ Пугачева въ ста пяти верстахъ отъ Царицына.

Пугачевъ стоялъ на высотѣ, между двумя дорогами. Михельсонъ ночью обошелъ его, и сталъ противу мятежниковъ. Утромъ Пугачевъ опять увидѣлъ передъ собою своего грознаго гонителя; но не смутился, а смѣло пошелъ на Михельсона, отрядивъ свою пѣшую сволочь противу Донскихъ и Чугуевскихъ казаковъ, стоящихъ по обоимъ крыламъ отряда. Сраженіе продолжалось недолго. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разстроили мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ ударилъ. Они бѣжали, брося пушки и весь обозъ. Пугачевъ, переправясь черезъ мостъ, напрасно старался ихъ удержать; онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ ними. Ихъ били и преслѣдовали сорокъ верстъ. Пугачевъ потерялъ до четырехъ тысячъ убитыми и до семи тысячъ взятыми въ плѣнъ. Остальные разсѣялись. Пугачевъ, въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія, переплылъ Волгу, выше Черноярска, на четырехъ лодкахъ, и ушелъ на луговую сторону, не болѣе какъ съ тридцатью казаками. Преслѣдовавшая его конница опоздала четвертью часа. Бѣглецы, не успѣвшіе переправиться на лодкахъ, бросились вплавъ и перетонули.

Сіе пораженіе было послѣднимъ и рѣшительнымъ. Графъ Панинъ, прибывшій въ то время въ Керенскъ, послалъ въ Петербургъ радостное извѣстіе, отдавъ въ донесеніи своемъ полную

справедливость быстротѣ, искусству и храбрости Михельсона. Между тѣмъ новое, важное лице является на сценѣ дѣйствія: Суворовъ прибылъ въ Царицынъ.

Еще при жизни Бибикова, Государственная Коллегія, видя важность возмущенія, вызывала Суворова, который въ то время находился подъ стѣнами Силистріи; но Графъ Румянцевъ не пустилъ его, дабы не подать Европѣ слишкомъ великаго понятія о внутреннихъ безпокойствахъ государства. Такова была слава Суворова! По окончаніи же войны, Суворовъ получилъ повелѣніе немедленно ѣхать въ Москву, къ Кнзю Волконскому, для принятія дальнѣйшихъ препорученій. Онъ свидѣлся съ Графомъ Панинымъ въ его деревнѣ, и явился въ отрядѣ Михельсона нѣскольکو дней послѣ послѣдней побѣды. Суворовъ имѣлъ отъ Графа Панина предписаніе начальникамъ войскъ и Губернаторамъ исполнять всѣ его приказанія. Онъ принялъ начальство надъ Михельсоновымъ отрядомъ, посадилъ нѣхоту на лошадей, отбитыхъ у Пугачева, и въ Царицынѣ переправился черезъ Волгу. Въ одной изъ бунтовавшихъ деревень онъ взялъ, подъ видомъ наказанія, пятьдесятъ паръ воловъ, и съ симъ запасомъ углубился въ пространную степь, гдѣ нѣтъ ни лѣса, ни воды, и гдѣ днемъ должно было ему направлять путь свой по солнцу, а ночью по звѣздамъ.

Пугачевъ скитался по той же степи. Войска отовсюду окружали его; Меллинъ и Муфель, также перешедшіе черезъ Волгу, отрѣзывали ему дорогу къ сѣверу; легкій полевой отрядъ шелъ ему навстрѣчу изъ Астрахани; Князь Голицынъ и Мансуровъ преграждали его отъ Яика; Дундуковъ съ своими Калмыками рыскалъ по степи; разѣзды учреждены были отъ Гурьева до Саратова, и отъ Чернаго до Краснаго Яра. Пугачевъ не имѣлъ средствъ выбраться изъ сѣтей, его стѣсняющихъ. Его сообщники, съ одной стороны видя неминуемую гибель, а съ другой—надежду на прощенье, стали сговариваться, и рѣшились выдать его Правительству.

Пугачевъ хотѣлъ итти къ Каспійскому морю, надѣясь какъ нибудь пробраться въ Киргизь-Кайсацкія степи. Казаки на то притворно согласились; но сказавъ, что хотятъ взять съ собою женъ и дѣтей, повезли его на Узени, обыкновенное убѣжище тамошнихъ преступниковъ и бѣглецовъ. 14 Сентября, они прибыли въ селенія тамошнихъ старовѣровъ. Тутъ произошло послѣднее совѣщаніе. Казаки, не согласившіеся отдаться въ руки Правительства, разсѣялись. Прочіе пошли къ ставкѣ Пугачева.

Пугачевъ сидѣлъ одинъ въ задумчивости. Оружіе его висѣло въ сторонѣ. Услыша вошедшихъ

казаковъ, онъ поднялъ голову и спросилъ, чего имъ надобно? Они стали говорить о своемъ отчаянномъ положеніи, и между тѣмъ, тихо подвигаясь, старались загородить его отъ висѣвшаго оружія. Пугачевъ ^{бар} началъ опять ихъ уговаривать идти къ Гурьеву городку. Казаки отвѣчали, что они долго ѣздили за нимъ и что уже ему пора ѣхать за ними. Что же? сказалъ Пугачевъ, вы хотите измѣнить своему Государю?—Что дѣлать! отвѣчали казаки, и вдругъ на него кинулись. Пугачевъ успѣлъ отъ нихъ отбиться. Они отступили на нѣсколько шаговъ. *Я давно видѣлъ вашу измѣну,* сказалъ Пугачевъ, и подозвавъ своего любимца, Илецкаго казака Творогова, протянулъ ему свои руки и сказалъ: *вяжи!* Твороговъ хотѣлъ ему скрутить локти назадъ. Пугачевъ не дался. *Развѣ я разбойникъ?* говорилъ онъ гнѣвно. Казаки посадили его верхомъ, и повезли къ Яицкому городку. Во всю дорогу Пугачевъ имъ угрожалъ мстью Великаго Князя. Однажды нашель онъ способъ высвободить руки, выхватилъ саблю и пистолеть, ранилъ выстрѣломъ одного изъ казаковъ, и закричалъ, чтобъ вязали измѣнниковъ. Но никто уже его не слушалъ. Казаки, подѣхавъ къ Яицкому городку, послали увѣдомить о томъ Коменданта. Казакъ Харчевъ и сержантъ Бардовскій высланы были къ нимъ навстрѣчу, приняли Пу-

гачева, посадили его въ колодку и привезли въ городъ, прямо къ Гвардіи Капитанъ-Поручику Маврину, Члену Слѣдственной Коммисіи ¹⁰⁴.

Мавринъ допросилъ самозванца. Пугачевъ съ перваго слова открылся ему. *Богу было угодно, сказалъ онъ, наказать Россію черезъ мое окаянство.* — Вѣрно было жителямъ собраться на городскую площадь; туда приведены были и бунтовщики, содержащіеся въ оковахъ. Мавринъ вывелъ Пугачева, и показалъ его народу. Всѣ узнали его; бунтовщики потушили голову. Пугачевъ громко сталъ ихъ уличать, и сказалъ: *вы погубили меня; вы нѣсколько дней сряду меня упрашивали принять на себя имя покойнаго Великаго Государя; я долго отрицался, а когда и согласился, то все, что ни дѣлалъ, было съ вашей воли и согласія; вы же поступали часто безъ вѣдома моего и даже вопреки моей воли.* Бунтовщики не отвѣчали ни слова.

Суворовъ между тѣмъ прибылъ на Узени, и узналъ отъ пустынниковъ, что Пугачевъ былъ связанъ его сообщниками, и что они повезли его къ Яицкому городку. Суворовъ посидѣвши туда же. Ночью сбился онъ съ дороги, и нашель на огни, раскладенные въ степи ворующими Киргизами. Суворовъ на нихъ напалъ и прогналъ, потерявъ нѣсколько человекъ, и между ними своего Адъютанта Максимовича. Черезъ нѣсколько дней при-

былъ онъ въ Лицкой городокъ. Симоновъ сдалъ ему Пугачева. Суворовъ съ любопытствомъ спрашивалъ плѣннаго мятежника о его военныхъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, и повезъ его въ Симбирскъ, куда долженъ былъ пріѣхать и Графъ Панинъ.

Пугачевъ сидѣлъ въ деревянной клѣткѣ на двухколесной телегѣ. Сильный отрядъ, при двухъ пушкахъ, окружалъ его. Суворовъ отъ него не отлучался. Въ деревнѣ Мостахъ (во сто сорока верстахъ отъ Самары) случился пожаръ близъ избы, гдѣ ночевалъ Пугачевъ. Его высадили изъ клѣтки, привязали къ телегѣ вмѣстѣ съ его сыномъ, рѣзвымъ и смѣлымъ мальчикомъ, и во всю ночь Суворовъ самъ ихъ караулил. Въ Коспорѣ, противъ Самары, ночью, въ волновую погоду, Суворовъ переправился черезъ Волгу, и пришелъ въ Симбирскъ въ началѣ Октября.

Пугачева привезли прямо на дворъ къ Графу Панину, который встрѣтилъ его на крыльцѣ, окруженный своимъ штабомъ.—Кто ты таковъ? спросилъ онъ у самозванца.—*Емельянъ Ивановъ Пугачевъ*, отвѣчалъ тотъ.—Какъ же смѣлъ ты, воръ, назваться Государемъ? продолжалъ Панинъ.—*Я не воронъ* (возразилъ Пугачевъ, играя словами, и изъясняясь, по своему обыкновенію, иносказательно), *я воронѣнокъ, а воронъ-то еще летаетъ*.— Па-

добно знать, что Яицкіе бунтовщики, въ опроверженіе общей молвы, распустили слухъ, что между ними дѣйствительно находился нѣкто Пугачевъ, но что онъ съ Государемъ Петромъ III, ими предводительствующимъ, ничего общаго не имѣеть. Панинъ, замѣтя, что дерзость Пугачева поразила народъ, столпившійся около двора, ударилъ самозванца по лицу до крови, и вырвалъ у него клокъ бороды. Пугачевъ сталъ на колѣна, и просилъ помилованія. Онъ посаженъ былъ подъ крѣпкій караулъ, скованный по рукамъ и по ногамъ, съ желѣзнымъ обручемъ около поясницы, на цѣпи, привинченной къ стѣнѣ. Академикъ Рычковъ, отецъ убитаго Симбирскаго Коменданта, видѣлъ его тутъ и описалъ свое свиданіе. Рычковъ спросилъ его, какъ могъ онъ отважиться на такія великія злодѣянія? — Пугачевъ отвѣчалъ: *виноватъ предъ Богомъ и Государыней, но буду стараться заслужить всѣ мои вины.* Говоря о своемъ сынѣ, Рычковъ не могъ удержаться отъ слезъ; Пугачевъ, глядя на него, самъ заплакалъ.

Наконецъ Пугачева отправили въ Москву, гдѣ участь его должна была рѣшиться ¹⁰⁵. Его везли въ зимней кибиткѣ, на переменныхъ обывательскихъ лошадяхъ: Гвардіи Капитанъ Галаховъ и Капитанъ Повало-Швейковскій, нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ бывший въ плѣну у самозванца,

сопровождали его. Онъ былъ въ оковахъ. Солдаты кормили его изъ своихъ рукъ; и говорили дѣтямъ, которыя тѣснились около его кляткы: помните, дѣти, что вы видѣли Пугачева. Старые люди еще рассказываютъ о его смѣлыхъ отвѣтахъ на вопросы проѣзжихъ господъ. Во всю дорогу онъ былъ веселъ и спокоенъ. Въ Москвѣ встрѣченъ онъ былъ многочисленнымъ народомъ, недавно ожидавшимъ его съ нетерпѣніемъ и едва усмирленнымъ поимкою грознаго злодѣя. Онъ былъ посаженъ на Монетный Дворъ, гдѣ съ утра до ночи, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, любопытные могли видѣть его прикованнаго къ стѣнѣ, и еще страшнаго въ самомъ безсиліи. Рассказываютъ, что многія женщины падали въ обморокъ отъ его огненнаго взора и грознаго голоса. Передъ судомъ онъ оказалъ неожиданную слабость духа ¹⁰⁶. Принуждены были постепенно приготовить его къ услышанію смертнаго приговора. Пугачевъ и Перфильевъ приговорены были къ четвертованію; Чика, къ отсѣченію головы; Шигаевъ, Падуровъ и Торновъ, къ висѣлицѣ; осьмнадцать человекъ къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ на каторжную работу.—Казнь Пугачева и его сообщниковъ совершилась въ Москвѣ, 10 Января 1775 года. Съ утра безчисленное множество народа столпилось на Болотѣ, гдѣ воздвигнуть былъ высокій намостъ. На немъ сидѣли

палачи и пили вино, въ ожиданіи жертвъ. Около намоста стояли три висѣлицы. Кругомъ выстроены были пѣхотные полки. Офицеры были въ шубахъ, по причинѣ жестокаго мороза. Кровли домовъ и лавокъ усыяны были людьми; низкая площадь и ближнія улицы заставлены каретами и колясками. Вдругъ все заколебалось и зашумѣло; закричали: везуть, везуть! Вслѣдъ за отрядомъ кирасиръ ѣхали сани, съ высокимъ амвономъ. На немъ, съ открытою головою, сидѣлъ Пугачевъ, насупротивъ его духовникъ. Тутъ же находился чиновникъ Тайной Экспедиціи. Пугачевъ, пока его везли, кланялся на обѣ стороны. За санями слѣдовала еще конница и шла толпа прочихъ осужденныхъ. Очевидецъ (въ то время едва вышедшій изъ отрочества, нынѣ старецъ, увѣнчанный славою Поэта и государственнаго мужа) описываетъ слѣдующимъ образомъ кровавое позорище:

«Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ препровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ, раздалось повелительное слово: *на караулъ*, и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ. Почти каждое слово до меня доходило.

«При произнесеніи чтецомъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился,

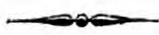
Оберъ - Полицеймейстеръ спрашивалъ его громко: ты ли Донской казакъ, Емелька Пугачевъ? Онъ столь же громко отвѣтствовалъ: такъ, государь, я Донской казакъ, Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ. Потомъ, во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на соборъ, часто крестился, между тѣмъ, какъ сподвижникъ его, Перфильевъ, немалого роста, сутулый, рябой и свирѣповидный, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю. По прочтеніи манифеста, духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ, послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ, сдѣлавъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратился къ соборамъ, потомъ съ уторопленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимся голосомъ: *прости, народъ православный; отпусти, въ чужь я согрубилъ предъ тобою . . . прости, народъ православный!* При семъ словѣ Экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣвать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ; стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтаныя. Тогда онъ, сплеснулъ руками, повалился навзничь, и вмгъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ ¹⁰⁷.

Палачъ имѣлъ тайное повелѣніе сократить мученія преступниковъ. У трупа отрѣзали руки и

ноги, палачи разнесли ихъ по четыремъ угламъ эшафота, голову показали уже потомъ и воткнули на высокой коль. Перфильевъ, перекрестясь, простерся ницъ и остался недвижимъ. Палачи его подняли, и казнили такъ же, какъ и Пугачева. Между тѣмъ Шигаевъ, Падуровъ и Торновъ уже висѣли въ послѣднихъ содроганіяхъ. . . Въ сіе время зазвенѣлъ колокольчикъ; Чику повезли въ Уфу, гдѣ казнь его должна была совершиться. Тогда начались торговья казни; народъ разошелся; осталась малая кучка лыбопытныхъ около столба, къ которому, одинъ послѣ другаго, привязывались преступники, присужденные къ кнуту. Отрубленные члены четвертованныхъ мятежниковъ были разнесены по Московскимъ заставамъ, и, нѣсколько дней послѣ, сожжены вмѣстѣ съ тѣлами. Палачи развѣяли пепель. Помилванные мятежники были, на другой день казней, приведены предъ Грановитую Палату. Имъ объявили прощеніе, и при всемъ народѣ сняли съ нихъ оковы¹⁰⁸.

Такъ кончился мятежъ, начатый горстію непослушныхъ казаковъ, усилившейся по непростительному нерадѣнію начальства, и поколебавшей государство отъ Сибири до Москвы, и отъ Кубани до Муромскихъ лѣсовъ. Совершенное спокойствіе долго еще не водворялось. Панинъ и Суворовъ цѣлый годъ оставались въ усмиранныхъ

губерніяхъ, утверждая въ нихъ ослабленное правленіе, возобновляя города и крѣпости, и искореняя послѣднія отрасли пресѣченнаго бунта. Въ концѣ 1775 года, обнародовано было общее прощеніе, и повелѣно все дѣло предать вѣчному забвенію. Екатерина, желая истребить воспоминаніе объ ужасной эпохѣ, уничтожила древнее названіе рѣки, коей берега были первыми свидѣтелями возмущенія. Лицкіе казаки переименованы были въ Уральскіе, а городокъ ихъ назвался симъ же именемъ. Но слѣды страшнаго бунтовщика сохранились еще въ краяхъ, гдѣ онъ свирѣпствовалъ. Народъ живо еще помнитъ кровавую пору, которую, такъ выразительно, прозвалъ онъ ПУГАЧЕВЩИНОЮ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Нѣкоторые изъ ученыхъ Яицкихъ казаковъ почитаютъ себя потомками Стрѣльцовъ. Мнѣніе сіе не безъ основанія, какъ увидимъ ниже. Самыя удовлетворительныя изслѣдованія о первоначальномъ поселеніи Яицкихъ казаковъ находимъ мы въ *Историческомъ и Статистическомъ Обзорѣи Уральскихъ казаковъ*, сочиненіи А. И. Левшина, отличающемся, какъ и прочія произведенія автора, истинною ученостію и здравой критикою.

«Время и образъ казачьей жизни (говоритъ авторъ) лишили насъ точныхъ и несомнѣнныхъ свѣдѣній о происхожденіи Уральскихъ казаковъ. Всѣ историческія объ нихъ извѣстія, теперь существующія, основаны только на преданіяхъ, довольно позднихъ, несомнѣнно опредѣлительныхъ и никакъ критически неразобранныхъ.

«Древнѣйшее, впрочемъ самое краткое, описаніе сихъ преданій находимъ въ доношеніи Станичнаго Атамана Яикскаго, Федора Рукавишникова, Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, 1720 года ¹.

1. Сіе доношеніе, въ копіи мною найденное въ дѣлахъ Архива Оренбургской Пограничной Коммисіи, есть то самое, о которомъ говоритъ Рычковъ въ своей *Топографіи*; но онъ Рукавишникова называетъ Крашениниковымъ. Нѣкоторые, достойные вѣроятія, жители Уральскіе сказывали мнѣ, что Атаманъ сей носилъ обѣ фамиліи. Л.

«Дополненіемъ и продолженіемъ онаго служатъ:
 1) Донесеніе Оренбургскаго Губернагора Пейлюева Военной Коллегіи, отъ 22 Ноября 1738 года¹.
 2) Оренбургская Исторія Рычкова. 3) Его же Оренбургская Топографія. 4) Довольно любопытный рукописный журналъ бывшаго Войсковаго Атамана Янкскаго Ивана Акутина². 5) Нѣкоторые новѣйшіе акты, хранящіеся въ Архивахъ Уральской Войсковой Канцеляріи и Оренбургской Пограничной Коммисіи.

«Вотъ лучшіе и почти единственные источники для исторіи Уральскихъ казаковъ.

«То, что писали объ нихъ иностранцы, не можетъ быть сюда причислено; ибо большая часть таковыхъ сочиненій основана на догадкахъ, ничѣмъ не доказанныхъ, часто противорѣчащихъ истинѣ и нелѣпыхъ. Такъ напримѣръ, сочинитель примѣчаній на Родословную Исторію Татаръ Абулгази-Балдуръ-Хаца утверждаетъ, что казаки Уральскіе произошли отъ древнихъ Кипчаковъ; что они пришли въ подданство Россіи вслѣдъ за покореніемъ Астрахани; что они имѣютъ особый смѣшанный языкъ, которымъ говорятъ со всѣми соседними Татарами; что они могутъ выставить 30,000 вооруженныхъ воиновъ; что городъ Уральскъ стоитъ въ 40 верстахъ отъ устья Урала, текущаго въ Каспійское море и пр.,³. Всѣ сіи нелѣпости, которыя не заслуживаютъ опроверженія для Русскихъ, приняты однако жъ въ прочихъ частяхъ Европы за справедливыя. Знаменитый Пуффендорфъ и Дегинъ внесли ихъ, къ сожалѣнію, въ свои сочиненія⁴.

1. Отпускъ сего донесенія нашель я также въ Архивѣ Оренбургской Пограничной Коммисіи. *Л.*

2. За списокъ съ сего журнала, равно какъ и за другія свидѣнія, на которыхъ основана часть сего описанія, обязанъ я благодарностію нѣкоторымъ чиновникамъ Уральского войска. *Л.*

3. Родословной Исторіи о Татарахъ, часть 2-я, глава 2-я, также часть 9, глава 9. *Л.*

4. Histoire des Huns et des Tat. liv. 19., chap. 2. *Л.*

«Возвращаясь къ вышеупомянутымъ пяти источникамъ нашимъ и сравнивая ихъ между собою, во всѣхъ видимъ ту главную истину, что Яикскіе или Уральскіе ¹ казаки произошли отъ Донскихъ; но о времени поселенія ихъ на занимаемыхъ теперь мѣстахъ не находимъ положительнаго и единогласнаго извѣстія.

«Рукавишниковъ, писавшій, какъ сказали мы, въ 1720 году, полагалъ, что предки его пришли на Яикъ, *можетъ быть, назадъ около двухъ сотъ лѣтъ*, т. е. въ первой половинѣ XVI столѣтія.

«Неплюевъ повторяетъ слова Рукавишникова.

«Рычковъ, въ Оренбургской Исторіи, пишетъ: *начало сего Яикскаго войска, по извѣстіямъ отъ Яикскихъ Старшинъ, произошло около 1584 года* ². Въ Топографіи же, сочиненной послѣ Исторіи, онъ говоритъ, что первое поселеніе казаковъ на Яикъ случилось въ XIV столѣтіи ³.

«Сіе послѣднее извѣстіе основано имъ на преданіи, полученномъ въ 1748 году отъ Яикскаго Войсковаго Атамана, Ильи Меркурьева, котораго отецъ, Григорій, былъ также Войсковымъ Атаманомъ, жилъ сто лѣтъ, умеръ въ 1741 году, и слышалъ въ молодости отъ столѣтней же бабки своей, что она, будучи лѣтъ двадцати отроду, знала очень старую Татарку, по имени *Гуениху*, рассказывавшую ей слѣдующее: «Во время Тамерлана одинъ Донской казакъ, по имени Василій Гугна, съ 30 человекъ товарищей изъ казаковъ же и однимъ Татаринномъ, удалился съ Дона для грабежей на востокъ, сдѣлалъ лодки, пустился на оныхъ въ Каспійское море, дошелъ до устья Урала, и найдя окрестности онаго необитаемыми, поселился въ нихъ. По прошествіи

1. Далѣе увидимъ, когда рѣка Яикъ получила названіе Урала. *Л.*

2. Извѣстія объ Уральскомъ войскѣ, помѣщенные въ Оренбургской Исторіи Рычкова, собраны имъ, по собственнымъ словамъ его, въ 1744 году; а тѣ, которыя помѣстилъ онъ въ Топографіи своей, получены имъ въ 1748 году. *Л.*

3. См. Сочиненія и переводы ежемѣсячные 1762 года, мѣсяць Августъ. *Л.*

нѣсколькихъ лѣтъ, шайка сія напала на скрывшихся близъ ея жилища въ лѣсахъ трехъ братьевъ Татаръ, изъ которыхъ младшій былъ женатъ на ней Гугнихъ (повѣствовательницѣ), и которые отдѣлились отъ Золотой Орды, также разсѣявшейся, потому что Тамерланъ, возвращаясь изъ Россіи, намѣревался напасть на оную. Трехъ братьевъ сихъ казаки побили, а ее Гугниху взяли въ плѣнъ, и подарилъ своему Атаману.» Далѣе, послѣ нѣсколькихъ пустыхъ подробностей, также повѣствовательница рассказывала — «что мужъ ея въ дѣтствѣ слыхалъ о Россійскомъ городѣ Астрахани; что съ казаками, ее плѣнившими, при ней соединилось много Татаръ Золотой Орды и Русскихъ, что они убивали дѣтей своихъ и пр.»

«Продолженіе ея рассказовъ сходно съ тѣмъ, что мы будемъ описывать за истинное; но изложенное сейчасъ начало, не взирая на извѣстную ученость, полезныя труды и обширныя свѣденія Рычкова о Средней Азій и Оренбургскомъ краѣ, хронологически невозможно, и противно многимъ несомнѣннымъ историческимъ извѣстіямъ. Поеліку же сія повѣсть принята за единственный и правдоподобнѣйшій источникъ для исторіи Уральскихъ казаковъ, и поеліку она неоднократно повторена въ новѣйшихъ Русскихъ и иностранныхъ сочиненіяхъ¹, то мы обязанностию почитаемъ войти въ нѣкоторыя, даже скучныя, подробности, для опроверженія оной.

«1. Если Атаманъ Григорій Меркурьевъ, жившій около ста лѣтъ, умеръ въ 1741 году: то онъ родился въ 1641, или близъ того времени. Столѣтняя бабка его, рассказывавшая ему такую подробную и важную для всякаго казака исторію, и слѣдовательно умершая не прежде, какъ когда ему было лѣтъ 15, то есть, около 1656 года, должна была родиться въ 1556 году, или хотя въ 1550; Гугниху же узнала

1. Напр., въ хозяйственномъ описаніи Астраханской губерніи 1809 года; въ 29 книжкѣ Сына Отечества на 1821 годъ, и пр. Л.

она на 20 году своего возраста, т. е., около 1570 года. Положивъ теперь, что Гугнихъ было тогда лѣтъ 90, выйдетъ, что она родилась въ 1480 году, или, короче сказать, въ концѣ XV столѣтія. Какъ же она могла помнить такія происшествія, которые были въ XIV столѣтіи, т. е. почти за сто лѣтъ до ея рожденія: ибо Тамерланъ приходилъ въ Россію въ 1395 году? ¹.

«2. Мужъ Гугнихи *въ малыхъ лѣтахъ слышалъ отъ стариковъ, что отъ рѣки Яика не очень далеко есть Россійскіе города Астрахань и другіе* ². Известно, что Астрахань взята въ 1554 году ³; и такъ не должно ли здѣсь предполагать, что сама Гугниха и мужъ ея жили въ XVI столѣтіи? Таковое предположеніе ближе къ истинѣ, и, какъ увидимъ сейчасъ, согласно съ прочими извѣстіями о началѣ Уральскихъ казаковъ.

«3. И Гугниха, и Рукавишниковъ, и Рычковъ въ Исторіи Оренбургской, и преданія, мною самимъ слышанныя въ Уральскѣ и Гурьевѣ, единогласно говорятъ, что Уральскіе казаки происходятъ отъ Донскихъ. Но во времена Тамерлана, Донскіе казаки еще не существовали, и Исторія нигдѣ намъ не говоритъ объ нихъ прежде XVI столѣтія. Даже если принять, что они составляютъ одинъ и тотъ же народъ съ Азовскими казаками, то и о сихъ послѣднихъ, какъ пишетъ Г. Карамзинъ ⁴, лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ уже въ 1499 году, т. е. сличкомъ чрезъ сто лѣтъ послѣ нашествія Тамерлана.

«4. Въ XIV столѣтіи Россія еще не свергла ига Татарскаго; границы ея тогда были отдалены отъ Каспійскаго моря болѣе, нежели на тысячу верстъ, и обширная степь, отъ Дона чрезъ Волгу до Яика простирающаяся, была покрыта племенами Монголо-

1. Исторія Россійская, Г. Карамзина, томъ 5, стр. 144. *Л.*

2. Подлинныя слова Рычкова, въ той же 2 главѣ Топографіи. *Л.*

3. Той же Исторіи Г. Карамзина, томъ 8, стр. 222. *Л.*

4. См. Истор. Рос. Государства, томъ 6, примѣч. 495. *Л.*

Татарскими. Какъ же могла горсть буйныхъ казаковъ не только пробраться чрезъ такое большое разстояніе и чрезъ тысячи непріятелей, но даже поселиться между ними, и грабить ихъ? Миллеръ, извѣстный своими изысканіями и свѣдѣніями въ исторіи нашей, говоритъ¹: *пока Татары южными Россійскаго Государства странами владѣли, о Россійскихъ казакахъ ничего не слышно было.*

«Показавъ несправедливость повѣсти, помѣщенной Рычковымъ въ Оренбургской Топографіи, примемъ первый его объ Уральскомъ казачьемъ войскѣ извѣстія, напечатанныя въ Оренбургской Исторіи; дополнимъ оныя свѣдѣніями, заключающимися въ помянутыхъ доношеніяхъ Рукавишникова и Щеплюева, и преданіями, мною самимъ собранными на Уралѣ; сообразимъ ихъ съ сочиненіями знаменитѣйшихъ писателей, и предложимъ читателямъ слѣдующее историческое обозрѣніе Уральскихъ казаковъ.»

2. О Гугнихъ смотри подробное баснословіе Рычкова, въ его Оренбургской Исторіи.
3. Грамота сія не сохранилась. Старые казаки говорили Рычкову, что она сгорѣла во время бывшаго пожара. «Не только сія Грамота, говоритъ Г. Левшинъ, безъ которой не лзя точно опредѣлить начала подданства Уральскихъ казаковъ Россіи, но и многія другія, данныя имъ Царями Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, Алексѣемъ Михайловичемъ и Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, сгорѣли. Древнѣйшій и единственный актъ, найденный Щеплюевымъ въ Яицкой Избѣ, была Грамота Царей Петра и Іоанна Алексѣевичей, 1684 года, гдѣ упоминается о прежнихъ службахъ войска со временъ Михаила.»

Съ 1655, то есть съ первой службы Уральскихъ казаковъ противъ Поляковъ, до 1681 года нѣтъ извѣстій о походахъ ихъ. Въ 1681 и 1682 годахъ, служили триста казаковъ подъ Чигириномъ. Въ 1683, послано было изъ нихъ 500 человекъ къ Мензелин-

1. Въ статьѣ о началѣ и происхожденіи казаковъ. Сочин. и перев. 1760 года. Л.

ску, для усмиренія бунтовавшихъ Башкирцевъ, за что, сверхъ жалованья деньгами и сукномъ, повелѣно было снабжать ихъ артиллерійскими снарядами ¹. Со времянь Петра Великаго, они были употребляемы въ большой части главныхъ военныхъ дѣйствій Россіи, какъ то: въ 1696, подъ Азовомъ; въ 1701, 1703, 1704, 1707 противъ Шведовъ; въ 1708 году, 1225 казаковъ были опять посланы для усмиренія Башкирцевъ; въ 1711 году, 1500 человекъ на Кубань; въ 1717 году 1500 казаковъ пошли съ Княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ въ Хиву; и такъ далѣе (Г. Левшинъ.)

4. Г. Левшинъ справедливо замѣчаетъ, что Царскіе Стрѣльцы вѣроятно помогали Яицкимъ казакамъ принять участіе въ возмущеніи Разина. Какъ бы то ни было, нынѣшніе Уральскіе казаки не терпятъ имени его, и слова *Разина порода* почитаются у нихъ за жесточайшую брань.
5. Въ тѣ жь времена изъ казаковъ Яицкаго войска нѣкто, по прозванію Нечай, собравъ себѣ въ компанію 500 человекъ, взялъ намѣреніе итти въ Хиву, уповавъ быть тамъ великому богатству, и получить себѣ знатную добычу. Съ оными отправился онъ по Яику рѣкѣ вверхъ, и будучи у горъ, называемыхъ нынѣ *Дьяковыми*, отъ нынѣшняго городка вверхъ Яика 30 верстъ, остановился, и по казачьему обыкновенію, учинилъ совѣтъ, или кругъ, для разсужденія о томъ своемъ предпріятіи, и чтобъ избрать человека, для показанія прямаго и удобнѣйшаго туда тракту. Когда въ кругу учиненъ былъ о томъ докладъ, тогда дьякъ его, или писарь, выступя, сталъ представлять, коль отважно и не сходно оное ихъ предпріятіе, изъясняя, что путь будетъ степной не знакомой, провіанта съ ними не довольно, да и самихъ ихъ на такое великое дѣло малоллюдно. Помннутый Нечай отъ сего дьякова представленія такъ много разсердился, и въ такую запальчивость пришелъ, что,

1. Доложеніе Неплюева и Журналь Акутина.

не выходя изъ того круга, приказалъ его повѣсить: почему онъ тогда жъ и повѣшенъ, а оныя горы прозваны, и понынѣ именуется *Дьяковыми*.

Отправясь онъ Нечай въ путь свой съ тѣми казаками, до Хивы способно дошелъ, и поступя подъ нее въ такое время, когда Хивинской Ханъ со всѣмъ своимъ войскомъ былъ на войнѣ въ другихъ тамошнихъ сторонахъ, а въ городѣ Хивѣ, кромѣ малыхъ и престарѣлыхъ, никого почти не было, безъ всякаго труда и препятствія городомъ и всѣмъ тамошнимъ богатствомъ завладѣлъ, а Ханскихъ женъ въ полонъ побралъ, изъ которыхъ одну онъ Нечай самъ себѣ взялъ, и при себѣ ее содержалъ. По таковомъ счастливомъ завладѣніи, онъ Нечай и бывшіе съ нимъ казаки нѣсколько времени жили въ Хивѣ во всякихъ забавахъ, и объ опасности весьма мало думали; но та ханская жена, знатно полюбя его Нечая, совѣтовала ему: ежели онъ хочетъ животъ свой спасти, то бѣ онъ со всѣми своими людьми заблаговременно изъ города убирался, дабы Ханъ съ войскомъ своимъ тутъ его не засталъ; и хотя онъ Нечай той ханской жены наконецъ и послушалъ, однако не весьма скоро изъ Хивы выступилъ, и въ пути, будучи отягощенъ многою и богатою добычею, скоро слѣдовать не могъ; а Ханъ, вскорѣ потомъ возвратясь изъ своего походу, и видя, что городъ его Хива разграбленъ, ни мало не мѣшкая, со всѣмъ своимъ войскомъ въ погоню за нимъ Печаемъ отправился, и чрезъ три дня его настигъ на рѣкѣ, именуемой *Сырѣ - Дарѣя*, гдѣ казаки чрезъ горловину ея переправились, и началъ на нихъ съ такимъ устремленіемъ, что Нечай съ казаками своими хотя и храбро оборонялся, и многихъ Хивинцевъ побилъ, но напоследокъ со всѣми имѣвшимися при немъ людьми побить, кромѣ трехъ или четырехъ человекъ, кои, ушедъ отъ того побоища, въ войско Яицкое возвратились, и о его гибели рассказали. Въ ономъ Войсковыхъ Атамановъ объявленіи показано и сіе, яко бы Хивинцы

съ того времени оную горловину, которая изъ Аральскаго моря въ Каспійское впала, на устьѣ ея отъ Каспійскаго моря завалили, въ такомъ разсужденіи, дабы въ предбудущія времена изъ моря въ море судами ходу не было; но я послѣднее сіе обстоятельство, за неимѣніемъ достовѣрнѣйшихъ извѣстій, не утверждаю, а представляю оное такъ, какъ мнѣ отъ помянутыхъ Войсковыхъ Атамановъ сказано.

Нѣсколько лѣтъ послѣ того, Яицкіе казаки селеніемъ своимъ перешли къ устью рѣки *Чагана*, на то третіе мѣсто, гдѣ нынѣ Яицкой казачій городъ находится. Утвердившись же тутъ селеніемъ, и еще въ людствѣ гораздо умножась, одинъ изъ нихъ, по прозванію *Шамай*, прибравъ себѣ въ товарищество человекъ до 300, взялъ такое жъ намѣреніе, какъ и Печай, а именно, чтобъ еще опытъ учинить походомъ на Хиву, для наживы тамошними богатствами. И такъ, согласясь, пошли вверхъ по Яику до Исека рѣки, по которой вверхъ нѣсколько дней отошедъ, зазимовали, а весною далѣе отправились. Будучи около рѣки Сырь-Дарьи, на степи усмотрѣли двухъ Калмыцкихъ ребятъ, которые ходили для звѣроловства, и разрывали ямы звѣринныя; ибо тогда около оной рѣки Сырь-Дарьи кочевали еще Калмыки. Захвата сихъ Калмыцкихъ ребятъ, употребляли они ихъ на той степи за вожей, ради показанія дорогъ. И хотя Калмыки оныхъ своихъ ребятъ у нихъ казаковъ къ себѣ требовали, но они имъ въ томъ отказали. За сіе Калмыки, озлобясь, употребили противу ихъ такое лукавство, что собравшись многлюдно, скрылись въ потайное низменное мѣсто, а впередъ себя послали на высокое мѣсто двухъ Калмыкъ, и приказали, усмотря Яицкихъ казаковъ, рыть землю, и бросая оную вверхъ, дѣлать такой видъ, яко бы они роютъ звѣринныя жъ ямы. Передовые казаки, увидѣвши ихъ, подумали, что то еще Калмыцкіе гудебники роютъ ямы, и сказали о томъ Шамѣ, своему Атаману, и потому всѣ изъ обозу поскакали за ними. Калмыки

отъ казаковъ во всю силу побѣжали на тѣ мѣста, гдѣ было скрытное Калмыцкое войско, и такъ ихъ навели на Калмыкъ, которые всѣ вдругъ на нихъ казаковъ ударили, и помянутаго Атамана съ нѣсколькими казаками захвата, удержали у себя одного Атамана, для сего токмо, дабы тѣмъ удержаніемъ прежде захваченныхъ ими Калмыкъ высвободить; ибо прочихъ отпуста, требовали оныхъ своихъ Калмычатъ къ себѣ обратно; но Наказной Атаманъ отвѣтствовалъ, что у нихъ Атамановъ много, а безъ вожей имъ пробыть нельзя, и съ тѣмъ далѣе въ путь свой отправились; токмо на то мѣсто, гдѣ прежде съ Атаманомъ Нечаемъ казаки чрезъ горловину Сыръ-Дарьи переправлялись, не потрафили, но прошибшись выше, угодили къ Аральскому морю, гдѣ у нихъ провіанта не стало. Къ тому жъ наступило зимнее время; чего ради принуждены они были на томъ Аральскомъ морѣ зимовать, и въ такой великой гладѣ пришли, что другъ друга умерщвляя ѣли, а другіе съ голоду помирали. Оставшіе жъ посылали къ Хивинцамъ съ прошеніемъ, чтобъ ихъ къ себѣ взяли и спасли бы ихъ тѣмъ отъ смерти; почему пріѣхавъ къ нимъ Хивинцы, всѣхъ ихъ къ себѣ забрали. И такъ всѣ оныя Яицкіе казаки 300 человекъ тамъ пропали. Означенный же Атаманъ Шамай, спустя нѣсколько лѣтъ, Калмыками привезенъ и отданъ въ Яицкое войско. (*Топографія Оренбургская.*)

6. Смотри статью Г-на С. *О внутреннемъ состояніи Донскихъ казаковъ въ концѣ XVI столѣтія*, напечатанную въ *Соревнователь Просвѣщенія* 1824 года. Вотъ что пишетъ Г. Левшинъ о казацкихъ кругахъ: «Коль скоро, бывало, получится какой нибудь указъ, или случится какое-нибудь общее войсковое дѣло; то на колокольнѣ соборной церкви бьютъ *сполохъ*, или повѣстку, дабы всѣ казаки сходились на сборное мѣсто къ Войсковой Избѣ, или Приказу (что нынѣ Канцелярія Войсковая), гдѣ ожидаетъ ихъ Войсковой Атаманъ. Когда соберется — од

вольно много народа, то Атаманъ выходитъ къ оному изъ Избы на крыльцо, съ серебряною позолоченною булавою; за нимъ съ жезлами въ рукахъ Есаулы, которые тотчасъ идутъ въ средину собранія, кладутъ жезлы и шапки на землю, читаютъ молитву, и кланяются сперва Атаману, а потомъ на всѣ стороны окружающимъ ихъ казакамъ. Послѣ того берутъ они жезлы и шапки опять въ руки, подходятъ къ Атаману, принимая отъ него приказанія, возвращаются къ народу, и громко привѣтствуютъ оный сими словами: *Помогите, Атаманы молодцы и все великое войско Яицкое!* А наконецъ объявивъ дѣло, для котораго созвано собраніе, вопрошаютъ: *Любо-ль, Атаманы молодцы!* Тогда со всѣхъ сторонъ или кричатъ: *любо*, или поднимаются ропотъ и крики *не-любо*. Въ послѣднемъ случаѣ Атаманъ самъ начиналъ увѣщевать несогласныхъ, объясняя дѣло и исчисляя пользы онаго. Если казаки были имъ довольны, то убѣжденія его часто дѣйствовали; въ противномъ случаѣ никто не внималъ ему, и воля народа исполнялась. (*Историк. и Статист. Обзорніе Уральскихъ казаковъ.*)

7. Уральское казачье войско также, какъ и всѣ казаки, не платятъ государству податей; но оно несетъ службу и обязано во всякое время по первому требованію выставлять на свой счетъ определенное число одѣтыхъ и вооруженныхъ конныхъ воиновъ; а въ случаѣ нужды, всѣ, считающіеся на службѣ, должны выступить въ походъ. Теперь служащихъ казаковъ въ Уральскомъ войскѣ 12 полковъ. Изъ нихъ одинъ въ Илецкой и одинъ въ Самарской станицахъ. Сія оба полка, какъ не участвующіе въ богатыхъ рыбныхъ промыслахъ Уральскихъ, не участвуютъ и въ нарядѣ казаковъ въ армію, но отправляютъ только линейную службу, т. е. оберегаютъ границу отъ Киргизовъ. Остальные 10 полковъ, считающіеся на службѣ, но дѣйствительно не служащіе, выставляютъ на свой счетъ полки въ армію, и стражу на линію, по всему пространству земель своихъ до Каспійскаго моря. Какъ

первая, такъ и вторая служба, несутся не по очереди, но по найму, за деньги. При первомъ повелѣніи Правительства о нарядѣ одного или нѣсколькихъ полковъ, дѣлается раскладка: на сколько человекъ, считающихся въ службѣ, приходится поставить одного вооруженнаго, и потомъ каждый таковой участокъ общими силами нанимаетъ одного казака съ тѣмъ, чтобы онъ самъ себя и обмундировалъ и вооружилъ. Плата ему простирается рублей до 1000, до 1500 и болѣе; а за 10-мѣсячный походъ въ Бухарію, для сопровожденія бывшей тамъ миссіи нашей, по неизвѣстности земель, платили по 2000 и даже до 3000 руб. каждому казаку. Тотъ, который въ случаѣ раскладки не можетъ за себя заплатить, самъ нанимается въ походъ. Иные нанявшись, сдаютъ свою обязанность другимъ, иногда съ барышемъ для себя.—Плата тѣмъ, кои нанимаются въ линейную стражу, самая малая: потому что они, имѣя въ форпостахъ и крѣпостяхъ свои собственные дома, скотоводство, мѣну и все имущество, невольно идутъ оберегать границу, хотя впрочемъ необходимость сія лишаетъ ихъ права участвовать въ общихъ рыбныхъ промыслахъ.

Обыкновеніе служить по найму, съ одной стороны по-видимому несправедливое, потому, что богатый всегда отъ службы избавленъ, а бѣдный всегда несетъ ее, съ другой стороны полезно: ибо — 1-е, теперь всякой казакъ, выступающій въ походъ, имѣетъ возможность хорошо одѣться и вооружиться; 2-е, онъ, оставляя семейство свое, можетъ удѣлить оному довольно денегъ на содержаніе во время своей отлучки; 3-е, человекъ занимающійся промысломъ какимъ-нибудь, или работою, полезенъ для него и для другихъ, не принужденъ бросать занятій своихъ и невольно идти на службу, которую бы отправлялъ очень несправно. Отставные казаки уже ни въ какихъ службахъ не участвуютъ; а потому и на рыбныя ловли безъ платы ѣздить не могутъ.—(Историч. и Статист. Обзорніе Уральскихъ казаковъ).

Выписываемъ изъ той же книги живое и любопытное изображеніе рыбной ловли на Уралѣ.

«Теперь обратимъ вниманіе на рыболовство Уральскаго войска, и рассмотримъ оное подробнѣе, какъ потому, что оно составляетъ главнѣйшій и почти единственный источникъ богатства здѣшнихъ жителей, такъ и потому, что различные образы производства онаго очень любопытны. Прежде же всего замѣтимъ, что противъ города Уральска ежегодно послѣ весеняго половодья дѣлаютъ изъ толстыхъ бревенъ чрезъ Уралъ загороду или рѣшетку, называемую *учугъ*, который останавливаетъ и не пускаетъ далѣе въ верхъ рыбу, идущую изъ моря ¹.

«Главнѣйшія рыбныя ловли, изъ которыхъ ни одной нельзя начать прежде дня, опредѣляемаго Войсковою Канцелярією, суть:

«1-я, Багренья, раздѣляющееся на *малое* и *большое*. Первое начинается около 20 или 18 числа Декабря, и не продолжается долѣе 25-го; второе начинаютъ около 6 Января, и оканчиваютъ въ томъ же мѣсяцѣ. Багрять рыбу только отъ Уральска верстъ на 200 внизъ; далѣе не продолжаютъ, потому, что тамъ производится осенняя ловля.

«Образъ багренья таковъ: въ назначенный день и часъ является на Уралѣ Атаманъ багренья (всякой разъ назначаемый Канцелярією изъ Штабъ-Офицеровъ), и всѣ имѣющіе право багрить казаки, всякой въ маленькихъ одиночныхъ санкахъ въ одну лошадь, съ пешнею, лопатою и нѣсколькими баграми, конхъ желѣзныя острія лежатъ на гужахъ хомута у оглобли, а деревянныя составныя шесты, длиною въ 3, 4, иногда въ 12 сажень, тащатся по снѣгу. Прибывъ на сборное мѣсто, становятся впереди Атаманъ и около его нѣсколько конныхъ казаковъ, для соблюденія порядка; а за нимъ рядами всѣ выѣхавшіе багрить. Число снхъ

1. По словамъ стариковъ, прежде такъ бывало много въ Уралѣ рыбы, что отъ напору оной *учугъ* ломался, и се прогоняли назадъ пушечными выстрѣлами въ берега.

послѣднихъ простирается всегда до нѣсколькихъ тысячъ; ежели кто изъ нихъ осмѣлится поскакать съ мѣста одинъ, то передовые блюстители порядка рубятъ у него багры и збрую.

«Строгая и справедливая мѣра сія невольпо удерживаетъ на мѣстѣ казаковъ, изъ конхъ почти у каждаго на лицѣ написано нетерпѣливое желаніе скорѣе пуститься впередъ. Этого мало: даже у лошадей ихъ, приученныхъ къ сему промыслу, въ глазахъ видно нетерпѣніе скакать. Атаманъ, на котораго всѣ взоры устремлены, ходя около саней своихъ, и приближаясь къ нимъ какъ будто для того, чтобъ садиться, и опять отходя, не разъ заставляетъ ихъ ошибаться въ сигналъ; наконецъ онъ дѣйствительно бросается въ санки, даетъ знакъ, пускаетъ во всю прыть лошадь свою, и за нимъ скачетъ все собравшееся войско. Тутъ уже нѣтъ никакого порядка и никому пощады. Всякой старается опередить другаго, и горе тому, кто по несчастію выпадитъ изъ саней. Если онъ не будетъ раздавленъ, чему примѣровъ мало помнать, то легко можетъ быть изуродованъ.

«Прискакавъ къ назначенному для ловли мѣсту¹, всѣ сани останавливаются; всякой выскакиваетъ изъ нихъ съ наивозможною поспѣшностію, пробиваетъ во льду небольшой прорубъ, и тотчасъ опускаетъ въ него багоръ свой. Картина, представляющаяся въ сію минуту для зрителей съ береговъ Урала, оборотительна! Скорость, съ каковою всѣ казаки другъ друга обгоняютъ; всеобщее движеніе, въ которое все приходитъ тотчасъ по приѣздѣ на мѣсто ловли, и въ нѣсколько минутъ возрастающій на льду дѣсъ багровъ, поражаютъ глаза необыкновеннымъ образомъ. Лишь только багры опущены, рыба, встревоженная шумомъ скачущихъ лошадей, поднимется съ мѣста, суетится и напирается на багры, опускаемые такъ, чтобы они

1. Мѣста сіи называются здѣсь *стопы*, и замѣчаются осенью по множеству рыбы, которая расположившись въ нихъ зимовать, при восхожденіи и заходѣнн солнечномъ на поверхности воды показывается.

на нѣсколько вершковъ не доходили до дна. Въ изобильномъ мѣстѣ, иногда еще не пройдетъ четверти часа отъ начала багренья, какъ уже вездѣ на льду видны трепещущіе осетры, бѣлуги, севрюги и пр. Если рыба, попавшаяся на багоръ, столь велика, что одинъ не можетъ ее вытащить, то онъ тотчасъ проситъ помощи, и товарищи его или сосѣды *подбагриваютъ* ему. На каждый день багренья назначается рубель, далѣе котораго никто не долженъ ѣхать.

«Послѣ малаго багренья ежегодно отправляютъ отъ лица войска нѣкоторое количество наилучшей икры и рыбы ко Двору. Приношеніе сіе, какъ знакъ вѣрно-подданства, издавна существующее, называется *презентомъ*, или первымъ кусомъ. Для ловли таковаго презента обыкновенно назначается лучшее мѣсто или *етова*; и если въ оной набагрять мало, то не достающее количество рыбы покупаютъ на сумму Войсковой Канцеляріи. Если же во время багренья для Двора, поймаютъ рыбы болѣе, нежели нужно, то остальную запрещается нѣсколько времени продавать, дабы ее не привезли въ Петербургъ прежде посланной отъ Войска. Офицеры, съ презентомъ отправляемые, получаютъ денежные награды отъ Двора на путевыя издержки, на ковшъ и саблю.

«2-я рыбная ловля, есть *весенняя плавня* или *севрюжное* рыболовство, такъ называемое потому, что въ сіе время попадаютъ почти только однѣ севрюги. Начинается она въ Апрѣль, тотчасъ по вскрытіи льда подъ Уральскомъ, и продолжается около двухъ мѣсяцевъ по всему пространству Урала до моря. Для нее, такъ какъ и для всѣхъ прочихъ промысловъ, назначается день, избирается Атаманъ, и дается ему пушка, по выстрѣлу изъ которой всѣ собравшіеся на промыселъ казаки пускаются съ мѣста въ маленькихъ бударяхъ, не помѣщающихъ въ себѣ болѣе одного человека, и каждый начинаетъ выкидывать опредѣленной длины сѣть свою. Употребляемая въ сіе время сѣти

состоятъ изъ двухъ полотень, одного рѣдкаго, а другаго частаго, дабы между ними запутывалась рыба, которая весною обыкновенно подымается изъ моря вверхъ по Уралу. Одинъ конецъ таковой сѣти привязанъ къ плавающему по водѣ боченку или куску дерева; а другой держитъ казакъ за двѣ веревки. Для привала назначается рубежъ, и противъ него на берегу ставка Атаманская, близъ которой всѣ должны оканчивать ловлю. Окончаніе возвѣщается вечеромъ опять пушечнымъ выстрѣломъ. Осетровъ и бѣлугъ, кои въ сіе время попадаются, по положенію, должно бросать назадъ въ воду; ибо, во-первыхъ, они тогда еще малы, во-вторыхъ, слишкомъ дешевы. Преступающихъ сіе положеніе наказываютъ, и отнимаютъ у нихъ всю наловленную рыбу.

«3-я *Осенняя плавня*, начинающаяся 1 Октября, оканчивается въ Ноябрь; имѣетъ то отличіе отъ весенней, что, во-первыхъ, въ оной употребляются сѣти совсѣмъ другаго рода, т. е. сплетенныя на подобіе мѣшка, которымъ рыбу какъ бы черпаютъ¹; во-вторыхъ, при каждой изъ сѣтей сихъ, *ярыгами* называемыхъ, находятся два человѣка въ двухъ бударкахъ по обѣимъ сторонамъ. Начинаютъ осенній промыселъ также, какъ и прочіе, подѣ начальствомъ особаго Атамана, изъ назначеннаго рубежа. Дабы одинъ большою сѣтью или ярыгою не захватилъ болѣе пространства и слѣдовательно болѣе рыбы, нежели другой, у коего сѣть меньше, то опредѣлена однажды навсегда длина всѣхъ сѣтей. Когда на одномъ мѣстѣ выловятъ всю рыбу, то опять собираются туда, гдѣ Атаманъ, и ѣдутъ далѣе до слѣдующаго рубежа, или, говоря языкомъ казаковъ, дѣлаютъ другой *ударъ*.

«Осенняя плавня производится только съ того мѣста, гдѣ оканчивается багренье, т. е. верстахъ въ 200 отъ Уральска и до моря².

1. Это потому, что рыба въ сіе время избрала мѣсто на зимовку.

2. Каждый казакъ имѣетъ при себѣ ловѣ у себя работника. За полутора или дву-мѣсячные труды долженъ онъ ему заплатить отъ 70 до 100 рублей.

«4-я, неводами; начинаютъ ловить зимою, также по назначенію Канцеляріи; но не собраніемъ, а по одиначкѣ, кто гдѣ желаетъ. Неводъ пропускается подъ льдомъ на шесть, который направляютъ, куда хотятъ, посредствомъ прорубовъ.

«5-я, рыболовство *аханное* или *аханами*, т. е. особаго рода сѣтями; производится около половины Декабря и только въ морѣ, т. е. недалеко отъ Гурьева. Въ день, назначенный для начала сего промысла, начальникъ онаго раздаетъ всѣмъ желающимъ и имѣющимъ право ловить, участки по жребію. Участки всѣ равны, т. е. каждому казаку отводится равное пространство на определенное число ахановъ, определенной же мѣры. Чиновники получаютъ по чинамъ своимъ по два, по три и болѣе участковъ.

«Аханъ, опущенный въ море подъ ледъ, вѣшается въ перпендикулярномъ къ поверхности положеніи, и придерживается на обоихъ краяхъ и на среднѣ тремя веревками или петлями, для конхъ дѣлаются три проруба, и въ кони вѣвдаютъ палки или шестики, на льду надъ прорубами лежащіе.

«Установленные такимъ образомъ аханы требуютъ только того, чтобъ промышленникъ отъ времени до времени подходилъ къ нимъ, за средину подымалъ каждый изъ средняго проруба, или, какъ здѣсь говорятъ, *наслушивалъ*, и если по тяжести почувствуетъ, что въ немъ уже запуталась какая-нибудь рыба, то вытаскивалъ бы его, снималъ добычу и потомъ опять по прежнему устанавливалъ. Сей способъ ловли чрезвычайно выгоденъ для тѣхъ, которые занимаются онымъ; но, не допуская рыбы вверхъ Урала, онъ дѣлаетъ подрывъ багренымъ промышленникамъ.

«6-я, *Курхайской* ловъ бываетъ обыкновенно весною и только въ морѣ, или, лучше сказать, на взморѣ. Онъ производится посредствомъ сѣтей, которыя въ перпендикулярномъ къ поверхности воды

положеніи привязываются на концахъ и срединѣ къ тремъ шестамъ, вбитымъ въ дно морское. Рыбу, идущую изъ моря и запутывающуюся въ сѣти сѣти, снимаютъ въ лодки, на коняхъ развѣзжаетъ промышленникъ около своихъ снастей.

«7-я, ловъ крючками, навѣшенными на веревку, которая также тремя петлями удерживаема бываетъ подъ льдомъ, менѣе всѣхъ сказанныхъ значителенъ.

«О ловѣ удочками и пр., по маловажности, нечего и говорить.

Съ нынѣшняго 1821 года, по дозволенію высшаго начальства, въ первый разъ начали казаки рыбную ловлю въ Чалкажскомъ озерѣ, или по здѣшнему, морцѣ, за 80 верстъ отъ Уральска въ Киргизской степи находящемся.

Рыбы, попадающіяся въ Уралѣ въ наибольшемъ количествѣ, суть: осетръ, бѣлуга, шипъ, севрюга, бѣлая рыбица, судакъ, лещъ, щука, бершъ, сазанъ, сомъ, головли. Осетры ловятся иногда пудовъ въ 7, 8 и даже до 9. Бѣлуги пудовъ въ 20, 30, а рѣдко и въ 40; первые чѣмъ больше, тѣмъ лучше и дороже; вторые чѣмъ больше, тѣмъ хуже и дешевле. Но вообще вся рыба теперь стала мельче прежняго, отъ уменьшенія водъ въ морѣ и Уралѣ. Цѣны икрѣ и рыбѣ въ багренѣе не имѣютъ сравненія съ цѣнами въ весенній ловъ; въ продолженіе сего послѣдняго онѣ вчетверо ниже: ибо время года не позволяетъ сберегать рыбу иначе, какъ посоливъ ее.

Соль казаки Уральскіе получаютъ или изъ Индерскаго и Грязнаго соленыхъ озеръ, находящихся недалеко отъ границы въ степи Киргизской, или изъ озеръ, по берегамъ Эмбы лежащихъ. Есть также и около Узеней небольшія соленія озера.

8. Самымъ достовѣрнымъ и безпристрастнымъ извѣстіемъ о побѣгѣ Калмыковъ обязаны мы отцу Іакинѣу, коего глубокія познанія и добросовѣстные труды разлили столь яркій свѣтъ на сношенія наши съ Востокомъ. Съ благодарностію помѣщаемъ здѣсь

сообщенный имъ отрывокъ изъ не издавшой еще его книги о Калмыкахъ:

Нѣтъ сомнѣній въ томъ, что *Убаши* и *Сэрынъ* предприняли возвратиться на родину по предварительному сношенію съ Алтайскими своими единоплеменниками, исполненными ненависти къ Китаю. Они, вѣроятно, думали и то, что сія держава, по покореніи Чжунгаріи, вызвала оттуда свои войска обратно; а въ Или и Тарбагтаѣ оставила слабые гарнизоны, которые соединенными силами легко будетъ вытѣснить; въ переходъ же чрезъ земли Киргизъ-Казакѡвъ тѣмъ менѣе предполагали опасности, что сіи хищники, отважные предъ купеческими караванами, всегда трепетали при одномъ взглядѣ на Калмыцкое вооруженіе. Однимъ словомъ, Калмыки въ мысляхъ своихъ представляли, что сей путь будетъ для нихъ, какъ прежде всегда было, пріятною прогулкою отъ песчаныхъ равнинъ Волги и Урала до горпстыхъ вершинъ Иртыша. Но случилось совсѣмъ противное: ибо встрѣтились такія обстоятельства, которыя были внѣ всѣхъ предположеній.

Чжунгарское Ойратство на востокъ, нѣкогда страшное для Сѣверной Азіи, уже не существовало; и *Волжскіе Калмыки*, долго бывшіе подъ Россійскимъ владѣніемъ, по выходѣ за границу, считались бѣглецами, конхъ Россійское Правительство, преслѣдуя оружіемъ своимъ, предписало и Киргизъ-Казакамъ на каждомъ, такъ сказать, шагѣ останавливать ихъ вооруженною рукою. Китайское пограничное начальство, по первому слуху о походѣ *Торготовъ* на Востокъ, приняло съ своей стороны всѣ мѣры осторожности¹, и также предписало Казакамъ и Къргызцамъ не допускать ихъ проходить пастбищны-

1. Китай содержитъ въ *Чжунгаріи* охранныхъ войскъ не болѣе 35,000: которыя растянуты по тремъ дорогамъ отъ Кашгара до Халми, отъ Или до Баркюля и отъ Чугучака до Улясутая на пространствѣ не менѣе 7000 верствъ почему пограничное Китайское начальство въ Чжунгаріи не могло спокойно смотрѣть на приближеніе Волжскихъ Калмыковъ.

ми мѣстами; въ случаѣ же ихъ упорства отражать силу силою. Могъ ли хотя одинъ Кѣргызецъ и Казакъ остаться равнодушнымъ при столь неождаанномъ для нихъ случаѣ безнаказанно грабить?

Россійскіе отряды, назначенные для преслѣдованій бѣглецовъ, по разнымъ причинамъ, зависѣвшимъ болѣе отъ времени и мѣстности, не могли догнать ихъ. Бывшіе Яицкіе казаки въ сіе самое время начали уже волноваться и отказались отъ повиновенія. Оренбургскіе казаки хотя выступили въ походъ и въ половинѣ Февраля соединились съ Нурали, Ханомъ Меньшой Казачьей Орды, но, за недостаткомъ подножнаго корма, вскорѣ принуждены были возвратиться на границу. Послѣ обыкновенныхъ переписокъ, требовавшихъ довольно времени, уже 12 Апрѣля выступилъ изъ Орской крѣпости отрядъ регулярныхъ войскъ и успѣлъ соединиться съ Ханомъ Нурали; но Калмыки между тѣмъ, подавшись болѣе на югъ, столько удалились, что сей отрядъ могъ только нѣсколько времени, и то издали, тревожить тылъ ихъ; а около Улу-тага, когда и солдаты и лошади отъ голода и жажды не въ состояніи были идти далѣе, начальникъ отряда Траубенбергъ принужденъ былъ повернуть на сѣверъ, и чрезъ Уйскую крѣпость возвратиться на Линію ¹.

Но Киргизъ-Казакъ, не смотря на то, вооружились съ величайшею ревностію. Ихъ Ханы: Нурали въ Меньшой, Аблай въ Средней и Эрали въ Большой Ордѣ, одинъ за другимъ нападали на Калмыковъ со всѣхъ сторонъ; и сіи бѣглецы цѣлый годъ должны были на пути своемъ безпрерывно сражаться, защищая свои семейства отъ плѣна и стада отъ расхищенія. Весною слѣдующаго (1772) года Кѣргызцы (Буруты) довершили несчастіе Калмыковъ, загнавъ въ обширную песчаную степь по сѣверную сторону озера Балхати, гдѣ голодъ и жажда погубили у нихъ множество и людей и скота.

1. См. Опис. Кирг-Кайс. Орды и степей Г. Левшина, Ч. II. стран. 256.

По перенесеніи невозвѣрныхъ трудностей, по претерпѣннн безчисленныхъ бѣдствій, наконецъ Калмыки приблизились къ вождельнымъ предѣламъ древней ихъ отчизны: но здѣсь новое несчастье представилось очамъ ихъ. Пограничная цѣпь Китайскихъ карауловъ грозно преградила имъ входъ въ прежнее отечество, и Калмыки не иначе могли проникнуть въ оное, какъ съ потерей своей независимости. Крайнее изнеможеніе народа принудило Убаши съ прочими Князьями поддаться Китайской Державѣ безусловно. Онъ вышелъ изъ Россіи съ 33,000 кибитокъ, въ коихъ считалось около 169,000 душъ обоого пола. При вступленіи въ Или, изъ помянутаго числа осталось не болѣе 70,000 душъ¹. Калмыки въ теченіе одного года потеряли 100,000 человекъ, кои пали жертвою меча или болѣзней, и остались въ пустыняхъ Азіи въ пищу звѣрямъ, или уведены въ плѣнъ, и распроданы по отдаленнымъ странамъ въ рабство.

Китайскій Императоръ предписалъ принять сихъ несчастныхъ странниковъ и новыхъ своихъ подданныхъ съ примѣрнымъ человеколюбіемъ. Немедленно доставлено было Калмыкамъ вспоможеніе юртами, скотомъ, одеждою и хлѣбомъ. Когда же размѣстили ихъ по кочевьямъ, тогда для обзаведенія еще было выдано имъ:

Лошадей, рогатаго скота и овецъ	1,125,000 гол.
Кирпичнаго чаю.....	20,000 мѣс. ²
Пшеницы и проса.....	20,000 чет.
Овчинъ.....	51,000
Бязей ³	51,000

1. Такъ показалъ Китайскому Правительству Убаши съ прочими Князьями. Въ книжкѣ: *Си-юй-Винь-цзянъ-лу* число бѣжавшихъ изъ Россіи Калмыковъ увеличено. Ошибка сія произошла отъ того, что сочинитель помянутой книжки писалъ свои записки по сказаніямъ простыхъ Калмыковъ. См. Опис. Чжунъ г. и В. Туркист., стр. 186 и сл.

2. Мѣсто или ящикъ содержитъ въ себѣ 36 кирпичей или плитокъ чаю, изъ коихъ каждая вѣситъ около 3 $\frac{1}{2}$ ф.

3. *Бязь* въ Туркистанѣ называется бѣлая бумажная ткань, которая бѣлетъ не одинакой мѣры.

Хлопчатой бумаги.....	1,500 пудъ.
Юргъ.....	400
Серебра около.....	400 пудъ.

Осенью того же года, *Убаши* и Князя *Цебокъ-Дорци*, *Сэрынь*, *Гунгэ*, *Момыньту*, *Шара-Кэукынь* и *Цилэ-Муниръ* препровождены были къ Китайскому Двору, находившемуся въ *Йехэ*. Сип Князя, кромѣ *Сэрына*, были ближайшіе родственники Хана *Убаши*, потомки *Чикдоръ-Чжаба*, старшаго сына Хана *Аюки*. Одинъ только *Цебокъ-Дорци* былъ правнукъ *Гунгэ-жаба*, младшаго сына Хана *Аюки*. *Убаши* получилъ титулъ Чжорикту Хана; а прочимъ Князьямъ, въ томъ числѣ остававшимся въ Или, даны разные другіе Княжескіе титулы. Сип владѣльцы при отъѣздѣ изъ *Йехэ* осыпаны были наградами; по возвращеніи же ихъ въ Или, три дивизіи изъ *Торготовъ* размѣщены въ *Тарбагатаѣ*, или въ *Хурь-хара-усу*, *Убаши* съ четырьмя дивизіями *Торготовъ* и *Гунгэ* съ *Хошотами* поселены въ *Харашарѣ* по берегамъ Большаго и Малаго *Юлдуса* ¹, гдѣ часть людей ихъ обязана заниматься хлѣбопашествомъ подъ надзоромъ Китайскихъ чиновниковъ ². Калмыки, ушедшіе въ Китайскую сторону, раздѣлены на 13 дивизій.

Россійское Правительство отнеслось къ Китайскимъ Министрамъ, чтобъ по силѣ заключеннаго между Россією и Китаемъ договора, обратно выдали бѣжавшихъ съ Волги Калмыковъ; но получило въ отвѣтъ, что Китайскій Дворъ не можетъ удовлетворить оной просьбы по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ и Россійскій Дворъ отказалъ въ выдачѣ *Сэрына*, ушедшаго изъ *Чжунгаріи* на Волгу, для спасенія себя отъ преслѣдованія законовъ.

Впрочемъ Волжскіе Калмыки, по видимому, вскорѣ и сами раскаялись въ своемъ опрометчивомъ предпріятіи. Въ 1791 году, получены съ Китайской сто-

1. Въ Вост. Туркистанѣ отъ Или на юговостокъ.

2. Возвращеніе *Торготовъ* изъ Россіи въ *Чжунгарію* описано въ *Синьцзинь-тши-лао*: начальн. тетради на лист. 51—56.

роны разныя извѣстія, что Калмыки намѣреваются возвратиться изъ Китайскихъ владѣній, и по прежнему отдаться въ Россійское подданство. Въ слѣдствіе оныхъ извѣстій уже предписано было Сибирскому начальству дать имъ убѣжище въ Россіи и поселить ихъ на первый случай въ Колыванской губерніи ¹.

Но, кажется, что Калмыки, бывъ окружены Китайскими караулами и лазутчиками, и раздѣлены между собою значительнымъ пространствомъ, не имѣли ни какой возможности къ исполненію своего намѣренія.

9. Полевая команда состояла изъ 500 человекъ пѣхоты, конницы и артиллерійскихъ служителей. Въ 1775 году, онѣ замѣнены были губернскими баталіонами.
10. Уметь, постоянный дворъ.
11. Пугачевъ, на хуторѣ Шелудякова, косилъ сѣно. Въ Уральскѣ жива еще старая казачка, носившая черевки его работы. Однажды, нанявшись копать гряды въ огородѣ, вырылъ онъ четыре могилы. Сіе обстоятельство истолковано было послѣ, какъ предзнаменованіе его участи.
12. Малыковскихъ управительскихъ дѣлъ земскій Трофимъ Герасимовъ, и Мечетной слободы смотритель Ѳедоръ Ѳаддеевъ, и Сотникъ Сергѣй Протопоповъ, въ бытность его въ Мечетной слободѣ письменно объявили: Мечетной слободы крестьянинъ Семень Филипповъ былъ въ Яицкѣ за покупкою хлѣба, а ѣхалъ оттуда съ раскольникомъ Емельяномъ Ивановымъ. Сей въ городкѣ Яицкѣ подговаривалъ казаковъ бѣжать на *рыку Лобу*, къ Турецкому Султану, обѣщая по 12 рублей жалованья на человека, объявляя, что у него на границѣ оставлено до 200 тысячъ рублей, да товару на 70 тыс., а по приходѣ ихъ Паша де дастъ имъ до 5 милліоновъ. Нѣкоторые казаки хотѣли было его связать и отвести въ Комендантскую Канцелярію, но онъ-де скрылся, и находится вѣроятно въ селѣ Малыковкѣ.

1. См. Полн. Собр. Росс. Зак. Т. XXIII, № 16,937.

Въ слѣдствіе сего, вышедшій изъ-за Польской границы съ даннымъ съ Добрянскаго форпосту пашпортомъ для опредѣленія на жительство по рѣкѣ Иргизу раскольникъ Емельянъ Ивановъ, былъ найденъ и приведенъ ко управительскимъ дѣламъ выборнымъ Митрофаномъ Фѣдоровымъ, и Филаретова раскольничьяго скита инокомъ Филаретомъ и крестьяниномъ Мечетной слободы Степаномъ Васильевымъ съ товарищи, — оказался *подозрителемъ, битъ кнутомъ*; а въ допросѣ показалъ: что онъ Зимовейской служилый казакъ Емельянъ Ивановъ Пугачевъ, отъ роду 40 лѣтъ; съ той станицы бѣжалъ Великимъ постомъ сего 72 года въ слободу Ветку за границу, жилъ тамъ недѣль 15, явился на Добрянскомъ форпостѣ, гдѣ сказался вышедшимъ изъ Польши; и въ Августѣ мѣсяцѣ, выйдѣвъ тутъ 6 недѣль къ карантинѣ, пришелъ въ Яицкъ и стоялъ съ недѣлю у казака Дениса Степана Пьянова. А все-де говорилъ онъ пьяный, а объ подданствѣ Султану, и встрѣчѣ Пашею и 5 мил. не говорилъ, — а имѣлъ-де онъ намѣреніе въ *Сибирскую Провинціальную* Канцелярію явиться, для опредѣленія къ жительству на рѣкѣ Иргизѣ. По резолюціи Дворцовыхъ дѣлъ былъ онъ отправленъ подъ карауломъ съ мужиками Малыковскими, а сообщено сіе въ Коменд. Канцелярію, учрежденную въ городѣ Яицкѣ 19 Декабря 1772 (*Промеморія отъ Дворцовыхъ Малыковскихъ дѣлъ въ Комендантскую Канцелярію, учрежденную въ городѣ Яицкѣ, Декабря 18, 1772 года, поданная смотрителемъ Иваномъ Разторгуевымъ.*)

Крестьянинъ Семень Филиновъ содержался подъ карауломъ до самаго 1775 года. По окончаніи слѣдствія надъ Пугачевымъ и его сообщниками, вѣрно было его освободить, и сверхъ того о награжденіи его Филинова, яко доносителя въ Мамыковкѣ о начальномъ прельщеніи злодѣя Пугачева, представить на разсмотрѣніе Правительствующему Сенату. (*См. сентенцію 10 Января 1775 года.*)

13. «Оному Пугачеву, за побѣгъ его за границу въ Польшу и за утайку по выходѣ его оттуда въ Россію о своемъ названіи, а тѣмъ больше за говореніе возмутительныхъ и вредныхъ словъ, касающихся до побѣга всѣхъ Яицкихъ казаковъ въ Турецкую область, учинить наказаніе плетью и послать, такъ какъ бродягу и привыкшаго къ праздной и продерзкой жизни, въ городъ Пелымъ, гдѣ употреблять его въ казенную работу. 6 Мая 1773.» (*Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова.*)
14. Форпость Будоринскій въ 79 верстахъ отъ Яицкаго городка.
15. Илецкій городокъ въ 145 верстахъ отъ Яицкаго городка и въ 124 отъ Оренбурга. Въ немъ находилось до 500 казаковъ. Илецкіе казаки были тутъ поселены Статскимъ Совѣтникомъ Кириловымъ, образователемъ Оренбургской губерніи.
16. Крѣпость Разсыпная, выстроенная при томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно перебирались Киргизцы вбродъ черезъ Яикъ. Она находится въ 25 верстахъ отъ Илецкаго городка, а въ 101 отъ Оренбурга.
17. Въ 1773 году, Оренбургская губернія раздѣлялась на четыре провинціи: Оренбургскую, Исетскую, Уфимскую и Ставропольскую. Къ первой принадлежали дистриктъ (уѣздъ) Оренбургскій и Яицкой городокъ со всѣми форпостами и станицами, до самаго Гурьева, также и Бугульминская Земская Контора. Исеткая провинція заключала въ себѣ Зауральскую Башкирію, и уѣзды Исетской, Шадринскій и Окуневскій; Уфимская провинція — уѣзды Осинскій, Вирскій и Мензелинскій. Ставропольскую провинцію составлялъ одинъ обширный уѣздъ. Сверхъ сего, Оренбургская губернія раздѣлялась еще на восемь *линейныхъ дистанцій* (рядъ крѣпостей, выстроенныхъ по рѣкамъ Волгѣ, Самарѣ, Яику, Сакмарѣ и Ую); сіи дистанціи находились подъ вѣдомствомъ военныхъ начальниковъ, пользовавшихся правами Провинціальныхъ Воеводъ (*См. Бишинга и Рыкова*).

- 18 Ставропольская Канцелярія въдала дѣла крещенныхъ Калмыковъ, поселенныхъ въ Оренбургской губерніи.
19. Нижне - Озерная находится въ 19 верстахъ отъ Разсыпной и въ 82 отъ Оренбурга. Она выстроена на высококомъ берегу Яика — Память Капитана Сурина сохранилась въ солдатской пѣснѣ:

Изъ крѣпости изъ Зерной,
 На подмогу Разсыпной,
 Вышелъ Капитанъ Суринъ
 Со командою одинъ, и проч.

20. Незвѣстный авторъ краткой исторической записки: *Histoire de la revolte de Pougatschef*, рассказываетъ смерть Харлова слѣдующимъ образомъ:

Le major Charlof avoit epousé depuis quelques semaines, la fille du Colonel Ielagin, jeune personne très aimable. Il avoit été dangereusement blessé en défendant la place et on l'avoit rapporté chez lui. Lorsque la forteresse fut prise, Pougatschef envoya chez lui, le fit arracher de son lit et ammener devant lui. La jeune épouse au desespoir, le suivit, se jeta aux pieds du vainqueur, et lui demanda la grace de son mari. Je vais le faire pendre en ta présence, répondit le barbare. A ces mots, la jeune femme verse un torrent de larmes, embrassa de nouveau les pieds de Pougatschef et implore sa pitié; tout fut inutile et Charlof fut pendu à l'instant même, en présence de son épouse. A peine eut-il expiré que les cosaques se saisirent de la femme et la forcèrent d'assouvir la passion brutale de Pougatschef. Авторъ находитъ тутъ невѣроятности и пускается въ разсужденія. — Les peuples les plus barbares respectent les mœurs jusqu'à un certain point, et Pougatschef avoit trop de bon sens pour commettre devant ses soldats etc. Болтовня; но вообще вся записка замѣчательна, и вѣроятно, составлена дипломатическимъ агентомъ, находившимся въ то время въ Петербургѣ.

21. Крѣпость Татищева при устьѣ рѣки Камышъ-Самары, основана Кпріловымъ, образователемъ Оренбургской губерніи, и названа отъ него Камышъ-Са-

- марю. Татищевъ, заступившій мѣсто Кирилова, назвалъ ее своимъ именемъ: *Татищева пристань*. Находится въ 28 верстахъ отъ Нижне-Озерной и въ 54 (прямой дорогою) отъ Оренбурга.
22. Чернорѣченская въ 36 верстахъ отъ Татищевой и въ 18 отъ Оренбурга.
23. Сакмарской городъ, основанный при рѣкѣ Сакмарѣ, находится въ 29 в. отъ Оренбурга. Въ немъ было до 300 казаковъ.
24. Показаніе крестьянина Алексѣя Киридова, отъ 6 Октября 1773 года. (*Изъ Оренбургскаго Архива*.)
25. Повѣшены два курьера, ѣхавшіе въ Оренбургъ, одинъ изъ Сибири, другой изъ Уфы, гарнизонный капраль, толмачъ — Татаринъ, старый садовникъ. нѣкогда бывшій въ Петербургѣ и знавшій Государя Петра III, да прикащикъ съ рудниковъ Твердышевскихъ
26. См. Приложенія, I.
27. Журналъ осады, веденный въ Губернаторской Канцеляріи, помѣщенъ въ любопытной рукописи Академика Рычкова. Читатель найдетъ ее въ Приложеніи. Я имѣлъ въ рукахъ три списка, доставленные мнѣ Гг. Спасскимъ, Языковымъ и Лажечниковымъ.
28. Билловъ выступилъ изъ Оренбурга 24 Сентября. Въ этотъ день Губернаторъ давалъ у себя балъ. Вѣсть о Пугачевѣ разошлась на балъ.
29. Сержантъ сей назывался Ивацъ Костицынъ. Участъ его неизвѣстна. Его допрашивалъ Подполковникъ В. Могутовъ.
30. См. Приложенія, III.
31. Въ донесеніи Малыковской Земской Конторы сказано о Пугачевѣ: *оказался подозрителенъ, битъ кнутомъ*. См. выше примѣчаніе 12.
32. Падуровъ, въ послѣдствіи времени повѣщенный, писалъ Мартемьяну Бородину увѣщевая его покориться Пугачеву: «А нынѣ вы называете его (самозванца) «Донскимъ казакомъ Емельяномъ Пугачевымъ и яко «бы у него поздри рванья и клейменной. А по усмотрѣнію моему, у него тѣхъ признаковъ не имѣется.»

33. По совѣту одного изъ чиновниковъ (говорить Рычковъ).
34. Мѣновой Дворъ, на которомъ съ Азіятскими народами, чрезъ все лѣто до самой осени, торгъ и мѣна производятся, построенъ на степной сторонѣ рѣки Янка, въ виду изъ города, разстояніемъ отъ берега версты съ двѣ; ближе строить его было невозможно, потому что прилегло все мѣсто низменное и водопоемное. Въ немъ находится пограничная Таможня; лавокъ вокругъ всего двора 246, да амбаровъ 140. Внутри же построенъ дворъ для Азіятскихъ купцовъ съ 98 лавками и 8 амбарами. Въ 1762 году полавочныхъ денегъ взималось 4,854 рубля. Мѣновый дворъ укрѣпленъ баттареями. (*Топографія Оренбургской губерніи.*)
35. Der kädzlichste Zustand des Orenburgischen Gouvernements ist weit critischer als ich Ihn beschreiben kann, eine reguläre feindliche Armee von zehntausend Mann, würde mich nicht in Schrecken setzen, allein ein Verräther mit 3000 ¹ Rebellen macht ganz Orenburg zittern — — — Meine aus 1200 Mann bestehende Garnison ist noch das einzige Comando worauf ich mich verlasse; durch die Gnade des Hchsten, haben wir 12 Espions aufgefungen, etc. (*Письмо Рейнсдорна къ Гр. Чернышеву, отъ 9 Октября 1773.*)
36. Бердская казакья слобода, при рѣкѣ Сакмарѣ. Она обнесена была оплотомъ и рогатками. По угламъ были баттарен. Дворовъ въ ней было до двухъ-сотъ жалованныхъ казаковъ считалось до ста. Они имѣли своего Атамана и особыхъ старшинъ.
37. Въ городѣ убито 7 человекъ, въ томъ числѣ одна баба, шедшая за водой.
38. Въ другой разъ Пугачевъ, пьяный, лежа въ кибиткѣ, во время бури сбился съ дороги и въѣхалъ въ Оренбургскія ворота. Часовые его окликали. Казакъ Федулевъ, правившій лошадьми, молча поворотилъ и успѣлъ ускакать. Федулевъ, недавно умершій, былъ одинъ изъ казаковъ, предавшихъ самозванца въ руки Правительства.

1. Рейнсдорпъ въ семь числѣ не считаетъ Башкирцевъ.

39. Слышано мною отъ самаго Дмитрія Денисовича Пьянова, донинѣ здравствующаго въ Уральскѣ.
40. Кажется, Пугачевъ и его сообщники не полагали важности въ этой пародіи. Они въ шутку называли также Бердскую слободу—Москвою, деревню Каргале—Петербургомъ, а Сакмарской городокъ—Кіевомъ.
41. Такъ Пишетъ Каръ въ письмѣ къ Графу Чернышеву, отъ 11 Ноября 1773.
42. Овзяно-Петровскій заводъ принадлежалъ купцу Твердышеву, человѣку предприимчивому и смысленному. Твердышевъ нажилъ свое огромное имѣніе въ теченіе семи лѣтъ. Потомки его наследниковъ суть донинѣ одни изъ богатѣйшихъ людей въ Россіи.
43. Деревня Юзеева во 120 верстахъ отъ Оренбурга.
44. То есть, Депутатъ въ Комиссіи Составленія Новаго Уложенія. Депутатовъ было 652 человѣка. Имъ розданы были, для пошенія въ петлицѣ, на золотой цѣпочкѣ, золотыя овалыныя медали, съ изображеніемъ на одной сторонѣ вензелеваго Е. И. В. имени, а на другой пирамиды, увѣнчанной Императорскою короною съ надписью: *Блаженство каждаго и вѣкъ*; а внизу: *1766 годъ, Декабря 14 день*.
45. Изъ сего Калмыцкаго Полковника сдѣлали Капитана Калмыкова.
46. При семъ сраженіи пойманъ былъ одинъ изъ первыхъ зачинщиковъ бунта, Данила Шелудяковъ. Старый наѣздникъ принялъ Оренбургскихъ казаковъ за своихъ, и подсказалъ къ нимъ съ повелѣніями. Казакъ схватилъ его за воротъ; Пугачевъ, дѣкогда жившій у него въ работникахъ, любилъ его и звалъ своимъ отцемъ. На другой день, не нашедъ его между убитыми, многіе подъѣзжали къ городу и требовали его выдачи. Дня черезъ два, передъ свѣтомъ, три человѣка подъѣхали къ городскому валу и требовали опять Шелудякова. Имъ отвѣчали: приведите къ намъ и сына его (Пугачева), и обѣщали за то 500 рублей награжденія. Они отвѣхали молча. Шелудяковъ былъ пытанъ, и умеръ дней черезъ пять.

47. См. въ Приложеніяхъ указъ Военной Коллегіи, объ увольненіи Генераль-Маіора Кара отъ службы.
48. У Декалонга со Станиславскимъ было до 5,000 войска. Но всѣ они были растянуты на великомъ пространствѣ отъ крѣпости Верхояицкой до Орской. Декалонгъ ихъ не сосредоточилъ, боясь оставить лишнія крѣпости безъ обороны.
49. Орская крѣпость на степной сторонѣ рѣки Яика, въ двухъ верстахъ отъ рѣки Ори, выстроена въ 1735 году подъ названіемъ Оренбурга. Она имѣла изрядныя земляныя укрѣпленія. Въ ней всегда находился Командиръ Орской дистанціи и двойное число гарнизона, по причинѣ близъ-кочующихъ ордъ.
50. Корфъ, послѣ сраженія 14 Ноября, подсылалъ къ Пугачеву казака съ предложеніями о сдачѣ Оренбурга, и съ обѣщаніемъ выдти къ нему на-встрѣчу. Пугачевъ осторожно подъѣзжалъ къ Оренбургу, и усомнясь въ искренности предложеній, скоро возвратился въ Берду.
51. Рейнсдорпъ, потерявъ надежду побѣдить Пугачева силою оружія, пустился въ полемику не весьма приличную. Въ отвѣтъ на дерзкія увѣщанія самозванца, онъ послалъ ему письмо съ слѣдующею надписью: *Пресущему злодѣю и отъ Бога отступившему челоуѣку, сатанину внуку; Емелькѣ Пугачеву.* Секретари Пугачева не остались въ долгу. Помѣщаемъ здѣсь письмо Падурова, какъ образецъ канцелярскаго его слога. «Оренбургскому Губернатору, сатанину внуку, дьявольскому сыну. Прескверное ваше увѣщаніе здѣсь получено, за что васъ, яко всесквернаго общему покою ненавистника, благодаримъ. Да и сколько ты себя, по дѣйству сатанину, ни ухищрялъ, однако власть Божію не перемудринь. Въдай, мошенникъ: извѣстно (да и по всему, тебѣ, бестіи, знать должно), сколько ты ни пробовалъ своего всесквернаго счастья, однако счастье ваше сѣлужить единому твоему отцу, сатанѣ. Разумѣй, бестія, хотя ты по дѣйству сатанину во многихъ мѣ-

стахъ капканы и разставилъ, однако ваши труды остаются вотще, а на тебя здѣсь хотя веревочныхъ не станеть петель, а мы у Мордвина, хоть гривну дадимъ, мочальныхъ (возьмемъ), да на тебя веревку свить можемъ; не сумѣвайся мошенникъ, изъ б. . . сдѣланъ. Нашъ всемилостивѣйшій Монархъ, аки орелъ поднебесный, во всѣхъ арміяхъ на одинъ день бываетъ, а съ нами вегда присутствуетъ. Да и - бѣ мы вамъ совѣтовали, остави свое невѣріе, придти къ нашему чадолюбивому отцу и всемилостивѣйшему Монарху; егда придешь въ покореніе, сколько твоихъ озлобленій ни было, не только во всѣхъ *извиненіяхъ* всемилостивѣйше прощаетъ, да и сверхъ того васъ прежняго достоинства не лишитъ; а здѣсь не бѣзвѣстно, что вы и мертвечину въ честь кушаете, и тако объяви вамъ сіе, да и пребудемъ по склонности вашей ко услугамъ готовы. Февраля 23 дня 1774 года.»

52. Я не имѣлъ случая читать эту рѣчь. Помѣщаемъ письмо, сочиненное также Державинымъ по тому же поводу.

«Всеавгустѣйшая Государыня, Премудрая и Побѣдимая Императрица!

«Дражайшее намъ и потомкамъ нашимъ неоцѣненное слово, сей пріятный и для позднѣйшаго рода Казанскаго Дворянства оуміамъ, сей гласъ радости, вѣчной славы нашей и вѣчнаго нашего веселія, въ Высочайшемъ Вашемъ Императорскомъ Величествѣ къ намъ благоволеніи слыша, кто бы не получилъ изъ насъ восторга въ душу свою, чье бы не возыграло сердце о толчкомъ благополучіи своемъ? Облиста насъ въ скорби нашей и печали свѣтъ милосердія Твоего! А потому, если бы кто теперь изъ насъ не радовался, тотъ бы по истинѣ еще худо изъявилъ усердіе свое отечеству и Вашему Императорскому Величеству, даишемъ нѣкоторой части имѣнія своего на составленіе корпуса нашего. И бысть угодна наша жертва предъ Тобою; се счастье наше, се восхищеніе душъ нашихъ!

«Но Всемилостивѣйшая Государыня, Ваше Императорское Величество обыкнуть соизволили взирать на малые знаки усердія, какъ на великіе; изливая окрестъ престола щедроты благоутробія Своего, изливаете оныя и въ страны отдаленныя; осіявая лучами милости Своея всѣхъ купно, и всѣхъ вездѣ своимъ челоуѣколюбіемъ милуете; а потому конечно и послѣднее даяніе долга нашего, собственно самимъ же вамъ нужное, Ваше Императорское Величество толь милостиво и благоугодно отъ насъ пріять соизволили.

«Сей есть прямо образъ мыслей благородныхъ, Ваше Императорское Величество въ честь намъ сказать изволили. Что жъ мы изъ сего Высочайшаго намъ признанія заключить должны? Не сущее ли одно токмо матернее побужденіе къ исполненію долга нашего? не милосердіе ли одно? За то мы похвалу получаемъ, что истинное дѣло наше! но кромѣ особенныя, и заслугу превышающія почести, хвалится ли за то священнослужитель, что онъ всенародно Бога молить? Кромѣ неописанныя Вашего Императорскаго Величества къ намъ милости, достойны ли и дворяне за то похвалы особенной, что они хотѣтъ защищать свое отечество? Они суть щитъ его, они подпора Престола Царскаго. Пепель предковъ нашихъ вопіетъ къ намъ и зоветъ на пораженіе самозванца. Гласъ потомства уже укоряетъ насъ, что въ вѣкъ Преславной, Великой Екатерины, могло возникнуть зло сіе; кровь братій нашихъ, еще дымящаяся, устремляетъ насъ на истребленіе злодѣя. Чтожъ мы медлили? Чего давно недоставало намъ, дабы совокупно поставить грудь свою противъ хищника? Ежели душа у дворянина есть, то все у него есть ко ополченію. Чего жъ не доставало? не усердія ли нашего? Нѣтъ! мы давно горѣли имъ, мы давно собиралися, и хотѣли пренебречь жизнь свою; а теперь, по милости Вашего Императорскаго Величества, есть у насъ и согласитель мыслей нашихъ. Руковод-

ствомъ его составился у насъ корпусъ. Избранный въ немъ начальникъ трудится, товарищи его усердствуютъ, все въ порядкѣ. Имѣніе наше готово на пожертвованіе, кровь наша на изліяніе, души наши на положеніе; умремъ, — кто не имѣетъ мыслей сихъ, тотъ не дворянинъ.

«Но сколь ни великъ восторгъ должности нашей, сколь ни жарко рвеніе сердець нашихъ; однако слабы бы были силы наши на истребленіе гнуснаго врага нашего, если бѣ Ваше Императорское Величество не ускорили войсками своими въ защищеніе наше, а паче всего присылкою къ намъ Его Превосходительства Александра Ильича Бибикова. Можетъ быть, мы бы были и по сю пору въ нерѣшимости составить корпусъ нашъ, ежели бѣ не онъ подалъ намъ свои благоразумные совѣты. Онъ пріѣздомъ своимъ разсыпалъ туманъ унынія, носящагося надъ градомъ здѣшнимъ. Онъ ободрилъ души наши. Онъ укрѣпилъ сердца, колеблющіяся въ вѣрности Богу, отечеству и Тебѣ, Всемилостивѣйшая Государыня; словомъ сказать, онъ оживотворилъ страну почти умирающую. Величіе Монарха паче познается въ томъ, что онъ умѣетъ разбирать людей и употреблять ихъ во благовремени: то и въ семъ не оскудѣваетъ Вашего Императорскаго Величества тончайшее проищаніе; на сей случай здѣсь надобенъ министръ, воинъ, судія, чтитель святыхъ Вѣры. По прозорливому Вашему Императорскому Величеству изволенію, мы все сіе въ Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ видимъ; за все сіе изъ глубины сердець нашихъ, любомудрой душѣ Твоей восписуемъ благодареніе.

«Но едва успѣваемъ сказать здѣсь, Всемилостивѣйшая Государыня, Вашему Императорскому Величеству крайнія чувства искренности нашей за милости Твои; едва успѣваемъ воскурить предъ образомъ Твоимъ, Великая Императрица, намъ священнымъ, и намъ любезнымъ, кадило сердець нашихъ за благо-

воленія Твоего; уже мы слышимъ новый гласъ, новый отъ Тебя радости новаго намъ Твоего великодушія и снисхожденія. Что Ты съ нами дѣлаешь? Въ трехъ частяхъ Свѣта владычество имѣющая, славимая въ концахъ земныхъ, честь Царей, украшеніе коронъ, изъ боголѣпія Величества Своего, изъ сіянія славы Своея, снисходишь и именуешься нашею *Казанскою Помѣщицею!* о радости для насъ неизглаголанной, о счастіи, для насъ неокончаемаго! се прямо путь къ сердцамъ нашимъ! се преславное превозношеніе праху нашего и потомковъ нашихъ. Та, которая даетъ законы полвселенной, подчиняетъ себя нашему постановленію! Та, которая владычествуетъ нами, подражаетъ нашему примѣру! тѣмъ Ты болѣе, тѣмъ Ты величественнѣе.

«И такъ, исполненіемъ долга нашего хотя мы не заслуживаемъ особливаго Вашего Императорскаго Величества намъ признанія, любезнаго и намъ дражайшаго товарищества Твоего; однако Высочайшую волю Твою разверстымъ принимаемъ сердцемъ и почитаемъ благополучіемъ, начертаваемъ неоцѣненные слова благоволенія Твоего съ благовѣніемъ въ память нашу. Признаемъ Тебя своею Помѣщицею, принимаемъ Тебя въ свое сотоварищество. Когда угодно Тебѣ, равняемъ Тебя съ собою. Но за сіе ходатайствуй и Ты за насъ у Престола Величества Твоего. Ежели гдѣ силы наши слабы совершить усердіе наше, помогай намъ и заступай насъ у Тебя. Мы болѣе на Тебя, нежели на себя надѣемся.

«Великая Императрица! чѣмъ же воздадимъ мы Тебѣ за Твою матернюю любовь къ намъ, за сіи Твои несказанныя намъ благодаренія? Наполняемъ сердца ваши токмо вѣщимъ воспламененіемъ искоренить изъ свѣта злобу, Царства Твоего недостойную. Просимъ Царя Царей, да подаетъ Онъ намъ въ томъ свою помощь, а Вашему Императорскому Величеству, истинной Матери отечества, съ любезнымъ Вашему Императорскому Величе-

ства Сынѡмъ, съ сею безцѣпною надеждою нашею и съ дражайшею Его Супругою, въ безмятежномъ Царствѣ, многія лѣта благоденствія.»

53. Монахиня Евпраксія Кириловна, бабка Александра Ильича. Онъ ею былъ воспитанъ; въ семействѣ своемъ почиталась она праведною.

54. См. въ Приложеніи письмо Бибикова къ Графу Чернышеву отъ 24 Января 1774 года. — 5 Января того же года писалъ онъ къ Философову: «Терпѣніе мое часъ отъ часу становится короче, въ ожиданіи полковъ, пбо ежечасно получаю страшныя извѣстія; съ другой же стороны, что Башкирцы съ всякою сволочью партіями развѣзжаютъ, заводы и селенія грабятъ, и дѣлаютъ убійства. Воеводы и начальники отовсюду бѣгутъ съ утрашеніемъ, и главная чернь охотно на оболъщенье злодѣйское бѣжитъ на встрѣчу къ нимъ же. Не могу тебѣ, мой другъ, подробно описать бѣдствіе и разореніе здѣшняго края, слѣдовательно суди и о моемъ по тому положенію. Скареды и срамцы здѣшніе гарнизоны всего боятся, ни куда носа не смѣютъ показать, сидятъ по мѣстамъ какъ сурки, и только что рапорты страшные присылаютъ. Пугачевскія дерзости и его сообщниковъ изъ всѣхъ предѣловъ вышли; всюду посылаютъ манифесты, указы. День и ночь работаю какъ каторжный, рвусь, надсѣдаюсь и горю какъ въ огнѣ адскомъ; но варварству предательствъ и злодѣйству не вижу еще перемѣны, не устаетъ злость и свирѣпство, а можно ли отъ домашняго врага довольно охраниться, все къ измѣнѣ, злодѣйству и къ бунту на скопищахъ. Богъ одинъ всемогущъ, обратитъ все сіе въ лучшее. Я при моихъ заботахъ непрестанно его прошу, и проч.

55. Снѣгъ въ Оренбургской губерніи выпадаетъ иногда на три аршина.

56. См. въ Приложеніи письмо Бибикова къ Графу Чернышеву.

57. Не должно терять изъ виду тогдашнее раздѣленіе государства на губерніи и провинціи.

58. Въ 1774 году уведено въ плѣнь Киргизцами до 1380 человекъ.

59. См. въ Запискахъ Храповицкаго (въ 1791 году) весьма любопытный разговоръ Государыни о Густавѣ III.

60. См. Переписку Вольтера съ Императрицею.

61. Помѣщаемъ здѣсь показанія жены Пугачева, Софьи Дмитріевой, въ томъ видѣ, какъ они были представлены въ Военную Коллегію.

Описание известному злодѣю и самозванцу, какого онъ есть свойства и примѣтъ, умышленное по объявленію жены его, Софьи Дмитріевой.

1. Мужа ея, войска Донскаго Зимовейской станицы служилаго казака, зовутъ Емельянъ Ивановъ сынъ, прозывается Пугачевымъ.

2. Отецъ его родной, былъ той же Зимовейской станицы служилой казакъ, Иванъ Михайловъ сынъ Пугачевъ же, который въ давнихъ годахъ умре.

3. Тому мужу ея нынѣ отъ роду будетъ лѣтъ сорокъ, лицомъ сухощавъ, во рту верхняго спереди зуба нѣтъ, который онъ выбилъ салазками¹, еще въ малолѣтствѣ въ игръ, а отъ того времени и донынѣ не вырастаетъ. На лѣвомъ виску отъ болѣзни круглый бѣлый признакъ, отъ лица совсѣмъ отмытый, величиною съ двукопѣечникъ; на обѣихъ грудяхъ, назадъ тому третій годъ, были провалы, отъ чего и мнитъ она, что быть надобно признакамъ же. На лицѣ имѣеть желтыя конопатины; самъ собою смугловатъ, волосы на головѣ темнорусые, по-казацки подстригалъ, росту средняго, борода была кланомъ черная, небольшая.

4. Вѣру содержалъ истинно православную; въ церковь Божию ходилъ, исповѣдовался и Святыхъ Таинъ приобщался, на что и имѣлъ отца духовнаго Зимовейской же станицы священника Федора Тихонова; а крестъ ко изображенію, совокупалъ большой съ двумя послѣдними пальцами.

1. Техническій терминъ у кулачныхъ бойцевъ, значить ударъ по челястямъ.

5. Женился тотъ мужъ ея на ней, и она шла, оба первобрачные, назадъ тому лѣтъ съ 10, и съ которыми и прижили дѣтей пятерыхъ, изъ коихъ двое померли, а трое и теперь въ живыхъ. Первый, сынъ Трофимъ десяти лѣтъ, да дочери, вторая Аграфена, по седьмому году, а третья Христина, по четвертому году.

6. Оный же мужъ ея, назадъ тому три года, посланъ на службу во вторую армию, гдѣ и былъ два года, и оттуда, нынѣ другой годъ, за грудною болѣзнію, о которой выше значить, по веснѣ отпущенъ, а посему и былъ въ домъ одно лѣто, въ которую бытность и нанялъ вмѣсто себя въ службу въ Бахмутъ на Донцѣ казака, а какъ его звать и прозванія, да и гдѣ теперь находится, не знаетъ; — а послѣ сего

7. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 772 года, онъ, оставивши ее съ дѣтьми, невѣдомо куда бѣжалъ, и гдѣ былъ, и какія отъ него происходили дѣла, объ ономъ, какъ онъ ничего не сказывалъ, такъ и сама не знала; а

8. 773 года, въ Великомъ посту, тотъ мужъ ея тайнымъ образомъ пришелъ къ хуторскому ихъ дому вечеромъ подъ окошко, котораго она и пустила; но того жъ самага часа объявила казакамъ, а они, взявши его, повели къ станичному Атаману, а онъ-де отпиралъ въ Верхнюю Чирскую станицу, къ старшинѣ, но о имени его не упомянуть, а оттуда въ Черкасской; но не довезя однако жъ до онаго, въ Цымлянской станицѣ бѣжалъ, и потому, гдѣ теперь находится, не вѣдаетъ.

9. Во время жъ той мужа ея поимки, сказывалъ онъ Атаману и на сборѣ всѣмъ казакамъ, что былъ въ Моздокѣ, но что дѣлалъ, потому жъ не знаетъ.

10. Писемъ онъ къ ней, какъ съ службы изъ арміи, такъ и изъ бѣговъ своихъ никогда не присылывалъ; да и чтобъ въ станицу ихъ или къ кому другому писалъ, объ ономъ не знаетъ; онъ же вовсе и грамотъ не умѣетъ.

11. Что же мужъ ея точно есть упоминаемый Емельянъ Пугачевъ, то сверхъ ея самоличнаго съ дѣтьми сознанія и уличенія, могутъ въ справедливость доказать и родной его братъ, Зимовейской же станицы казакъ Дементій Ивановъ сынъ Пугачевъ (который нынѣ находится въ службѣ въ 1-й арміи), да родныя жъ сестры, изъ коихъ первая Ульяна Иванова, коя нынѣ находится въ замужствѣ той же станицы за казакомъ Федоромъ Григорьевымъ, по прозванію Брыкалнымъ, а вторая Федосья Иванова, которая также замужемъ за казакомъ изъ Прусакъ Симономъ Никитинымъ, а прозванія не знаетъ, кой нынѣ жительство имѣетъ въ Азовѣ, которыя всѣ мужа ея также знаютъ довольно.

12. Рѣчь и разговоры мужъ ея имѣлъ по обыкновению казацкому, а иностраннаго языка ни какого не зналъ.

13. Домомъ они жили въ Зимовейской станицѣ своимъ собственнымъ, который по побѣгъ мужа (что дневнаго пропитанія съ дѣтьми имѣть стало не отъ чего) продала за 24 руб. за 50 коп. Есауловской станицы казаку Еремѣ Евсѣеву на словъ, который его въ ту Есауловскую станицу по словкѣ и перевезъ; а нынѣ особою командою пакн въ Зимовейскую станицу перевезенъ и на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ и они жили, сожженъ; а хуторъ ихъ, состоящій также не-подалеку Зимовейской станицы, сожженъ же.

14. Сама же та Пугачева жена, казачья дочь, и отецъ ея былъ Есауловской станицы служилой казакъ, Дмитрій, по прозванію Недюжинъ, а отчества не припомнить, потому что она послѣ него осталась въ малолѣтствѣ, и послѣ жъ котораго остались и теперь живы находятся, дочери его, а ей сестры родныя, первая Анна Дмитриева, въ замужествѣ Есауловской станицы за казакомъ Фомою Андреевымъ, по прозванію Плюгинымъ, который и находится въ службѣ тому нынѣ 8-й годъ, а въ которой арміи, не

знасть. Вторая Василиса Дмитріева, въ замужествѣ также Есауловской станицы за казакомъ Григоріемъ Федоровымъ по прозванію Махичевымъ; да третій сынъ отца ея, а ей братъ родной, Иванъ Дмитріевъ по прозванію Недюжинъ, живетъ въ Есауловской же станицѣ служилымъ казакомъ, и по отъѣздѣ ея въ здѣшнее мѣсто, былъ при домѣ своемъ и къ наряду въ службу въ готовности.—

Прилагаю не менѣе любопытное извлеченіе изъ показанія бывшаго въ 1771 году Зимовейской станицы Атаманомъ отставнаго казака Трофима Фомина:

«Въ 1771 году, въ Февраль мѣсяцъ, Емельянъ Пугачевъ отбылъ въ городъ Черкасскъ для излеченія болѣзни, со взятымъ у меня станичнымъ билетомъ, и черезъ мѣсяцъ возвратился на карей лошади. На допросъ мой, гдѣ онъ ее досталъ, отвѣчалъ онъ: на станичномъ сборѣ, что купилъ въ Таганрожской крѣпости коннаго казацкаго полку у казака Василья Кусачкина. Но казаки, не повѣря ему, послали его взять письменный видъ отъ ротнаго Командира. Пугачевъ и повѣхалъ, но предъ его возвращеніемъ, зять его, Прусакъ, бывший Зимовейской станицы казакъ, а нынѣ состоящій въ Таганрогскомъ казацкомъ полку, явился у насъ, и на станичномъ сборѣ показалъ, что онъ съ женою и Василией Кусачкинъ, да еще третій, по уговору Пугачева, бѣжали за Кубань на Куму рѣку, гдѣ онъ (Прусакъ) побывъ малое время, оставилъ ихъ и возвратился на Донъ. Почему и отправилъ я при станичномъ рапортѣ въ Черкасскъ Прусакъ съ женою и родною ея матерью, по причинѣ ихъ побѣга. Въ Декабрѣ того же года, Пугачевъ былъ пойманъ въ его хуторѣ, и содержался подъ карауломъ. Намѣренъ былъ я его, какъ праздношатающагося, выдать находящемуся тогда въ сыскѣ и высылкѣ бѣглыхъ всякаго званія людей, Старшинѣ Михайлѣ Макарову. Но Пугачевъ со станичной избы изъ-подъ караула бѣжалъ, и уже чрезъ три мѣсяца на томъ же хуторѣ пойманъ, и показалъ на станичномъ сборѣ,

что былъ въ Моздокѣ, почему при рапортѣ и посланъ мною къ Старшинѣ Макарову въ нижнюю Черкасскую станицу, а сей чрезъ нашу станицу послалъ уже его при рапортѣ въ Черкасскъ. Когда его привели, увидя по подорожной, что посланъ онъ былъ въ колодку, которой на немъ уже не было, приказалъ я ему набить другую, и отослалъ его въ верхнюю Курмоярскую станицу, отъ которой въ принятіи онаго Пугачева росписку получила. Черезъ двѣ недѣли спустя, отъ Старшины Макарова по всѣмъ станицамъ прислано было объявленіе, что оный Пугачевъ бѣжалъ съ дороги, и не шаче ежели явится гдѣ, изловить; а какъ онъ бѣжалъ не знаю.»

За неумѣніемъ грамотъ, Василій Ермолаевъ руку приложилъ.

62. Г. Левшинъ пишетъ, что самозванецъ показывалъ сіи пятна легковѣрнымъ своимъ сообщникамъ, и выдавалъ ихъ за какіе-то царскіе знаки. Оно не совсѣмъ такъ; самозванецъ, хвастая, показывалъ ихъ какъ знаки ранъ, имъ полученныхъ.
63. Многіе и воспользовались симъ разрѣшеніемъ; не смотря на то, Исторія Пугачевского возмущенія мало извѣстна. Въ Запискахъ о жизни и службѣ А. И. Бибикова, мы находимъ самое подробное извѣстіе объ ономъ, но сочинитель довелъ свой расказъ только до смерти Бибикова. Книжка, изданная подъ заглавіемъ: *Михельсонъ въ Казани*, есть не что иное, какъ весьма любопытное письмо Архимандрита Платона Любарскаго, напечатанное почти безъ всякой перемѣны, съ приобщеніемъ незначущихъ показаній. Г. Левшинъ въ своемъ Историческомъ и Статистическомъ Обзорѣни Уральскихъ казаковъ, слегка коснулся Пугачева. Сей кровавый и любопытной эпизодъ царствованія Екатерины мало еще извѣстенъ.
64. Крещеные Калмыки, поселенные въ Оренбургской губерніи, раздѣлялись на Оренбургскихъ и Ставропольскихъ. См. въ Рычковѣ (въ его Оренбургской Топографіи) подробное о нихъ извѣстіе.

65. Державинъ, въ объясненіяхъ на свои сочиненія, говоритъ, что онъ имѣлъ счастье освободить около полуторы тысячи пѣнныхъ колонистовъ отъ Кпр-гизовъ. Державинъ написалъ свои Записки, къ сожалѣнію, еще неизданныя.
66. Бунтовавшіе Башкирцы жестоко усмирены были Генераль-Лейтенантомъ Княземъ Урусовымъ, прозваннымъ, какъ Сила, счастливымъ, ибо все ему удавалось.
67. См. въ Приложеніи письмо Бибикова къ Фонвизину. Письмо сіе, вмѣстѣ съ другими драгоценными бумагами, доставлено было, родственниками и наследниками Фонвизина, Князю Вяземскому, занимавшемуся біографіей автора Недоросля. Надѣмся, въ непродолжительномъ времени издать въ свѣтъ сіе замѣчательное по всемъ отношеніямъ сочиненіе.
68. Малолѣтокъ, не достигшій 14-ти-лѣтняго возраста.
69. Илецкая Защита находится отъ Оренбурга въ 62 верстахъ, въ степи, за рѣкою Ураломъ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ добывается славная Илецкая соль. «Добываніе оной соли, пишетъ Рычковъ, уже издавна на томъ мѣстѣ, сперва отъ Башкирцевъ, а потомъ и отъ крѣпостныхъ обывателей, чинилось, но о построеніи сей крѣпости опредѣленіе учинено уже въ прошломъ 1753 году Октября 26 числа, по состоявшемуся въ Правительствующемъ Сенатѣ того жъ 1753 года Мая 24 числа указу, коимъ въ Оренбургѣ и въ принадлежащихъ къ оному новыхъ крѣпостяхъ и селеніяхъ опредѣлено учредить казенные соляные магазины, и продажу Илецкой и Эбелейской соли чинить по тогдашней указной цѣнѣ, по 35 коп. пудъ; для чего тогда жъ и Соляное Правленіе въ городѣ Оренбургѣ учреждено. Явившійся тогда подрядчикъ, Оренбургскихъ казаковъ Сотникъ Алексѣй Углицкой, обязался той соли заготовлять и ставить въ Оренбургской магазинъ четыре года, на каждой годъ по пятидесяти тысячъ пудъ, а буде понадобится, то и болѣе, цѣною по 6 коп. за пудъ, своимъ

коштомъ, а сверхъ того въ будущій 1754 годъ лѣтомъ построить тамъ, своимъ же коштомъ, по указанію отъ инженерной команды, небольшую защиту оцлотомъ съ батарееми для пушекъ, тутъ же сдѣлать нѣсколько покоевъ и казармъ для гарнизону, и провіантской магазинъ, и на всѣ жилые покои въ осеннее и зимнее время ставить дрова, а провіантъ, сколько бѣ тамъ войсковою команды ни случилось, возить туда изъ Оренбурга на своихъ подводахъ, что все и учинено, и гарнизономъ опредѣлена туда изъ Алексѣевского нѣхотнаго полка одна рота въ полномъ комплектѣ; а иногда по случаямъ и болѣе военныхъ людей командируемо бываетъ, для которыхъ, яко же и для работающихъ въ добываніи той соли людей (коихъ человекъ ста по два и болѣе бываетъ) имѣется тамъ церковь и священникъ съ церковными служителями. — (*Топографія Оренбургская*).

70. Тоцкая крѣпость, при устьѣ рѣки Сорочки, въ 206 верстахъ отъ Оренбурга. Выстроена при Кириловѣ, въ 1736 году. — Сорочинская крѣпость, главная на Самарской дистанціи, въ 176 верстахъ отъ Оренбурга и въ 30 отъ Тоцкой.
71. Крѣпость Новосергіевская отъ Сорочинской въ 40, а отъ Оренбурга въ 136 верстахъ. Выстроена при Тайномъ Совѣтникѣ Татищевѣ, подъ именемъ *Тевкелева Брода*, и переименована при Неплюевѣ въ Новосергіевскую.
72. Переволоцкая, большою дорогою въ 78 верстахъ отъ Оренбурга, а прямо степью въ 60. Выстроена въ верховьѣ рѣки Самары.
73. Les rebelles restèrent si tranquilles à Tatitscheva, que le Prince lui-même doutoit qu'ils fussent dans cette place. Pour en apprendre des nouvelles, il envoya trois cosaques qui s'approchèrent de la forteresse, sans rien apercevoir. Les rebelles leur envoyèrent une femme, qui leur présenta du pain et du sel, selon l'usage des Russes, et qui interrogée par les cosaques, les assura que les rebelles après avoir

été dans la place, en étoient tous sortis. Lorsque Pougatschef crut avoir trompé les cosaques par cette ruse, il fit sortir de la forteresse quelques centaines d'hommes pour s'emparer d'eux. L'un des trois fut tué et le second pris; mais le troisième s'échappa et vint rendre compte à Galitzin de ce qu'il venoit de voir. Aussitôt le Prince résolut de marcher sur la place dans le jour même et d'attaquer l'ennemi dans ses retranchements. — (*Histoire de la révolte de Pougatschef.*)

74. Бибииковъ въ письмѣ отъ 26 Марта:

«Мы потеряли 9 офицеровъ и 150 рядовыхъ; убито 12 офицеровъ, ранено и 150 рядовыхъ. Вотъ какая была пирушка! А бѣдный мой Кошелевъ ¹ тяжело въ ногу раненъ; боюсь, чтобъ не умеръ, хотя Голицынъ и пишетъ, что не опасно.»

75. Рычковъ пишетъ, что Шигаевъ велѣлъ связать Пугачева и Хлопушу. Показаніе невѣроятное. Увидимъ, что Пугачевъ и Шигаевъ дѣйствовали за-одно нѣсколько времени послѣ бѣгства ихъ изъ-подъ Оренбурга.

76. Пугачевъ, вопреки общему мнѣнію, никогда не билъ монету съ изображеніемъ Государя Петра III, и съ надписью *Redivivus et ultor* (какъ увѣряютъ иностранные писатели). Безграмотные и полу-грамотные бунтовщики не могли вымышлять замысловатыя, Латинскія надписи, и довольствовались уже готовыми деньгами.

77. La victoire que Votre Altesse vient de remporter sur les rebelles rend la vie aux habitants d'Orenbourg. Cette ville bloquée depuis six mois et réduite à une famine affreuse retentit d'allégresse et les habitants font des vœux pour la prospérité de leur illustre libérateur. Un poud de farine coutoit déjà 16 roubles et maintenant l'abondance succède à la misère. J'ai tiré un transport de 500 четвертъ de Kargalé et j'attends un autre de 1000 d'Orsk. Si le détachement de Votre Altesse réussit de captiver Pougatschef, nous serons au comble de nos souhaits et les Baschkirs ne

¹ Р. А. Кошелевъ, въ послѣдствіи Оберъ-Госмастеръ.

manqueront pas de chercher grâce. — (*Письмо Рейнсдорна къ Кн. Голицину, отъ 24 Марта 1774.*)

78. Слобода Сеитовская (она же и Каргалинская), часто упоминаемая въ сей Исторіи, находится въ 20 верстахъ отъ Берды, а отъ Оренбурга въ 18-ти. Названа по имени Казанскаго Татарина Сеита-Хаялина, перваго, явившагося въ Оренбургскую Капцелярію съ просьбою объ отводѣ земель подъ поселеніе. Въ Сеитовской слободѣ числилось до 1200 душъ, состоящихъ на особыхъ правахъ.
79. По своемъ разбитіи, Чика съ Ульяновымъ остановились ночевать въ Богоявленскомъ мѣдиплавленномъ заводѣ. Прикащикъ угостилъ ихъ, и напоивъ до-пьяна, ночью связалъ и представилъ въ Тобольскъ. Михельсонъ подарилъ 500 рублей прикащиковой женѣ, подавшей совѣтъ напоить бѣглецовъ.
80. Въ Озерной старая казачка каждый день бродила надъ Яикомъ, клюкою пригребая къ берегу плывущіе трупы и приговаривая: «Не ты-ли, мое дѣтище? Не ты-ли, мой Степушка? Не твои-ли черныя кудри свѣжа вода моетъ?» И видя лице незнакомое, тихо отталкивала трупъ.
81. Слѣдующія любопытныя подробности взяты мною изъ весьма замѣчательной статьи (*Оборона Яицкой крѣпости отъ партіи мятежниковъ*), напечатанной въ *Отечественныхъ Запискахъ* П. П. Свиньина. Въ нѣкоторыхъ показаніяхъ слѣдовалъ я журналу Симонова, предполагая болѣе достовѣрности въ официальномъ документѣ, нежели въ воспоминаціяхъ старика. Вообще статья неизвѣстнаго очевидца носить драгоцѣнную печать истины, неукрашенной и простодушной.
82. Слова сіи сохранены Державинымъ въ Одѣ его на смерть Бибикова. — Послѣдняя строфа должна была быть вырѣзана на его гробѣ:

Онъ былъ искусный вождь во брани,
Совѣта мужъ, любитель Музъ,

Отечества подпора тверда,
 Бластитель Вѣры, правды другъ;
 Екатериной чтимъ за службу,
 За здравый умъ, за добродѣтель,
 За искренность души его.
 Онъ умеръ, тропъ обороняя:
 Стой, путникъ! стой благоговѣно.
 Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ.

83. Императрица велѣла спросить у вдовы покойнаго, что она собственно для себя желала; супруга Бибикова просила обезпечить судьбу одного изъ родственниковъ ея мужа, служившаго подъ его начальствомъ.

84. Державинъ, до конца своей жизни чтившій память перваго своего покровителя, узнавъ, что сынъ А. И. Бибикова намѣренъ былъ издать записки о жизни и службѣ отца, написалъ о немъ слѣдующія строки:

«Посвятить краткую, но наполненную славными дѣяніями жизнь свою на службу отечеству, Александръ Ильичъ Бибиковъ по всей справедливости заслужилъ уваженіе и признательность соотечественниковъ; они не престанутъ воспоминать съ почтеніемъ полезныя обществу дѣла сего знаменитаго мужа и благословлять его память.

«Читая о службѣ и перемѣнахъ въ оной сего прижизненнаго Государственнаго челока, всякой легко усмотритъ необыкновенныя его способности, мужество, предусмотрѣніе, предприимчивость и расторопность, такъ, что онъ во всѣхъ родахъ налагаемыхъ на него должностей съ отличіемъ и достовѣрностію былъ употребляемъ; вездѣ показалъ искусство свое и ревность, не токмо прежде, въ царствованіе Императрицы Елисаветы, но и во многихъ порученіяхъ отъ Екатерины Великой, ознаменованныя успѣхами. Онъ былъ хорошій генераль, мужъ въ гражданскихъ дѣлахъ прощительный, справедливый и честный; тонкій политикъ, одаренный умомъ просвѣщеннымъ, всеобщимъ, гибкимъ, но всегда благороднымъ. Сердце доброе его готово было къ услу-

гамъ и къ помощи друзьямъ своимъ, даже и съ пожертво-
ваніемъ собственныхъ своихъ пользъ; твердый нравъ,
вѣрою и благочестіемъ подкрѣпленный, доставлялъ ему
отъ всѣхъ довѣренность, въ которой онъ былъ неко-
лебимъ; любилъ Словесность, и самъ весьма хорошо
писалъ на природномъ языкѣ; зналъ Нѣмецкій и Фран-
цузскій языки, и незадолго предъ смертію выучилъ и
Англійскій: умѣлъ выбирать людей, былъ доступенъ и
благопривѣтливъ всякому; но зналъ однако важною
своею поступью, соединенною съ пріятностію, держать
подчиненныхъ своихъ въ должномъ подобострастіи.
Важность не умалала въ немъ веселія, а простота не
унижала важности. Всякій нижній и высшій чиновникъ
его любилъ и боялся. Послѣдній подвигъ къ защитѣ
престола и къ спасенію отечества соверша, кончи-
ною своею увѣнчалъ добродѣтельную жизнь, къ сожа-
лѣнію всей Имперіи, тогда пресѣкиуюся.»

85. См. Рычкова Исторію Оренбургскую.

86. Histoire de la révolte de Pougatschef.

87. Троицко - Саткинской заводъ, одинъ изъ важнѣй-
шихъ въ Оренбургской губерніи, на рѣчкѣ Саткѣ,
въ 254 верстахъ отъ Уфы.

88. Зелаирская крѣпость находится въ самомъ центрѣ
Башкиріи, въ 229 верстахъ отъ Оренбурга. Она вы-
строена въ 1755 году, послѣ послѣдняго Башкирскаго
бунта (предъ Пугачевскимъ).

89. Державинъ въ примѣчаніяхъ къ своимъ сочиненіямъ
говоритъ, что Князь Щербатовъ, Князь Голицынъ
и Брантъ перессорились, другъ къ другу не пошли
въ команду, дали скониться новымъ злодѣйскимъ
силамъ, и разстроили начало побѣды.

90. Въ сентенціи сказано было, что Пугачевъ ворвался
въ городъ измѣною суконщиковъ. Саѣдствіе доказало,
что суконщики не измѣнили; напротивъ, они послѣд-
ніе бросили оружіе, и уступили превосходной силѣ.

91. Въ послѣдствіи Веніаминъ былъ оклеветанъ однимъ
изъ мятежниковъ (Аристовымъ), и нѣсколько времени
находился въ немилости. Императрица, убѣдясь въ

его невинности, вознаградила его саномъ Митрополитскимъ и прислала ему бѣлый клобукъ при слѣдующемъ письмѣ:

«Преосвященнѣйшій Митрополитъ,
Веніаминъ Казанскій!

«По прїздѣ Моемъ, первымъ попеченіемъ было для Меня, разсматривать дѣла бездѣльника Аристова: и узнала Я, къ крайнему удовольствію Моему, что невинность Вашего Преосвященства совершенно открылась. Покройте почтенную главу вашу симъ отличнымъ знакомъ чести; да будетъ оный для всякаго всегдашнимъ напомнаніемъ торжествующей добродѣтели вашей; позабудьте прискорбіе и печаль, кои васъ уязвляли; припишите сіе судьбѣ Божіей, благоволившей васъ прославить по несчастныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ тамошняго края; принесите молитвы Господу Богу; а Я съ отъѣннымъ доброжелательствомъ есмь

ЕКАТЕРИНА.»

Отвѣтъ Веніамина Митрополита Казанскаго.

«Всемилоствѣйшая Государыня!

«Милость и судъ безпримѣрные Вашего Императорскаго Величества, кои на мнѣ соизволили удивить предъ цѣлымъ Свѣтомъ, воскресили меня отъ гроба, возвратили жизнь, которую я отъ младыхъ ногтей посвятилъ на службу по Бозѣ въ непоколебимой вѣрности Вашему Монаршему престолу и отечественной пользѣ, сколько отъ меня зависитъ; а продолжалась она пятьдесятъ три года; но которую клевета, наглость и злоба противъ совѣсти и человечества исторгнуть покушались. Неоцѣненнымъ Монаршихъ Вашихъ щедротъ залогомъ, который съ несказаннымъ чувствованіемъ моего сердца сподобихся пріяти на главу мою, покрыся, и отъяся поношеніе мое, поношеніе мое въ человѣцѣхъ. Что жъ воздамъ Тебѣ, правосуднѣйшая въ Свѣтъ Монархиня, толико

попечительному о спасеніи моемъ Господеви? Источеніе всей дарованной мнѣ Вашимъ Высоко-Монаршимъ великодушіемъ жизни въ возблагодареніе не довлѣть; развѣ, до послѣдняго моего издыханія, Вышняго молить не престану день и ночь, да сохранитъ дражайшую жизнь Вашу за толь сердобольное сохраненіе моею до позднѣйшихъ человѣку возможныхъ лѣтъ; да ниспослетъ съ высоты святѣя своея на вѣнценосную главу Вашу вся благословенія, коими древле благословенъ былъ Соломонъ. Крѣпкая десница Господа силъ да отвращаетъ во вся дни живота отъ преводельнаго здравія Вашего недуги, отъ неусыпныхъ трудовъ утомленіе, отъ возрастающей и процвѣтающей славы зависть и злобу; да будетъ Домъ, держава и престоль Вашъ яко днѣ неба. Съ такимъ моимъ усердствованиемъ и всеподданническою вѣрностію, пока духъ во мнѣ пребудеть, есмь

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ и богомолецъ,
смирный Веніаминъ, Митрополитъ Казанскій.

92. Генераль - Маіоръ Пеледъ Никитичъ Кудрявцевъ, сынъ Никиты Алферьевича, пользовавшагося довѣренностію Петра Великаго, въ чинѣ поручика гвардіи Преображенскаго полка, участвовалъ въ первомъ Персидскомъ походѣ; въ царствованіе Анны Іоанновны сражался противу Турковъ и Татаръ, а при Императрицѣ Елисаветѣ противу Прусаковъ; вышелъ въ отставку при Императрицѣ Екатерицѣ II. Тѣло его погребено въ той церкви, гдѣ онъ былъ убитъ. (*Извлечено изъ неизданнаго Историческаго Словаря, составленнаго Д. Н. Бантыши - Каменскимъ.*)

93. Такъ говоритъ Авторъ Исторической Записки, *Histoire de la révolte de Pougatschef*; въ официальныхъ документахъ, бывшихъ у меня въ рукахъ, я ничего о томъ не отыскалъ. Достоверно однако жъ то, что семейство Пугачева находилось при немъ до 24 Августа 1774 года.

94. Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, генераль отъ кавалеріи и главнокомандующій Молдавскою арміею, родился около 1735 года, умеръ въ 1809. Подъ его начальствомъ находился, въ началъ славной службы своей, Князь Варшавскій. Михельсонъ въ глубокой старости сохранялъ юношескую живость, любилъ воинскія опасности, и еще посѣщалъ передовыя перестрѣлки.
95. Ихъ было три брата. Старшій, извѣстный дерзкимъ покушеніемъ на особу Короля Станислава Понятовскаго; меньшей съ 1772 года находился въ пѣну, и жилъ въ домъ губернатора, которымъ былъ онъ принятъ, какъ родной.
96. Слышано мною отъ К. Ф. Фукса, Доктора и Профессора Медицины при Казанскомъ Университетѣ, человека столь же ученаго, какъ и любезнаго и снисходительнаго. Ему обязанъ я многими любопытными извѣстіями касательно эпохи и стороны, здѣсь описанныхъ.
97. Предъ симъ цѣна соли, установленная Пугачевымъ, была по 5 коп. за пудъ; подушный окладъ по 3 коп. съ души; жалованье военнымъ чинамъ обѣщаль онъ утроить, а рекрутскій наборъ производить черезъ каждыя 5 лѣтъ.
98. За сообщеніе бумагъ, обнаруживающихъ сношенія Перфильева съ правительствомъ (обстоятельство вовсе не извѣстное) обязаны мы благодарностію А. П. Галахову, внуку капитана гвардіи, на коего правительствомъ возложены были въ то время важныя порученія.
99. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, Генераль-Аншефъ, орденовъ Св. Андрея и Св. Георгія первой степени кавалеръ, и проч., сынъ Генераль-Поручика Ивана Васильевича, родился въ 1721 году. Началь службу свою подъ начальствомъ Фельдмаршала Графа Миниха; въ 1736 году находился при взятіи Перекопа и Бахчисарая. Во время семи-лѣтней войны служилъ Генераль-Маіоромъ, и былъ главнымъ виновникомъ

успѣха Франкфуртскаго сраженія. 1762 года пожалованъ онъ въ Сенаторы. 1769 назначенъ онъ былъ Главнокомандующимъ Второй арміи. 1770 взяты имъ Бендеры; въ томъ же году вышелъ онъ въ отставку. Возмущеніе Пугачева вызвало снова Панина изъ уединенія на поприще трудовъ политическихъ. Онъ скончался въ Москвѣ въ 1789 году, на 69 году отъ рожденія.

100. См. Приложенія, II.

101. Показанія казаковъ Ѳомина и Лепелина. Они не знаютъ имени гвардейскаго офицера, съ ними отряженнаго къ Петровску; но Бошнякъ въ своемъ донесеніи именуетъ Державина.

102. Въ то время изданъ былъ списокъ (еще не весьма полный) жертвамъ Пугачева и его товарищей; помѣщаемъ его здѣсь:

Описаніе, собранное понынѣ изъ вѣдомостей разныхъ городовъ, сколько самозванцемъ и бунтовщикомъ Емелькою Пугачевымъ и его злобѣйскими сообщниками осквернено и разграблено Божіихъ храмовъ, также побито дворянства, духовенства, мѣщанства и прочихъ званій людей, съ показаніемъ, кто именно и въ которыхъ мѣстахъ.

Въ городѣ Казани:

Ворвавшись они въ городъ, и входя во храмы Божіи въ шапкахъ, съ оружіемъ, грабили и выгоняли укрывающихся тамъ людей;

А именно:

Въ Казанскомъ Богородицкомъ Соборѣ,
— Владимірскомъ Соборѣ,
Въ церкви Московскихъ Чудотворцевъ,
— церкви Николая Чудотворца, именуемаго Тольскаго,
Въ церкви Николая Чудотворца, именуемаго Низкаго,
Въ церкви Живоначальной Троицы,

Въ церкви Воскресенія Христова,
 — церкви Варламія Хутынскаго,
 — церкви Пресвятыя Богородицы Грузинскія,
 — церкви Вознесенія Господня,
 — церкви Тихвинскія Пресвятыя Богородицы,
 — церкви четырехъ Евангелистовъ,
 — церкви Алексѣя челоуѣка Божія,
 — Троицкомъ Ѳеодоровскомъ монастырѣ,
 — церкви Рождества Пресвятыя Богородицы,
 — Петропавловскомъ Соборѣ, не могли отбить
 дверей, стрѣляли съ наперти въ окошки;

Въ городѣ Цывилъскѣ, въ церкви Казанскія Бого-
 родицы.

Въ Чебоксарскомъ уездѣ въ приходскихъ церквахъ:

Въ селѣ Стрѣтенскомъ,
 — селѣ Богоявленскомъ,
 — селѣ Успенскомъ,
 — селѣ Введенскомъ.

Въ оныхъ церквахъ злодѣи не только грабили и убивали,
 но и святыя иконы кололи и утварь церковную раздирали.

Тоже самое дѣлали Пензенской провинціи:

Въ городѣ Петровскѣ, въ церкви Казанскія Бого-
 родицы,

— селѣ Чердымѣ, въ приходской церкви.

Нижегородской губернии, въ Арзамасскомъ уездѣ:

Въ селѣ Черковскомъ, въ приходской церкви.

Алатырскаго уезда:

Въ селѣ Сутяжномъ, въ приходской церкви,
 Въ селѣ Семеновскомъ, въ приходской церкви,
 — городѣ Курмышѣ, въ соборной церкви Нико-
 лаевской и Троицкой.

Курмышскаго уезда, въ приходскихъ церквахъ:

Въ селѣ Шуматовѣ,
 — селѣ Шумшевашахъ,
 — селѣ Большихъ Туванахъ,

Въ селѣ Алменевѣ,

— селѣ Усѣ.

Воронежской губернии, въ Нижнемъ Ломовѣ:

Въ Богородскомъ Казанскомъ монастырѣ.

Оренбургской губернии:

Въ Оренбургскомъ предмѣстїи, въ церкви Георгіевской,

На Мѣновомъ Дворѣ, въ церкви Захарїи и Елисаветы, святыя иконы вынуты изъ мѣстъ своихъ и повержены на землю, и нѣкоторыя расколоты.

Въ загородномъ губернаторскомъ домѣ, въ церкви Святаго Іоанна Предтечи тожъ учинено.

Въ Сакмарскомъ городкѣ,

— Татищевой крѣпости,

— Разсыпной крѣпости,

— Сорочинской крѣпости,

— Тацкой крѣпости,

— Магнитной крѣпости,

— Карагайской,

Въ приходскихъ сихъ крѣпостей церквахъ, входя злодѣи, оклады съ иконъ и всю утварь церковную грабили.

Бугульминскаго вѣдомства, въ селѣ Спискомъ, въ приходскую церковь вѣзжали на лошадяхъ, и грабили церковную утварь.

Въ селѣ Борисоглѣбскомъ, и въ Канжинской слободѣ, въ приходскихъ церквахъ тожъ дѣлали.

Пермской провинци:

Въ разныхъ церквахъ дѣлали грабежи, а въ нѣкоторыхъ и въ Царскія двери входили, какъ то:

На Юговскомъ Осокинѣ заводѣ,

Въ селѣ Крестовоздвиженскомъ,

— селѣ Дубенскомъ,

На Ижевскомъ казенномъ заводѣ,

Въ селѣ Березовкѣ,

— селѣ Троицкомъ, Олшина тожъ,

Осинскаго уѣзда, въ селѣ Крыловѣ,

На Юго-Камскомъ заводѣ,

Въ селѣ Николаевскомъ,

— Троицкой крѣпости.

Да сожжены церкви:

На Саткинскомъ заводѣ,
 Въ пригородѣ Осѣ,
 На Петропавловскомъ и Воткинскомъ заводахъ,
 Въ Икосовѣ винокуренномъ заводѣ,
 — Златоустовскомъ и Сатковскомъ заводахъ,
 — Авзяно-Петровскомъ заводѣ.

Сверхъ того, по Оренбургской линіи злодѣи, шедъ даже до Троицкой крѣпости, церкви Божіи сожигали, и образа находили послѣ разбросаны, а иные и расколоты.

Въ городѣ Казани убиты до смерти:

Генераль-Маіоръ Нефедъ Кудрявцевъ,
 Полковникъ Иванъ Родіоновъ,
 Сынъ его, Артиллеріи отставный Капитанъ Александръ Родіоновъ,
 Коллежскій Совѣтникъ Казимиръ Гурской,
 Коллежскіе Ассесоры:
 Петръ Брюховской, Федоръ Поповъ съ женою,
 Премьеръ-Маіоръ Данила Хвостовъ,
 Капитаны: Василій Онучинъ, Лука Ефимовъ,
 Поручикъ Александръ Масловъ.

Подпоручики:

Иванъ Богдановъ,
 Иванъ Носовъ
 Гаврила Нармоцкой

Прапорщики:

Павель Лелинъ,
 Андрей Герздорфъ,
 Алексѣй Тарбеевъ.

Коммисары:

Лука Ефимовъ,
 Иванъ Пономаревъ,
 Лекарскій ученикъ Иванъ Михайловъ.

При Гимназіи информаторы:

Нѣмецкаго класса, Ааронъ Тихъ,
 Рисовальнаго, Иванъ Кавелинъ,
 Ученикъ Иванъ Петровъ,

Часовой мастеръ Шильдъ,
Отставной секретарь Александръ Голдобинъ.

Регистраторы:

Иванъ Вороховъ,
Григорій Овсяниковъ.

Канцеляристы:

Иванъ Карповъ,
Александръ Акишевъ,
Герасимъ Андронниковъ,
Подканцеляристъ Степанъ Поповъ.

Унтеръ - офицеры:

Сержантъ Иванъ Бѣлобородовъ,
Вахмистръ Онисимъ Нармоцкой,
Подпрапорщики: Степанъ Реутовъ, Иванъ Неудашновъ,
Каптенармусъ Дмитрій Стрѣлковъ.

Солдаты:

Степанъ Печищевъ,
Леонтій Чекалинъ.

Щетки:

Онисимъ Колотовъ,
Никита Спиридоновъ,
Федоръ Калашниковъ.

Инвалидные:

Денисъ Ерофеевъ,
Гаврила Юдинъ,
Слесарь Фризіусъ,
Сѣдельникъ Гросманъ,
Конюхъ Иванъ Красногоровъ.

Купцы:

Максимъ Васильевъ,
Иванъ Назарьевъ,
Сынъ его, Гаврила Назарьевъ,
Кирила Ларіоновъ,
Иванъ Котельниковъ,
Козма Игнатьевъ,
Григорій Мордвиновъ,

Борисъ Ростовцевъ,
 Иванъ Пирожниковъ,
 Михайла Естифеевъ,
 Ѳедоръ Тюленевъ,
 Яковъ Нижегородовъ,
 Романъ Ѳедоровъ,
 Михайла Сухоруковъ,
 Василій Рыбниковъ
 Филиппъ Кашкинъ.

Цеховые:

Иванъ Кореневъ,
 Петръ Ильинъ,
 Михайла Разторгуевъ,
 Иванъ Фроловъ,
 Петръ Бѣлоусовъ,
 Петръ Кочановъ,
 Илья Петровъ,
 Григорій Смирновъ,
 Алексѣй Андреевъ,
 Иванъ Сапожниковъ,
 Василій Киселевъ,
 Василій Ѳедосѣевъ,
 Ѳедоръ Востряковъ.

Дворовые люди:

Управителя Петра Кондратьева, Прокофій Алексѣевъ,
 Капитана Аристова, Ѳедоръ Вербовской,
 Архитектора Кафтырева, Гаврила Васильевъ,
 Секретаря Аристова, Козма Яковлевъ,
 Маіора Хвостова, Петръ Степановъ,
 Маіорши Ивановой, Данила Ильинъ,
 Капитана Левашева: Алексѣй Никифоровъ, Ники-
 форъ Ѳедоровъ, Петръ Григорьевъ, Антипъ Андреевъ,
 Данила Власовъ, Денисъ Григорьевъ, Петръ Аванна-
 сьевъ,
 Купца Каменева, Михаида Ивановъ;
 Бригадира Люткина, Прокофій Шелудяковъ.

Экономическіе крестьяне:

Иванъ Даниловъ,
Иванъ Прокофьевъ,
Иванъ Кондратьевъ,

КАЗАНСКОЙ СУКОННОЙ ФАБРИКИ МАСТЕРОВЫЕ И РАБОТНИКИ:

Степанъ Шумихинъ,
Давыдъ Понамаревъ,
Яковъ Герасимовъ,
Кондратій Петровъ,
Петръ Самойловъ.

ДА СГОРЕЛИ ВЪ КАЗАНСКОМЪ МАГИСТРАТЪ:

Ратманъ Аванасій Шапошниковъ,
Копистъ Федоръ Копыловъ.

ВЪ СВЯЖСКОМЪ УЪЗДѢ УБИТЫ ДО СМЕРТИ:

Инвалидной команды полковой обозной Палкинъ,
Копистъ Федоровъ.

ВЪ ЦЫВИЛЬСКѢ УБИТЫ ДО СМЕРТИ ВЪ ГОРОДѢ:

Воевода, Коллежскій Ассесоръ Петръ Копьевъ,
Штатной команды Прапорщикъ Алексѣй Абаринъ,

Секретарь Поповъ и его жена Татьяна Степанова,
Дворовыхъ людей мужескаго пола шесть, женскаго два.

Канцеляристъ одинъ.

Купецъ одинъ.

Въ уездѣ:

Священниковъ четыре,
Дьячекъ одинъ,
Понамаръ одинъ,
Матросовъ три,
Новокрещенныхъ два.

ВЪ ЧЕБОКСАРСКОМЪ УЪЗДѢ УБИТЫ ДО СМЕРТИ:

Чебоксарской морской инвалидной команды:
Капитанъ съ сыномъ,
Прапорщиковъ два,

Подпрапорщикъ одинъ,
 Штатной команды солдатъ одинъ,
 Прапорщикъ Иванъ Тихомировъ съ женою его,
 Экономическаго Правленія копіистъ одинъ,
 Престарѣлыхъ матросовъ четыре, да молодой одинъ,
 Священниковъ двѣнадцать,
 Дьяконовъ пять,
 Дьячковъ два,
 Купецъ одинъ.

Въ Царевококшайскомъ уездѣ убиты до смерти:

Свіяжской провинціи отставной канцеляристъ
 Андрей Дмитриевъ,
 Священникъ одинъ,
 Полковой обозной одинъ,
 Подьячій одинъ,
 Малолѣтній одинъ.

Въ городѣ Пензѣ убиты до смерти:

Воевода Андрей Всеволожскій,
 Товарищъ Петръ Гуляевъ.

Подпоручики:

Михайла Суровцовъ,
 Фѣдоръ Слыщовъ.

Секретари:

Степанъ Дудкинъ, жена его, да сынъ, Подпору-
 чикъ Игнатій Дудкинъ,
 Сергій Григорьевъ, съ женою, съ сыномъ и дву-
 мя дочерьми.

Приказные служители:

Андрей Петровъ,
 Гаврила Елизеевской,
 Фѣдоръ Иконниковъ,
 Василій Тереховъ съ женою,
 Иванъ Дмитриевъ,
 Семень Тереховъ,
 Иванъ Аврамовъ.

Въ уѣздѣ:

Генераль-Маіоръ Алексѣй Пахомовъ, съ женою,
 Секундъ-Маіоръ Иванъ Веревкинъ, съ женою,
 Поручикъ Флоръ Слѣпцовъ,
 Капитаны: Алексѣй Тутаевъ, Гаврила Юматовъ,
 Помѣщикъ Скуратовъ,
 Маіорша Дарья Селивачева,
 Поручикъ Петръ Ивановъ, Подпоручикъ Борисъ
 Яковлевъ и дѣти Романовы,
 Сержантъ Петръ Цеклюдовъ, съ женою и съ сы-
 номъ,

Секундъ-Маіоръ Иванъ Стяшкинъ, жена его Татъ-
 яна Степанова.

Маіорша Федосья Назарьева, съ сестрою Марьею
 Даниловою, съ двумя дочерьми, съ племянницею Фе-
 досьею Шемяковою,

Поручикъ Иванъ Пилюгинъ, съ женою и съ до-
 черью дѣвицею Ольгою,

Отставной драгунъ Князь Михайла Звенигород-
 ской,

Квартирмистръ Ермолай Стяшкинъ, съ женою и
 съ сыномъ Иваномъ,

Маіоръ Егоръ Мартыновъ, съ женою Азимьею
 Яковлевою, съ сыномъ Сергѣемъ и съ женою его,

Полковникъ Никифоръ Хомяковъ,

Маіоръ Иванъ Стяшкинъ, жена его Татьяна Сте-
 панова,

Поручикъ Степанъ Башень,

Прапорщикъ Евдокимъ Степановъ,

Прапорщика Александра Стромилова дѣти, сыно-
 вья: Михайла, Николай, дочь Авдотья, да братъ
 родной Сергѣй.

Прапорщикъ Фаддей Зеленской съ женою,

Прапорщикъ Сергѣй Грязевъ съ женою,

Вдова Маіорша Анисья Безобразова,

Капитанша Елена Романова,

Капитанъ Григорій Раковъ,

Маіоръ Василій Кологривовъ съ женою,

Прапорщикъ Козма Бартенева,
Маіора Михайла Мартынова дѣти: Николай, Савва,
Надворная Совѣтница Грабова,
Помѣщица Анна Рѣпьева,
Регистраторъ Алексѣй Дертева,
Прапорщикъ Кадышевъ,
Надворная Совѣтница Прасковья Ермолаева съ
сыномъ.
Помѣщица Дарья Халабурдина,
Поручикъ Иванъ Лунинъ,
Поручика Князя Павла Борятинскаго жена Пра-
сковья Гаврилова съ малолѣтною дочерью,
Прапорщикъ Андрей изъ дворянъ, да однодво-
рецъ Михайла Слѣпцовы,
Секретарь Сергѣй Сверчковъ, съ женою его
Настасьєю Ивановою,
Вахмистръ Яковъ Жмакинъ, съ дочерью его, дѣв-
кою Мариною,
Прапорщикъ Николай Агафонниковъ, съ женою
и съ матерью,
Секундъ-Маіоръ Левъ Дубенской, съ женою,
Подьячій изъ дворянъ Василій Агафонниковъ,
съ женою,
Капитанши Марѣи Кирѣевой дочь, дѣвица Анна,
Маіоръ Иванъ Веревкинъ, съ женою,
Сержантъ Тимошей Авксентьевъ,
Поручикъ Максимъ Дмитріевъ,
Капитанъ Михайла Кирѣевъ, съ дочерью,
Поручикъ Андрей Пансыревъ,
Капитанъ Иванъ Дмитріевъ,
Прапорщикъ Иванъ Тутаевъ,
Поручикъ Егоръ Моревъ, съ женою Анною Петровою.
Графъ Гаврила Головинъ,
Маіорша Елена Варышаева,
Подпоручикъ Александръ Гладковъ,
Дворянская жена Прасковья Проскуровская,
Архитекторъ, Смоленскій шляхтичъ Федоръ Яко-
влевъ.

Поручикъ Жмакинъ,
 Капитанъ Иванъ Именниковъ,
 Вдова Елена Юрасова,
 Дворянская жена Наталья Бекетова.
 Вдова Пелагея Шахмаметева и дочь ея, дѣвица,
 Одиодворецъ Иванъ Юрасовъ.

Прапорщики:

Иванъ Буланинъ.
 Иванъ Нетесевъ,
 Степанъ Романовъ;
 Подпоручикъ Левъ Ергаковъ, съ женою,
 Капитанъ Алексѣй Козловъ.
 Секундъ-Маіоръ Ивашевъ,
 Подпоручикъ Николай, да Гвардіи капралъ Васи-
 лій Киселевы.

Поручикъ Гаврила Алферьевъ,
 Маіоръ Никита Костиевской, съ женою,
 Капитанъ Тутаевъ, съ женою,
 Подпоручика Василья Митькова дочери: Наталья,
 Марья; сыновья: Алексѣй и Михайла, да своячина
 его, дѣвица Пелагея Квашнина,

Саранскій Воевода Василій Протасьевъ, съ женою
 и съ сыномъ,

Поручикъ Ѳедоръ Левинъ, съ женою и съ сыномъ
 Алексѣемъ,

Экономическій Казначей, Секундъ-Маіоръ Ѳедоръ
 Григоровъ, съ женою,

Маіорша Авдотья Возницына, съ дочерью,

Вдовы дворянки: Анна и Прасковья Проскуровскіе,

Помѣщикъ Семень Литомгинъ, съ женою,

Поручикъ Иванъ, да Подпоручикъ Максимъ Тоу-
 заковы,

Вдова Подполковница Марѳа Агарева,

Одиодворческая жена Пелагея Метлина,

Маіоръ Григорій Зубаревъ, съ женою и съ дѣтми,
 двумя сыновьями, съ дочерью дѣвицею,

Поручикъ Ѳедоръ Бекетовъ, съ женою Марьею
 Егоровою,

Маіорша Катерина Конабесва,
Дворянская жена Варвара Тургенева,
Княгиня Анна Мустафина,
Подпоручика Гаврилы Левина жена, съ дѣтьми,
сыновьями: Дмитріемъ, Николаемъ, да съ дочерью,
Гвардіи капральша Федосья Ермолаева, съ дочерью
вдовою, Прапорщицею Авдотьей Юрьевою,
Подпрапорщикъ Степанъ Пересѣкинъ, съ женою,
сыномъ Гавриломъ, дочерьми: Катериною, Аграфеною,
Анною, Авдотьей;
Маіоръ Федоръ Кашкаровъ, жена его, съ дочерьми,
малолѣтними дѣтьми, и одна Француженка,
Протоколистъ Петръ Ивановъ, съ женою Татьяною
Дмитріевою и съ дѣтьми Премьеръ-Маіоромъ Семеномъ
Ивановымъ, съ женою Елисаветою Михайловою,
и съ сыномъ Петромъ.
Недоросль Дмитрій Ивановъ,
Маіорша Лукерья Пвина, съ сыномъ Алексѣемъ,
съ дочерью Пелагеею,
Вахмистръ Михайла Брюховъ, съ женою,
Прокурорша Марѳа Агарева,
Секундъ-Маіоръ Николай Степановъ, съ женою,
Дворянская жена Педагея Ховрина,
Поручикъ Алексѣй Зубецкой, съ женою,
Помѣщица Авдотья Жедринская,
Вахмистръ Никита Никифоровъ,
Помѣщикъ Никита Подгорновъ,
Титулярный Совѣтникъ Иванъ Ползамасовъ, съ
сыномъ Сергѣемъ,
Подпоручика Василья Золотарева жена,
Камеръ-лакей Яковъ Выдринъ, съ женою,
Подпоручикъ Алексѣй Слѣпцовъ, съ женою Аграфеною
Сергѣевою,
Подпоручица Катерина Платцова,
Прапорщица Анна Чуфарова,
Легкой полевой команды Подпоручикъ Иванъ
Обуховъ,
Вахмистръ Яковъ Жмакинъ, съ дочерью Мариною

Сержантъ Иванъ Кашкаровъ, съ зятемъ, Ассесоромъ
 Никитою Іевлевымъ, съ женою его Матреною Михай-
 ловою и съ ихъ дочерью Марьею,
 Титулярный Сюзѣтникъ Иванъ Алферьевъ, съ женою,
 Однодворческая жена Дарья Черыкова,
 Однодворцы: Семень Ѳедорчуковъ, Петръ Ми-
 тюринъ,
 Легкой полевой команды солдатъ одинъ,
 Штатной команды два солдата,
 Вахмистръ Иванъ Симоновъ,
 Однодворцевъ четыре,
 Пахатныхъ солдатъ три,
 Четыре священника, и одинъ изъ нихъ съ женою,
 Понамарь одинъ,
 Прапорщика Ивана Буланина прикащикъ,
 Капитана Ивана Осоргина прикащикъ,
 Графа Гаврила Головкина прикащикъ,
 Вахмистра Якова Якушкина прикащикъ,
 Лейбъ-гвардіи Капитана Князя Михаила Долго-
 рукова прикащикъ,
 Полковника Петра Волконскаго прикащикъ,
 Капитана Николая Загоскина прикащикъ,
 Вдовы Анны Смагиной два старосты,
 Вдовы Целагеи Грецовою прикащикъ, съ женою
 и дочерью,
 Княжны Марьи Долгоруковой прикащикъ съ
 женою,
 Кадета Петра Загряжскаго прикащикъ,
 Капитана Василья Новикова прикащикъ,
 Подпоручика Николая Зыбина прикащикъ,
 Сержанта Сергѣя Мартынова дворовой челоуѣкъ,
 Бригадирши Аграфены Киселевой прикащикъ,
 Архитектора, Смоленскаго шляхтича Яковлева дво-
 ровыхъ два челоуѣка,
 Поручика Сергѣя Тухачевскаго прикащикъ,
 Прапорщика Ивана Буланина дворовой челоуѣкъ,
 Прапорщика Леанасья Сумарокова дворовой чело-
 уѣкъ,

Графа Андрея Шувалова староста одинъ, выборныхъ два,

Статскаго Совѣтника Аванасья Зубова дворовой человекъ,

Маіора Нилы Акинѣева два прикащика и одинъ кучеръ,

Коллежской Ассессорши Катерины Бахметевой дворовой человекъ,

Штыкъ-юнкера Аблязова управитель,

Полковника Степана Ермолаева прикащикъ,

Капитана Николая Владимірова дворовой человекъ,

Статскаго Совѣтника Ивана Ермолаева прикащикъ,

Секундъ-Маіора Александра Соловцова дворовой человекъ,

Иноземець Иванъ Миллеръ,

Архитектора Василья Баженова земской,

Генеральши Катерины Левашевой прикащикъ,

Сержантовъ Андрея и Ивана Левинныхъ прикащикъ, съ женою,

Дѣвицы Анны и Марьи Языковыхъ прикащикова жена,

Новокрещенныхъ два,

Надворной Совѣтницы Прасковьи Ермолаевой крестьянинъ,

Коллежскаго Ассессора Петра Хлѣбникова крестьянинъ,

Капитана Василья Новикова крестьянинъ,

Подполковника Степана Ермолаева крестьянинъ одинъ, женки двѣ,

Статскаго Совѣтника Аванасья Зубова крестьянинъ,

Дѣвицы Ольги Назарьевой крестьянинъ.

Въ Симбирскомъ уездѣ убиты до смерти:

Полковница, вдова Марья Теплова,

Помѣщица, вдова Домна Пospѣлова,

Сестра ея, Милитинскаго дворянина Якова Агнелова жена Ульяна Александрова,

Подпоручикъ Иванъ Манахтинъ,

Маіоръ Василій Аристовъ, съ дочерью дѣвицею,
Помѣщицы, вдовы Прасковья и Анна, Петровы
дочери, Насакины,

Симбирскаго баталіона Полковникъ и Комендантъ
Андрей Рычковъ,

Экономическій Казначей, Поручикъ Тишинъ, съ
женою и два малолѣтнихъ сына,

Экономическій крестьянинъ Александръ Васильевъ,
Подполковникъ Василій Языковъ,

Маіоръ Александръ Родіоновъ,

Подполковника Никиты Философова прикащикъ
Василій Ерошеевъ,

Подполковника Петра Зиминскаго прикащикъ
Тимоей Михайловъ,

Фабриканта Воронцова формовальщикъ Алексѣй
Адріановъ,

Въ городѣ Петровскѣ убиты до смерти:

Воеводской товарищъ, Секундъ-Маіоръ Буткевичъ,
теща его Марья Иванова,

Секретарь Лука Яковлевъ, съ женою Марьею
Михайловою и съ сыномъ Петромъ,

Штатной команды барабанщикъ Иванъ Хомути-
никовъ.

Пахатный солдатъ Игнатіи Ношкинъ,

Солдата Хрулева жена Авдотья Васильева.

Въ уѣздѣ:

Подполковница вдова Ирина Никитина дочь Ду-
расова,

Капитана Николая Коштева сынъ, младенецъ Левъ,
Корнетъ Михайла Шильниковъ, съ женою Пра-
сковьею Макаровою, и малолѣтний сынъ Григорій,

Сержанта Самсона Каракозова жена Екатерина,
Маіорша, вдова Анисья Безобразова,

Помѣщики: Николай да Василій Киселевы, прика-
щикъ ихъ Аванасій Семеновъ,

Помѣщиковъ Григорія и Игнатія Киселевыхъ
прикащикъ Степанъ Матвѣевъ,

Прапорщикъ Иванъ Яковлевъ,
 Прапорщикъ Гаврила Власевъ,
 Прапорщикъ Николай Чемодуровъ,
 Подпоручикъ Федотъ Бекетовъ, съ женою Марьею,
 Капитанъ-Поручика Федора Менса жена Софья,
 Поручика Николая Бахметева крестьянинъ Иванъ
 Ивановъ,

Пахатный солдатъ Фаддей Скапинцовъ,
 Малороссіянинъ Иванъ Озерецкой.

Въ Козмодемьянскомъ уездѣ убиты до смерти:

Священниковъ два,
 Дьяконовъ два,
 Дьячекъ одинъ,
 Семинаристъ одинъ.

Въ Пермскомъ уездѣ убиты до смерти:

Екатеринбургскаго вѣдомства:
 Капитанъ Воиновъ,
 Подпоручикъ Посоховъ,
 Солдатъ одинъ;
 Юговскихъ заводовъ управитель, Шихтмейстеръ
 Яковлевъ,
 Унтеръ-шихтмейстеръ Бахманъ,
 Князь Михайла Михайловича Голицына прикащикъ
 Михайла Ключниковъ,
 Подъячій Василій Клестовъ,
 Питейной продажи цѣловальникъ одинъ,
 Графа Романа Ларионовича Воронцова Ягошихин-
 скаго завода унтеръ-шихтмейстеръ Манаковъ.

Свѣщенники:

Василій Козминъ,
 Аникій Барисовъ,
 Родіонъ Леонтьевъ;
 Дьячекъ Иванъ Поповъ,
 Дьячекъ Илья Петровъ,
 Экономическихъ дѣлъ кошникъ Петръ Курбатовъ,
 Атаманъ Колесниковъ,

Отставной капраль Лукіанъ Омельяновъ,
Юговскихъ заводовъ плавильщикъ Козма Орловъ,

Пушкари:

Демидъ Сочинъ и Никифоръ Совинъ,
Экономическій крестьянинъ Алимпій Кармановъ,
Крестьянинъ Гаврила Трегубовъ,
Князя Голицына крестьянъ четырнадцать человекъ,
Графа Строганова крестьянъ три человекъ.

Государственныхъ:

Крестьянинъ Егоръ Зуевъ, и еще семь человекъ,
Сотникъ Яковъ и крестьянинъ Михайла Поповъ,
Крестьянинъ Софроновъ,
Ермолай Мѣдениковъ, Федоръ Бурковъ, Иванъ Осет-
ровъ,
Крестьянинъ Ермаковъ, и еще два человекъ,
Крестьянская дѣвка.

Въ городѣ Ставропольѣ убиты до смерти:

Бригадиръ и Ставропольскій Комендантъ Иванъ
Фонъ-Фегезакъ,
Воеводской товарищъ, Надворный Совѣтникъ Сер-
гѣй Милковичъ,
Секретарь Семень Микляевъ.

Ставропольскаго баталіона Секундъ-Маіоры:

Павель Алашеевъ, Алексѣй Карачевъ, Никита Семе-
новъ.

Капитаны:

Григорій Калмыковъ, Петръ Лабухинъ.

Поручики:

Аѳанасій Семеновъ, Дмитрій Новокрещеновъ.

Прапорщики:

Яковъ Дворяниновъ, Василій Трофимовъ, Федоръ
Попковъ,
Василій Плешивцовъ;
Лекаръ Иванъ Финкъ.

Въ уздѣ отставные:

Секундъ-Маіоръ Артемій Бережневъ;

Прапорщики:

Филать Струйской, Петръ Поляковъ;
Подпрапорщикъ Петръ Тургеневъ съ сыномъ Ива-
номъ,
Сержантъ Михайла Кулыгинъ.

Ставропольскаго баталіона сержанты:

Иванъ Свѣшниковъ, Василій Гущинъ, Яковъ Пет-
ровъ,
Михайла Савушкинъ, Семень Львовъ;
Подпрапорщикъ Иванъ Ѳомищъ,
Капраль Лука Матвѣевъ.

Солдаты:

Игнатій Буторинъ, Фроль Бердяковъ, Петръ
Вагинъ, Митрофанъ Мухановскій, Никита Козловъ,
Василій Григорьевъ, Григорій Колесниковъ, Аѳанасій
Кондуковъ, Гурій Ульяновъ,
Денщикъ Максимъ Андреевъ,
Ставропольскаго Духовнаго Правленія кошіистъ
Василій Татлинъ.

Дворовые люди:

Прапорщика Филата Струйскаго, Елизаръ Семе-
новъ,
Помѣщицы Аграфены Стрекаловой: Егоръ Горохъ,
Осипъ Александровъ,
Помѣщицы Прасковьи Чемесовой, Иванъ Михайловъ,
Ясачной крестьянинъ Осипъ Звонаревъ,
Разночинецъ Михайла Васильевъ.

Ставропольскаго Калмыцкаго корпуса:

Ротмистръ Никаноръ Буратовъ,
Солдатъ Иванъ Шонбо.

Нижегородской губерніи, и въ Нижегородскомъ уездѣ
убиты до смерти:

Графа Николая Головина прикащикъ Алексѣй
Тетеевъ съ женою Настасьей,
Братъ его Иванъ Тетеевъ съ сыномъ Васильемъ.

Выборные:

Андрей Киреевъ,
 Иванъ Фаддеевъ,
 Крестьянинъ Павелъ Кордюковъ,
 Нѣмецъ одинъ,
 Французъ одинъ,
 Артиллеріи Капитана Князь Петра Дадіана прика-
 щикъ Петръ Кучинъ, съ женою Дарьею.

Въ городѣ Алатырь убиты до смерти:

Премьеръ - Маіоръ Романъ Грабовъ, съ женою
 Катериною,

Коллежскій Ассессоръ Галактіонъ Кляпиковъ,
 Землемѣръ, Подпоручикъ Федоръ Вишняковъ, съ
 женою Анною, и братомъ его двоюроднымъ Федоромъ
 Прокофьевымъ; Секретарь Василій Поповъ, съ женою
 Авдотьею Ивановою, съ дѣтьми, дочерьми, Варварою,
 Глафирою, съ сыномъ Алексѣемъ, и матерью Матре-
 ною Васильевою,

Протоколистъ Матвѣй Леонтьевъ, съ женою Марь-
 ею, съ дѣтьми, сыномъ Николаемъ, дочерьми Анною
 и Александрою,

Капитанъ Иванъ Недоростковъ, съ женою.

Штатной команды солдаты:

Алексѣй Зенкинъ, Тимошей Запылихинъ.

Въ уѣздѣ:

Прокуроръ Василій Кривской,
 Капитанъ Николай Лихутинъ, съ женою Анною
 Ивановою,

Сержантъ Иванъ Любовцовъ,
 Маіорша Федосья Назарьева,
 Капитанъ Петръ Зубатовъ,
 Изъ дворянъ капраль Александръ Зиновьевъ,
 Маіоръ Семень Марковъ,
 Изъ дворянъ каптенармусъ Аванасій Анашкинъ,
 Прапорщикъ Василій Мещериновъ,
 Помѣщица Прасковья Телегина,
 Помѣщица, вдова Авдотья Тимашева,

Полковника Ѳедора Волкова свояченица Татьяна Иванова,

Прапорщикъ Василій Мертваго, съ женою Пелагеею Ивановою,

Маіоръ Борисъ Мертваго,

Вахмистръ Андрей Назарьевъ,

Капитанъ Алексѣй Матцыневъ, съ женою Мариною Алексѣевою,

Коллежскаго Ассессора Ивана Мачаваріинова свояченица Инна Егорова,

Экономическаго Казначея Князь Василья Туркистанова жена Ирина Борисова.

При экономическомъ винокуренномъ заводѣ:

Прапорщики:

Алексѣй Гедеевъ съ женою Еленою Романовою,
Василій Дуровъ съ женою Авдотьей Васильевою,
помощникъ Сергѣй Бѣдауровъ съ женою Александрою Петровою,

Поручика Саввы Остренева жена Анна Егорова,
Ассессора Мачаваріинова дочь, дѣвица Файна Иванова; племянникъ его Николай Гавриловъ,

Инвалиднаго Секундъ - Маіора Чеботарева жена Анна Иванова,

Мать ея Авдотья Гедеева,

Племянница ея, дѣвица Марья Туркманова,

Арлатовской дворцовой волости управитель, Секундъ - Маіоръ Михайла Нелидовъ,

Поручикъ Иванъ Смолковъ съ женою Аѳимьею Ивановою,

Мать его, Маіорша Дарья Никитина,

Прапорщика Дмитрія Жмакина жена Анисья Андреева,

Маіора Растригина жена Авдотья Козмина,

Мать его Прасковья Михайлова,

Дѣти его, дочери: Ирина, Ѳедосья, Ѳекла.

Поручикъ Андрей Саврасовъ съ женою Аѳимьею Матвѣевою,

Теща его Анна Кирилова,
Дворянинъ Егоръ Пазухинъ съ женою Марьею
Алексѣевою;

Дѣти его, сынъ Алексѣй, дочери: Анна, Елпсавета,
Дворянина Ѳедота Захарина дочь, дѣвица Татьяна,
Помѣщика Ивана Салманова теща Авдотья Афа-
насьева, жена Акулина Лукіанова,

Сынъ его Николай,
Дворянинъ Аванасій Яхонтовъ съ женою Домною
Никитиною;

Дѣти ихъ, сынъ Степанъ, дочери: Пелагея, Дарья,
Дворянинъ Ѳеопемитъ Яхонтовъ съ женою Екате-
риною Семеновою:

Дѣти ихъ, сыновья: Дмитрій, Павелъ, дочери:
Авдотья, Акулина; теща Авдотья Антонова,

Капраль Иванъ Салмановъ,
Капитанша, вдова Анна Брюхова,
Дворянская жена Прасковья Телегина,
Поручикъ Иванъ Алабинъ,
Солдатъ Василій Шебалинъ,
Прапорщикъ Григорій Курофдовъ съ женою Анною
Ивановою,

Дворянка Прасковья Апраксина,
Капитанша вдова, Ирина Аленина,
Помѣщица Варвара Василевова,
Капитанъ Николай Страховъ,
Мать его, вдова Поручица Домна Данилова,
Помѣщикъ Василій Апраксинъ съ женою Анисьею
Дмитріевою,

Сынъ его Прапорщикъ Алексѣй,
Прапорщикъ Иванъ Ашанинъ съ женою Авдотьею
Семеновою,

Вдова помѣщица Агафья Тахтарова,
Капитанъ Иванъ Ляховъ,
Капитана Ивана Полумордвинова сынъ Михайла,
Прапорщикъ Иванъ Анцыферовъ съ женою Анною
Романовою,

Дѣвка Вѣра Данилова,

Вдова Марья Данилова,
 Подполковница вдова Прасковья Клипенская,
 Сынъ ея, Маіоръ Николай,
 Малолѣтнѣй Аврамъ,
 Дворянская жена вдова Анисья Неронова,
 Сынъ ея, Поручикъ Иванъ, съ женою Прасковьею
 Андреевою,
 Гвардіи Прапорщикъ Иванъ Стечкинъ, съ женою
 Василисою Петровою,
 Помѣщикъ Ефимъ Нероновъ;
 Дѣти его: сынъ Алексѣй, дочери Наталья, Анна,
 Мавра,
 Помѣщица Федосья Лаптева,
 Прапорщикъ Григорій Невѣровъ,
 Прапорщикъ Григорій Нагаткинъ, съ женою Феод-
 лою Васильевою;
 Дѣти, сынъ Петръ, дочь дѣвица Акулина,
 Прапорщикъ Андрей Теренинъ,
 Помѣщица Авдотья Варыпаева,
 Прапорщикъ Василій Теренинъ,
 Сержантъ Козма Теренинъ,
 Дворянка Прасковья Григорьева,
 Дворянка Прасковья Иванова,
 Солдатская жена Анна Осипова,
 Помѣщикъ, Князь Артамонъ Чегодаевъ, съ женою
 Натальею Ивановою.

Прапорщики:

Федоръ }
 Борисъ } Брюховы,
 Поручица, вдова Прасковья Брюхова,
 Сержантъ Сергѣй Анапкинъ, съ женою Марьею
 Васильевою,
 Дочь его Надежда;
 Канцеляристъ Федоръ Крюковской,
 Прапорщикъ Александръ Грязновъ,
 Дворянинъ Зурабъ Давыдовъ,
 Служитель его Яковъ Андреевъ,
 Прапорщикъ изъ Грузинъ Евсеѣй Семеновъ,

Канцеляристъ Михайла Соколовской,
 Писарь Никита Вѣринъ,
 Прапорщикъ Василій Тимашевъ, съ женою Кате-
 риною Антоновою,
 Дочь его: дѣвица Елисавета,
 Помѣщица Марья Пучкова,
 Капитанъ Яковъ Бурцовъ,
 Подпоручикъ Василій Шалимовъ, съ женою Агу-
 линою Ильиною,
 Приемышь, дѣвка Анна,
 Университетскаго учителя Грачевскаго дочь Вѣра,
 Дворянинъ Дмитрій Пасмуровъ, съ женою Ириною
 Ѳедоровою,
 Капитанъ Михайла Ашанинъ,
 Капитанша Прасковья Павлова,
 Сынъ ея, Капитанъ Василій,
 Его сынъ, сержантъ Ѳедоръ,
 Прапорщикъ Василій Шишкинъ,
 Фурьеръ Василій Бабушкинъ, съ женою Марфою
 Ивановою, и дочь ея Елисавета,
 Подпоручикъ Александръ Зимнинской, съ женою
 Авдотьей Григорьевою,
 Прапорщикъ Василій Кошкинъ,
 Прапорщикъ Василій Зимнинской, съ женою Маріам-
 ною Васильевою,
 Маіоръ Никифоръ Юрасовъ,
 Прапорщикъ Семень Юрасовъ, съ женою Татьяною
 Моисеевою,
 Дворянъ два челоѣка: одинъ мужскаго, а другой
 женскаго пола;
 Князь Борисъ Дивѣевъ,
 Подпрапорщикъ Эфимъ Шукинъ,
 Протоколита Матвѣя Леонтьева мать Ирина,
 Данилы Куткина жена Анна Ѳедорова,
 Староста Тимошей Ѳедотовъ,
 Секундъ-Маіора Андрея Кикина староста Ѳедоръ
 Гавриловъ,
 Десятской Ѳедоръ Агаоновъ,

Помѣщика Алексѣя Сѣченова прикащикъ Захаръ Андреевъ,

Маіора Ивана Протасьева прикащикъ Петръ Васильевъ,

Помѣщика Пѣтра Пазухина староста Андрей Алексѣевъ.

Помѣщика Ивана Анашина староста Ѳедоръ Ивановъ.

Крестьяне:

Макаръ Ѳедоровъ, Андрей Николаевъ,

Помѣщицы Варвары Языковой дворовой человекъ Евдокимъ Фирсовъ,

Помѣщика Нилы Панова крестьянинъ Авдей Ѳедоровъ,

Секундъ-Маіора Аѳанася Давыдова дворовые люди: Прокофій Прохоровъ, Степанъ Даниловъ,

Арзамасская купецкая жена Марья Ѳедорова,

Полковника Ѳедора Волкова прикащикъ Иванъ Козминъ, сынъ его Евграфъ;

Помѣщика Алексѣя Бахметева прикащикъ Иванъ Петровъ съ женою Ѳедосьею Романовою,

Генераль-Маіора и Кавалера Михайлы Кречетникова дворовый человекъ Максимъ Леонтьевъ,

Староста Карпъ Ивановъ,

Артиллеріи Подполковника Льва Пушкина дворовой человекъ Семень Ивановъ,

Генераль-Поручика Ивана Левашева прикащикъ Ѳедоръ Логиновъ, съ женою Татьяною Ѳедоровою и съ дочерью Елисаветою,

Ефимъ Ивановъ, Аверьянъ Борисовъ,

Подполковника Григорья Бахметева выборный Алексѣй Игнатьевъ,

Гвардіи капрала Егора Кроткаго человекъ Михайла Егоровъ,

Капитана Алексѣя Матцынева прикащикъ Дементій Дмитріевъ,

Секундъ-Маіора Петра Акниѣева прикащикъ Александръ Васильевъ.

Экономическаго вѣдомства крестьяне.

Прокофій Аѳанасьевъ,

Иванъ Володимировъ,

Михей Яковлевъ;

Полковника Князь Александра Одоевскаго прикащикъ Григорій Лебедевъ,

Помѣщика Александра Зиминскаго прикащикъ Никита Моисеевъ съ женою Прасковьею Андреевою,

Бригадира Іевлева прикащикъ Степанъ Семеновъ,

Солдатская жена Ѳекла Семенова,

Графа Ивана Петровича Салтыкова.

Штуцмейстеръ Иванъ Штепсинъ,

Прикащикъ Антошъ Дроздовъ,

Староста Анкудинъ Ѳеклистовъ,

Прикащикъ Никита Алымовъ, съ женою и съ дочерью,

Прикащикъ Алексѣй Головлевъ,

Земской Иванъ Вернеевъ,

Крестьянинъ Иванъ Трофимовъ,

Прикащикъ Петръ Протопоповъ,

Крестьянинъ Ѳедоръ Вайцовъ.

Графа Андрея Петровича Шувалова.

Прикащикъ Тимошей Щенотевъ, съ женою Настасьей Ивановою,

Земской Филиппъ Петровъ,

Экономическій крестьянинъ Михей Яковлевъ,

Прикащикъ Михайла Савельевъ, съ женою Авдотьей Ѳедоровою,

Прикащикъ Борисъ Турченцовъ,

Прикащикъ Кондратій Филиповъ.

Священники.

Яковъ Ѳедоровъ,

Василій Алексеевъ,

Аѳанасій Ивановъ,

Иванъ Прохоровъ,

Антипъ Борисовъ,

Иванъ Борисовъ;

Діаконъ Ѳедоръ Михайловъ.

Въ Арзамасскомъ уездѣ убиты до смерти.

Гвардіи Коннаго полка Секундъ-Ротмистръ Иванъ Исуповъ, съ женою Ириною Петровою и съ дочерью Еленою и вдовою Настасьею,

Титулярнаго Совѣтника Ивана Бахметева дочь, Священникъ Василій Алексѣевъ,

Поручика Николая Языкова служитель Сергій Борисовъ,

Капитана Петра Ермолова дворовой челоѣкъ Егоръ Васильевъ,

Приказчикъ Паросень,

Секундъ-Маіора Князь Ивана Кольцова-Масальскаго земской Семень Алексѣевъ,

Прапорщика Алексѣя Дубенскаго приказчикъ Кондратій Андреевъ,

Служитель Иванъ Гуняевъ.

Въ городѣ Курмышѣ убиты до смерти.

Секундъ-Маіоры.

Василій Юрловъ,

Дмитрій Маковневъ,

Вдова Наталья Ульянина.

Курмышской Канцеляріи.

Квартирмистръ Александръ Филиповъ,

Канцеляристъ Михайла Еремеевъ.

Въ уездѣ Священники.

Аѳанасій Дмитріевъ,

Алексѣй Семеновъ,

Василій Антоновъ,

Гаврила Евтроповъ,

Гаврила Михайловъ,

Андрей Степановъ,

Михайла Дмитріевъ,

Петръ Ивановъ,

Андрей Алексѣевъ,

Григорій Матвѣевъ,

Михайла Васильевъ,

Федоръ Алексѣевъ.

Діаконы.

Андрей Ѳедоровъ,
 Василій Гавриловъ,
 Григорій Гавриловъ,
 Константинъ Васильевъ,
 Иванъ Михайловъ,
 Иванъ Никифоровъ,
 Иванъ Андреевъ,
 Михайла Ивановъ,
 Алексѣй Андреевъ,
 Иванъ Андреяновъ.

Дьячки.

Петръ Ивановъ,
 Иванъ Григорьевъ,
 Корнилъ Васильевъ,
 Иванъ Васильевъ,
 Василій Никитинъ,
 Петръ Аванасьевъ,
 Василій Ивановъ,
 Сергѣй Григорьевъ.

Понамари.

Петръ Ивановъ,
 Матвѣй Ивановъ,
 Василій Тимоѳеевъ,
 Егоръ Антоновъ,
 Петръ и Агаѳонъ Ѳедоровы,
 Дмитрій Ѳедоровъ,
 Илья Михайловъ,
 Семень Кузминъ,
 Статскаго Совѣтника Ивана Ермолаева прикащикъ
 Яковъ Реутовъ.

Курмышской инвалидной команды.

Поручикъ Тимоѳей Муромцовъ,
 Солдатъ Дмитрій Гусевъ,
 Подпоручикъ Иванъ Мантуровъ, съ дѣтьми Кири-
 домъ и Николаемъ,

Помѣщика Ларіона Любятинскаго староста Аеанасій Васильевъ;

Коллежской Совѣтницы Прасковьи Стражиной чело-
вѣкъ Ѳеодоръ Тимоѳеевъ;

Прапорщикъ Андрей Крашевъ,

Цѣвильской Канцеляріи Секретарь Никита По-
повъ, и жена его Татьяна Степанова.

Дворянскихъ людей:

Мужескаго пола четыре,

Женскаго два,

Малолѣтнихъ два,

Матросъ Абрамъ Васильевъ,

Духовныхъ двѣ кощиста Павла Попова сынъ
Василій,

Матросъ Иванъ Львовъ,

Священника Семена Иванова жена Прасковья Сте-
панова,

Сотникъ Иванъ Илдеряковъ.

Крестьяне:

Дмитрій Перфильевъ,

Петръ Никитинъ.

Города Ядринска въ разныхъ мѣстахъ убиты до
СМЕРТИ :

Священниковъ и причетниковъ съ ихъ женами
тридцать восемь.

Города Оренбурга въ крѣпостяхъ убиты до СМЕРТИ:

Въ Чернорѣченской крѣпости:

Капитанъ Нечаевъ.

Въ Татищевой:

Комендантъ, Полковникъ Елагинъ съ женою.

Въ Разсыпной:

Комендантъ, Секундъ-Маіоръ Веловской съ женою,

Капитанъ Савиничъ,

Поручикъ Кирпичевъ,

Прапорщикъ Осиповъ,

Священникъ одинъ,

Воинскихъ нижнихъ чиновъ, регулярныхъ и нерегулярныхъ двѣнадцать.

Въ Сорогинской:

Регулярныхъ шесть,
Разночинцевъ пять.

Въ Бузулукской:

Маіора Племянникова прикащикъ и староста,
Регистратора Арапова работникъ.

Въ Борской:

Отставной Капитанъ Петръ Роговъ,
Помѣщичьихъ крестьянъ два человѣка.

Въ Пречистенской:

Отставныхъ двѣнадцать человѣкъ.

Въ Зелаирской:

Адъютанта Бурунова жена Матрена Иванова съ прочими отставныхъ съ женами жъ въ числѣ четырехъ человѣкъ, съ пятью обонхъ половъ младенцами.

Въ Магнитной:

Священникъ одинъ,
Капитанъ Сергѣй Тихановской съ женою,
Отставныхъ солдатъ двое.

Въ Нижне-Озерной:

Комендантъ, Секундъ-Маіоръ Харловъ съ женою и братомъ ея.

Въ состоящей на Самарской дистанціи деревни Милоховой:

Отставной Капитанъ Трофимъ Милоховъ.

Въ городѣ Троицкѣ убиты до смерти:

Воевода, Секундъ-Маіоръ Варѣоломей Сталповской,
Товарищъ, Капитанъ Князь Алексѣй Чегодаевъ,
Съ приписью Михайла Скорняковъ,
Троицкихъ дворцовыхъ управительскихъ дѣлъ управитель Гофъ-фурьеръ Андрей Половинкинъ.

Въ уѣздѣ онаго:

Троицкой штатной команды солдаты:
Савелій Воловъ,
Степанъ Федоровъ,

Петръ Горбуновъ,
Разночинецъ Трофимъ Образцовъ,
Дворцовой крестьянинъ Григорій Павловъ,
Канцеляриста Ивана Григорьева дворовой чело-
вѣкъ Антошъ Яковлевъ.

Въ городѣ Краснослободскѣ убиты до смерти:

Воевода, Секундъ-Маіоръ Иванъ Селунской,
Секретарь Василій Тютрюмовъ,
Помѣщикъ, Капитанъ Данила Стальшинъ.

Въ уѣздѣ онаго:

Попъ Иванъ Яковлевъ,
Казеннаго дворцоваго Троицко-Острожскаго ви-
нокуреннаго завода сержантъ Никита Головъ.

Дворцовыхъ управительскихъ дѣлъ:

Въ должности стряпчаго Канцеляристъ Степанъ
Снѣжницкой, Канцеляристъ Семень Дубровской,
Дворянинъ Никита Степановъ,
Дворянинъ Юдинъ.

Въ городѣ Наровчатѣ убиты до смерти:

Воевода Леонасій Ценинъ,
Въ должности Секретаря Регистраторъ Семень Ко-
рольковъ,

Капраль Степанъ Кашинъ,
Священникъ Иванъ Ивановъ,

Города Инсары Воеводскаго товарища Юматова
дворовый челоѣкъ Савелій Ивановъ,

Проѣзжавшій челоѣкъ одинъ,

Наровчатской Канцеляріи отставной копіистъ
Александръ Соколовъ,

Помѣщика Драпова дворовой челоѣкъ Василій
Аниксеевъ,

Дворцовой крестьянинъ Иванъ Сорокинъ.

Въ городѣ Инсарѣ убиты до смерти:

Священники: Козма Семіоновъ, Андрей Мироновъ.
Инсарской инвалидной команды Секундъ-Маіоры:

Василій Денисьевъ, и

Жена его Наталья Петрова,

Андрей Кузьминъ, и
Жена его Фекла Емельянова,

Капитаны:

Дмитрій Купринъ,
Жена его Татьяна Григорьева;
Иванъ Щербаковъ,
Жена его Марѳа Иванова;
Петръ Кресниковъ.

Поручикъ:

Михайла Юрловъ,
Жена его Прасковья Юдина,

Подпоручики:

Алексѣй Пьянкинъ,
Жена его Меланья Евсевьева,
Сестра его Меланья Тимофеева,
Алексѣй Корниловъ,
Нефедъ Онуфриевъ,
Андрей Каряпинъ,
Жена его Ирина Иванова,
Подпоручика Андрея Турмышева жена его Пелагея
Петрова.

Прапорщики:

Прокофій Соксловъ,
Жена его Настасья Тимофеева,
Николай Козловъ,
Савва Агаѳоновъ,
Жена его Степанида Степанова,
Ротной Квартирмистръ Иона Стунетовъ,
Сержантъ Гаврила Маклаковъ,
Каптенармуса Прокофья Страхова жена Аксинья
Васильева.

Капралы:

Иванъ Васильевъ,
Игнатій Салынинъ,
Жена его Февронья Филопова,
Михайла Матвѣевъ,

Жена его Авдотья Ѳедорова,
Василій Тепловь,
Жена его Прасковья Игнатъева,
Павель Филимоновъ.

Солдаты:

Агапъ Голубчиковъ,
Захаръ Крыловъ,
Данцла Прокофьевъ,
Авдей Мелеховъ,
Иванъ Юдинъ,
Никита Бельяниновъ,
Василій Ногинъ,
Владиміръ Иванцовъ,
Ѳедоръ Трофимовъ,
Степанъ Евсигнеевъ,
Алексѣй Ппрожковъ,
Иванъ Вилкинъ,
Александръ Карауловъ,
Козма Паршинъ,
Михайла Бакаевъ,
Ѳедоръ Назаровъ,
Иванъ Букаевъ,
Титъ Хомовъ,
Осипъ Леонтьевской,
Петръ Шадринъ,
Яковъ Мадрыгинъ,
Ѳедотъ Ѳедоровъ,
Жена его Агаея Григорьева,
Гаврила Лосевъ,
Жена его Прасковья Васильева,
Василій Петинъ,
Жена его Устинья Артемьева,
Елисей Чекановъ, жена его Настасья Иванова,
Солдата Герасима Киселева жена Ненила Титова,
Солдата Григорья Иконникова жена Ѳедосья
Степанова,
Канцеляристъ Иванъ Андреевъ.

ИНСАРСКОЙ ШТАТНОЙ КОМАНДЫ:

Солдаты:

Борисъ Шульгинъ,
 Антонъ Кампилинъ,
 Сторожъ Перфиль Герасимовъ,
 Купецъ Филиппъ Соснинъ.

Подпоручики:

Алексѣй Голосенъ,
 Фѣдоръ Голосенъ, сестра его Анна Иванова,
 Корнетъ Дмитрій Голосенъ, жена его Матрена
 Никитина,
 Московскаго купца Рюмина прикащикъ Максимъ
 Евстратовъ.

ПЕНЗЕНСКАГО УѢЗДА:

Изъ дворянъ отставной драгунъ Егоръ Улянинъ,
 Жена его Настасья Михайлова,
 Сестра ея Катерина Михайлова жъ.

АЛАТЫРСКАГО УѢЗДА:

Поручикъ Прокофій Лукинъ,
 Жена его Пелагея Никифорова.

НАРОВЧАТСКАГО УѢЗДА:

Прапорщикъ Николай Ермоловъ.

ТЕМНИКОВСКАГО УѢЗДА:

Татаръ шестнадцать человекъ,
 Помѣщика Платона Орлова прикащикъ, а какъ
 его звали, неизвѣстно.

ВЪ ИНСАРСКОМЪ УѢЗДѢ:

Поручика Василья Губарева крестьянинъ Тимофей
 Гавриловъ,
 Секундъ-Маіоръ Василій Ягодинской,
 Жена его Татьяна Иванова,
 Недоросль Князь Онисимъ Чюрмантеевъ,
 Жена его Авдотья Данилова,
 Артиллеріи Маіоръ Николай Печаевъ.

Исарской инвалидной команды Секундъ-Маіоры:

Гаврила Помеловъ,
 Кирила Муратовъ,
 Поручикъ Петръ Долговъ,
 Частной Смотритель, Капитанъ Князь Максимъ
 Чурмантеевъ,
 Помѣщицы Елисаветы Шепелевой прикащикъ
 Андрей Карповъ,
 Коллежскій Ассесоръ Иванъ Кожинъ,
 Жена его Татьяна Сергѣева,
 Дочери ихъ, дѣвицы: Аграфена,
 Авдотья,
 Варвара,
 Мать его Кожина, Авдотья Николаева,
 Премьеръ-Маіоръ Семень Мерзлятьевъ,
 Жена его Анна Петрова;
 Управитель, Прапорщикъ Перфілій Унковской,
 Подполковника Дмитрія Чуфаровскаго прикащикъ
 Яковъ Никифоровъ,
 Жена его Афімья Матвѣева,
 Поручика Андрея Мневскаго жена Катерина Ми-
 хайлова,
 Отставной солдатъ Павелъ Енолеевъ,
 Поручикъ Ермолаевъ.
 Дворянщъ Веденяшщъ,
 Помѣщица Мещеринова.

Въ Шацкомъ уездѣ убиты до смерти:

Попъ Осипъ,
 Діаконъ Василій,
 Дьячекъ,
 Пономарь Михайла,
 Прапорщица Анна Мальцова,
 Помѣщица Александра Ханькова,
 Прикащикъ Юма Никифоровъ,
 Питейныхъ сборовъ служитель, однодворецъ Игнатъ
 Бѣлозерцовъ,
 Поручикъ Яковъ Огалинъ съ сыномъ Львомъ,

Помѣщицы Княгини Дашковой прикащикъ Тимоѣей
Федоровъ,

Питейныхъ сборовъ служитель, Кунгурской купецъ
Яковъ Носковъ,

Одноворческія дѣти : Степанъ и Петръ Подья-
польскіе,

Генераль - Маіора Никиты Смирнова прикащикъ
Иванъ Петровъ, жена его Улита Иванова,

Титулярной Совѣтницы Анны Посниковой прика-
щикъ Андрей Родіоновъ,

Цѣловальникъ одинъ,

Помѣщика Николая Колычева прикащикъ Михайла
Андреевъ съ женою.

Помѣщица вдова Татьяна Пятова,

Помѣщица Агаѣя Якутина,

Корнетъ Евстратъ Евсюковъ.

Писчики : Иванъ Кучуровъ, Степанъ Дивесвъ,

Помѣщика Кольцова - Масальскаго прикащикъ
Восковъ,

Подполковникъ Осипъ Кузмищевъ,

Одноворець Матвѣй Тверитиновъ.

Поручики : Филиппъ Тенишевъ, Николай Реткинъ,

Вахмистръ Козма Марковъ,

Помѣщика Александра Васильчикова прикащикъ,

Полковника Василья Измайлова прикащикъ Семень
Мартыновъ,

Полковника Князь Александра Большаго - Черкас-
скаго сотской Степанъ Федоровъ.

Въ городѣ Темниковѣ убиты до смерти :

Питейныхъ сборовъ повѣренной Яковъ Кленовъ,

Поручица вдова Прасковья Ребинина,

Капитанъ Дмитрій Кочеевъ,

Подпоручикъ Князь Михайла Мансыревъ,

Прапорщикъ Николай Ермоловъ

Гвардіи капраль, Князь Илья Епикеевъ, жена его
Матрена Давыдова,

Гвардіи капраль, Князь Василій Девлеткильдеевъ,

Капитана Александра Мошкова прикащикъ Терентій Ивановъ,
Татаринъ Аяся Халеевъ.

Въ Тамбовскомъ уѣздѣ убиты до смерти:

Поручика Аѳанасья Сатина прикащикъ,
Изъ дворянъ отставной ротный Квартирмейстеръ
Максимъ Даскинъ,

Изъ однопорцевъ отставной капралъ Василій
Мишинъ,

Надворнаго Совѣтника Ивана Мосолова крестьян-
нинъ Семень Бирюковъ.

Въ городѣ Нижнемъ-Ломовѣ Убиты до смерти:

Священникъ Иванъ Ивановъ,
Поручикъ Петръ Анучинъ,
Секундъ-Маіоръ Степанъ Евсюковъ,
Капитанъ Яковъ Калмыковъ,
Поручикъ Иванъ Симаковъ,
Прапорщикъ Тихонъ Масловъ,
Прапорщикъ Василій Кашшовъ,
Маіоръ Иванъ Соколовъ,

Въ уѣздѣ:

Секретарь Никита Григорьевъ сынъ Подгорновъ,
жена его Ирина Степанова,

Сноха его, Авдотья Петрова,

Прапорщикъ Иванъ Слѣпцовъ, жена его Акулина
Алексѣева,

Подпоручикъ Алексѣй Слѣпцовъ, жена его Аграфѣна
Сергѣева,

Капитанъ Лаврентій Слѣпцовъ,

Каптенармусъ Ѳедоръ Слѣпцовъ, жена его Марья
Степанова,

Прапорщикъ Василій Лепуновъ,

Сержантъ Александръ Микешинъ, жена его Анна
Андреева,

Князь Михайла Мансѣревъ,

Прапорщикъ Петръ Скорятинъ,

Капитанъ Князь Семень Мамлѣевъ,

Прапорщикъ Князь Спиридонъ Мамлѣвъ,
 Поручикъ Князь Михайла Ишеевъ,
 Прапорщика Василья Гедеева жена Анна Фи-
 латьева,

Поручица Авдотья Малахова,
 Поручица Евгенія Исаева,
 Подпрапорщикъ Иванъ Малаховъ, жена его Марья
 Михайлова, дочь дѣвица Агаѣя,
 Князь Василій Петровъ сынъ Кугушевъ,
 Маіоръ Ѳедоръ Никифоровъ,
 Надворный Совѣтникъ Василій Иванчинъ, жена
 его Авдотья Родіонова,

Сынъ ихъ Поручикъ Акимъ Иванчинъ, жена его
 Ирина Ѳедорова,
 Протоколистъ Михайла Дедекинъ.

Въ городѣ Верхнемъ-Ломовѣ убиты до смерти:

Премьеръ-Маіоръ Иванъ Болоцкой.
 Капитаны: Иванъ Степановъ, Иванъ Дьяконовъ;
 Подпоручикъ Никита Суколеновъ,
 Поручикъ Нефедъ Евлаховъ,
 Солдатъ Ѳедоръ Леплинъ,
 Изъ дворянъ канцеляристъ Михайла Смирновъ,
 жена его Афімья Иванова,
 Воеводскато Товарища Нетецкаго дворовой чело-
 вѣкъ Дмитрій Никигинъ,
 Воеводской Товарищъ, Титулярный Совѣтникъ
 Петръ Нетецкой,
 Дворянская жена вдова Ульяна Сурина,
 Надворный Совѣтникъ Никифоръ Хомяковъ,
 Подпоручикъ Капитанъ Вышеславцовъ,
 Помѣщика Василья Титова, прикащикова жена
 Ульяна Козмина,
 Надворный Совѣтникъ Иванъ Богдановъ, жена его
 Наталья Иванова,
 Прапорщикъ Ефімъ Юматовъ, жена его Ирина
 Леонтьева,
 Дочь ихъ малолѣтная Марья,

Прапорщикъ Пантелѣй Трунинъ, жена его Прасковья
Ефимова,
Поручикъ Ѳедоръ Мосалавъ,
Фурьеръ Иванъ Мещеринновъ,
Канцеляристъ Никифоръ Смирновъ,
Секундъ-Маіора Ивана Вышеславцова жена Лукерья
Иванова,
Вхлѣстръ Максимъ Хомяковъ,
Дворянинъ Петръ Веденяпинъ,
Сынъ его, Поручикъ Кандратій,
Помѣщика Матвѣя Дубасова крестьянинъ Спири-
донъ Анофріевъ,
Капитанша Анна Болкошнина,
Инвалидный солдатъ Лукіанъ Курочкинъ,
Корнетъ Иванъ Мещеринновъ,
Прапорщикъ Артамонъ Шмаковъ,
Поручика Константина Веденяпина жена Пелагея
Леонтьева,
Подпоручика Михайла Веденяпина жена Марья
Алексѣева;
Маіоръ Иванъ Григоровъ,
Племянница его Авдотья Иванова,
Экономическій Казначей, Поручикъ Андрей Мол-
чановъ,
Подпоручика Алексѣя Вышеславцова жена Матрена
Иванова,
Прапорщикъ Григорій Евсюковъ,
Прапорщика Пантелѣя Трунина крестьянинъ, а
какъ зовутъ, неизвѣстно,
Помѣщика Языкова прикащикъ Егоръ Григорьевъ,
Вдова Поручица Татьяна Врацкая,
Татаринъ Бикмай Дубинъ,
Незнаемой офицеръ,
Помѣщица Авдотья Волженская,
Подпоручикъ Василій Вышеславцовъ,
Поручика Фоки Исаева жена Евгенія Андреева,
Генераль-Поручика и Кавалера Амшля Шенелева
служитель Иванъ Улановъ.

САМАРСКОЙ ДИСТАНЦИИ, ВЪ БОРСКОЙ КРѢПОСТИ, УБИТЫ ДО СМЕРТИ:

Переводчикъ Араповъ,
Отставной Капитанъ Петръ Роговъ,
Хилковскихъ крестьянъ два человѣка,
Отставныхъ конной гвардіи два,
Тайнаго Совѣтника Обухова крестьянъ два.

Въ городѣ Саратовѣ убиты до смерти:

Отставной Прапорщикъ Артамонъ Шахматовъ,
Полевой Артиллеріи сержантъ Павелъ Шахматовъ,
Отставной Прапорщикъ Козма Рахманиновъ.
Поручика Матвѣя Селезнева жена вдова Марья
Иванова,

Отставной Прапорщикъ Алексѣй Протопоповъ,
Отставной Прапорщикъ Аванасіи Колыгинъ,
Изъ дворянъ Коллежскій Регистраторъ Иванъ
Аврамовъ,

Жена его Ирина Иванова,
Бывшаго Саратовскаго Коменданта Томаса Юнгера
жена вдова Шарлотта Крестьянова,

Корнетъ Гаврила Болотинъ,
Жена его Фекла Алексѣева;
Дѣти: Федоръ,
Григорій,
Дочь Степанида,
Теща того Болотина, Марѳа Ильина;
Дворянина Алексѣя Болотина жена Авдотья Сте-
панова.

Дѣти: Сынъ Никифоръ,
Дочери: Меланья, Марѳа;
Дворянинъ Степанъ Родіоновъ,
Отставной Прапорщикъ Михайла Ахматовъ,
Дворянинъ Яковъ Болотинъ,
Отставной Прапорщикъ Григорій Артамоновъ сынъ
Быковъ.

Саратовскаго Баталіона Секундъ-Маіоры:

Петръ Астафѣевъ.
Иванъ Мосаловъ.

Капитаны :

Семень Агишевъ,
Василій Портновъ,
Андрей Маматовъ.
Алексѣй Патаевъ,

Поручики :

Иванъ Пироговъ,
Михайла Меренковъ.

Прапорщики :

Иванъ Улановъ,
Евдокимъ Портновъ,
Лекаръ Юганъ Рамеловъ,
Бывшій въ городъ Петровскѣ Смотритель надъ
межевщиками Коллежскій Ассесоръ Борисъ Наиккуль.
Команды его : Подпоручикъ Федоръ Спшжарновъ,
Прапорщикъ Петръ Скуратовъ,
Корнетъ Петръ Калмыковъ.

Вѣдомства Конторы Опекунства Иностраннѣхъ :

Поручики : Михайла Ермолаевъ съ женою,
Иванъ Широковъ съ женою,
Прапорщикъ Иванъ Ушаковъ,
Протоколестъ Иванъ Образцовъ,
Регистраторъ Иванъ Виншъ,
Аптекарь Иванъ Аменде.

Артиллерійскаго перваго фузелернаго полку :

Капитанъ Князь Андрей Баратаевъ,
Поручикъ Михайла Будановъ,
Подпоручикъ Василій Хотяинцовъ,
Штыкъ-юнкеръ Адрианъ Федоровъ,
Лекаръ Семень Рудзевичъ.

**Въ городъ Дмитріевскѣ, что на Камышенкѣ, убиты
до смерти :**

**Полковникъ и Дмитріевской Комендантъ Каспаръ
Меллинъ,**

Капитанъ Семень Агишевъ,
Городовой Лекаръ Степанъ Бѣлевъ, жена его
Катерина Федорова, дочь, дѣвица Матрена.

Бывшіе въ Николаевской слободѣ при Соляномъ Комисарствѣ:

Присутствующій, Титулярной Совѣтникъ Илья Башиловъ,

Поручикъ Сергѣй Богатыревъ.

Въ городѣ Царицынѣ убиты до смерти:

Легкой полевой команды Командиръ, Секундъ-Маіоръ Баронъ фонъ-Дицъ;

Капитаны:

Дмитрій Шеншинъ,

Иванъ Шиловъ;

Поручики:

Дмитрій Денисьевъ,

Александръ Рокотовъ,

Адъютантъ Семень Романовъ;

Прапорщики:

Александръ Палчевскій,

Илья Булашевъ,

Иванъ Буткевичъ,

Лекарь Даніель Амбразнусъ.

Царицынскихъ баталіоновъ,

Перваго:

Поручикъ Иванъ Климовъ,

Втораго:

Подпоручикъ Алексѣй Книгинъ;

Въ Волскомъ войскѣ убиты до смерти:

Войсковой Старшина Григорій Поляковъ.

Депутатъ Андрей Дьячковъ,

Московского легіона Казачьей команды отставной Прапорщикъ, Иванъ Хуторсковъ.

Казаки:

Петръ Зайченковъ,

Петръ Грековъ,

Яковъ Грековъ.

Въ Новохоперскомъ уездѣ:

Частный Смотритель Новохоперскаго баталіона, Подпоручикъ Павелъ Еглевской,

Подпоручикъ Филиппъ Тенишевъ,
Однодворецъ Матвѣй Тверитиновъ,
Господъ Нарышкиныхъ приказчикъ Лука Невзоровъ.

Малороссіянинъ Николай Ракитиновъ;

Означенныхъ же господъ Нарышкиныхъ приказчикъ Иванъ Еврепновъ, жена его Наталья, теща его Татьяна Григорьева.

103. См. Benjamin Bergmann's nomadische Streifereien u. s. w.

104. Мавринъ съ 1773 года находился при Бибиковѣ; онъ отряженъ былъ отъ Секретной Комисіи въ Яицкой городокъ, гдѣ и производилъ слѣдствіе. Мавринъ отличился умѣренностію и благоразуміемъ.

105. Императрица 22 Октября 1774 года писала Вольтеру: *Volontiers, Monsieur, je satisferai votre curiosité sur le compte de Pougatschef: ce me sera d'autant plus aisé, qu'il y a un mois qu'il est pris, ou pour parler plus exactement qu'il a été lié et garotté par ses propres gens dans la pleine inhabitée entre le Volga et le Jaick, où il avoit été chassé par les troupes envoyées contre eux de toutes parts. Privés de nourriture et de moyens pour se ravitailler, ses compagnons excédés d'ailleurs des cruautés qu'ils commettoient et espérant obtenir leur pardon, le livrèrent au commandant de la forteresse du Jaick qui l'envoya à Simbirsk au général comte Panine. Il est présentement en chemin pour être conduit à Moscou. Ammené devant le comte Panine, il avoua naïvement dans son interrogatoire qu'il étoit cosaque du Don, nomma l'endroit de sa naissance, dit qu'il étoit marié à la fille d'un cosaque du Don, qu'il avoit trois enfants, que dans ces troubles il avoit épousé une autre femme, que ses frères et ses neveux servoient dans la première armée, que lui même avoit servi, les deux premiers campagnes, contre la porte, etc. etc.*

Comme le général Panine a beaucoup de cosaques du Don avec lui, et que les troupes de cette nation n'ont jamais mordu à l'hameçon de ce brigand, tout

ceci fut bientôt vérifié par les compatriotes de Pougatscheff. Il ne sait ni lire, ni écrire, mais c'est un homme extrêmement hardi et déterminé. Jusqu'ici il n'y a pas la moindre trace qu'il ait été l'instrument de quelque puissance, ni qu'il ait suivi l'inspiration de qui que ce soit. Il est à supposer que M^r. Pougatschef est maître brigand, et non valet d'âme qui vive.

Je crois qu'après Tamerlan il n'y en a guère un qui ait plus détruit l'espèce humaine. D'abord il faisoit pendre sans rémission, ni autre forme de procès toutes les races nobles, hommes, femmes et enfants, tous les officiers tous les soldats qu'il pouvoit attraper: nul endroit, où il a passé n'a été épargné: il pilloït et saccageoit ceux même, qui pour éviter ses cruautés, cherchoient à se le rendre favorable par une bonne réception: personne n'étoit devant lui à l'abri du pillage, de la violence et du meurtre.

Mais ce qui montre bien jusqu'où l'homme se flatte, c'est qu'il ose concevoir quelque espérance. Il s'imagine qu'à cause de son courage, je pourrai lui faire grâce, et qu'il feroit oublier ses crimes passés, par ses services futurs. S'il n'avait offensé que moi, son raisonnement pourroit être juste et je le pardonnerois. Mais cette cause est celle de l'empire qui a ses loix.

106. Le marquis de Pougatschef dont vous me parlez encore dans votre lettre du 16 décembre, a vécu en scélerat et va finir en lâche. Il a paru si timide et si faible en sa prison, qu'on a été obligé de le préparer à sa sentence avec précaution, crainte qu'il ne mourût de peur sur le champ. — (*Письмо Императрицы къ Вольтеру, отъ 20 Декабря 1774 года.*)

107. «Въ скоромъ времени по прибытіи нашемъ въ Москву, я увидѣлъ позорище, для всѣхъ чрезвычайное, для меня же и новое: смертную казнь; жребій Пугачева рѣшился. Онъ осужденъ на четвертованіе. Мѣсто казни было на такъ называемомъ болотѣ.

«Въ цѣломъ городѣ, на улицахъ, въ домахъ, только и было рѣчей объ ожидаемомъ позорищѣ. Я и братъ

нетерпѣливо желали быть въ числѣ зрителей; но мать моя долго на то не соглашалась. Наконецъ, по убѣжденію одного изъ нашихъ родственниковъ, она ввѣрила насъ ему подѣ строгимъ наказомъ чтобъ мы ни на шагъ отъ него не отходили.

«Это происшествіе такъ врѣзалось въ память мою, что я надѣюсь и теперь съ возможною вѣрностію описать его, по крайней мѣрѣ, какъ оно мнѣ тогда представлялось.

«Въ десятый день Января тысяча семь сотъ семьдесятъ пятаго года, въ восемь или девять часовъ по полуночи, пріѣхали мы на болото; на серединѣ его воздвигнуть былъ эшафотъ, или лобное мѣсто, вокругъ коего построены были пѣхотные полки. Начальники и офицеры имѣли знаки и шарфы сверхъ шубъ, по причинѣ жестокаго мороза. Тутъ же находился и Оберъ-Полицеймейстеръ Архаровъ, окруженный своими чиновниками и ординарцами. На высотѣ или помостѣ лобнаго мѣста увидѣлъ я съ отвращеніемъ въ первый разъ исполнителей казни. Позади фрунта все пространство болота, или, лучше сказать, низкой долины, всѣ кровли домовъ и лавокъ, на высотахъ съ обѣихъ сторонъ ея, усѣяны были людьми обоого пола и различнаго состоянія. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки каретъ и колясокъ. Вдругъ все восколебалось, и съ шумомъ заговорило: *везутъ, везутъ!* Вскорѣ появился отрядъ кирасиръ, за нимъ необыкновенной высоты сани, и въ нихъ сидѣлъ Пугачевъ; насупротивъ духовникъ его, и еще какой-то чиновникъ, вѣроятно Секретарь Тайной Экспедиціи; за санями слѣдовалъ еще отрядъ конницы.

«Пугачевъ, съ непокрытою головою, кланялся на обѣ стороны, пока везли его. Я не замѣтилъ въ чертахъ лица его ничего свирѣпаго. На взглядъ онъ былъ сорока лѣтъ; роста средняго, лицомъ смугль и блѣдень; глаза его сверкали; носъ имѣлъ

кругловатый; волосы, помнится, черныя, и небольшую бороду клиномъ.

«Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ препровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ, раздалось повелительное слово: *на караулъ*; и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ. Почти каждое слово до меня доходило.

«При произнесеніи чтеніемъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, Оберъ-Полицеймейстеръ спрашивалъ его громко: «Ты ли Донской казакъ Емелька Пугачевъ?» Онъ столь же громко отвѣтствовалъ: «такъ, государь, я Донской казакъ, Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ.» Потомъ, во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на соборъ, часто крестился, между тѣмъ, какъ сподвижникъ его Перфильевъ, не малаго роста, сутулый, рябой и свирѣловидный, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю ¹. По прочтеніи манифеста, духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ сдѣлалъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратясь къ соборамъ; потомъ съ уторопленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимся голосомъ: «прости, народъ православный; отпусти мнѣ, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою; прости, народъ православный!»—При семь словъ Экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣвать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ; стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтаныя. Тогда онъ сплеснулъ руками, опрокинулся навзничъ, и вмигъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухъ: палачъ взмахнулъ ее за волосы. Съ Перфильевымъ послѣдовало то же.—
(Изъ неизданныхъ записокъ И. И. Дмитріева.)

¹ По словамъ другихъ свидѣтелей, Перфильевъ на эшафотъ одурѣлъ отъ ужаса;—можно было принять его безчувствіе за равнодушіе.

Подробности сей казни разительно наминаютъ казнь другаго Донскаго казака, свирѣпствовавшаго за сто лѣтъ предъ Пугачевымъ, почти въ тѣхъ же мѣстахъ и съ такими же ужасными успѣхами, См. *Rélation des particularités de la rebellion de Stenko-Razin contre le grand Duc de Moscovie. La naissance. le progrès et la fin de cette rebellion; avec la manière dont fut pris ce rebelle, sa sentence de mort et son execution, traduit de l'Anglois, par C. Desmares. MDCLXXXII.*— Книга сія весьма рѣдка; я видѣлъ одинъ экземпляръ оной въ библиотекѣ А. С. Порова, нынѣ принадлежащей Князю О. И. Трубецкому.

108. См. Приложенія I.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЯТАГО ТОМА.

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Начало Яицкихъ Казаковъ. — Поэтическое преданіе. — Царская Грамота. — Грабежи на Каспійскомъ морѣ. — Стенька Разинъ. — Нечай и Шамай. — Предположенія Петра Великаго. — Внутренній безпокойства. — Побѣгъ кочующаго народа. — Бунтъ Яицкихъ Казаковъ. — Ихъ усмиреніе..... *Стр.* 4

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Появленіе Пугачева. — Бѣгство его изъ Казани. — Показанія Коженикова. — Первые успѣхи самозванца. — Измѣна Илецкихъ Казаковъ. — Взятіе крѣпости Разыиной. — Нурали-Ханъ. — Распоряженіе Рейнсдорна. — Взятіе Нижне-Озерной. — Взятіе Татищевой. — Совѣтъ въ Оренбургѣ. — Взятіе Чернорѣченской. — Пугачевъ въ Сакмарскѣ..... 12

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Мѣры Правительства. — Состояніе Оренбурга. — Объявленіе Рейнсдорна о Пугачевѣ. — Разбойникъ Хлопуша. — Пугачевъ подъ Оренбургомъ. — Бердская слобода. — Сообщники Пугачева. — Генераль-Маіоръ Каръ. — Его неудача. — Гибель Полковника Чернышева. — Каръ оставляетъ армію. — Бибиковъ..... 31

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дѣйствія мятежниковъ. — Маіоръ Заевъ. — Взятіе Ильинской крѣпости. — Смерть Камешкова и Воронова. — Состояніе Оренбурга. — Осада

Яицкаго городка. — Сраженіе подъ Бердою. — Бибииковъ въ Казани. — Екатерина II, помѣщица Казанская. — Мнѣніе Европы. — Вольтеръ. — Указъ о домѣ и семействѣ Пугачева	55
--	----

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Распоряженія Бибиикова. — Первые успѣхи. — Взятіе Самары и Заинска. — Державинъ. — Михельсонъ. — Продолженіе осады Яицкаго городка. — Свадьба Пугачева. — Разореніе Яицкой защиты. — Смерть Лысова. — Сраженіе подъ Татищевой. — Бѣгство Пугачева. — Казнь Хлопуши. — Освобожденіе Оренбурга. — Пугачевъ разбитъ вторично. — Сраженіе при Чесноковкѣ. — Освобожденіе Уфы и Яицкаго городка. — Смерть Бибиикова	73
--	----

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Новые успѣхи Пугачева. — Башкирецъ Салаватъ. — Взятіе Сибирскихъ крѣпостей. — Сраженіе подъ Троицкою. — Отступленіе Пугачева. — Первая встрѣча его съ Михельсономъ. — Преслѣдованіе Пугачева. — Бездѣйствіе войскъ. — Взятіе Осы. — Пугачевъ подъ Казанью . . .	98
--	----

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пугачевъ въ Казани. — Бѣдствіе города. — Появленіе Михельсона. — Три сраженія. — Освобожденіе Казани. — Свиданіе Пугачева съ его семействомъ. — Опроверженіе клеветы. — Распоряженіе Михельсона . .	113
---	-----

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Пугачевъ за Волгою. — Общее смятеніе. — Письмо Геперада Ступишина. — Намѣреніе Екатерины. — Графъ П. Ив. Панинъ. — Движеніе войскъ. — Взятіе Пензы. — Смерть Всеволожскаго. — Споры Держа- вина съ Бошнякомъ. — Взятіе Саратова. — Пугачевъ подъ Царичнымъ. Смерть Астронома Ловица. — Пораженіе Пугачева. — Суворовъ. — Пугачевъ выданъ Правительству. — Разговоръ его съ Графомъ Пани- нымъ. — Судъ надъ Пугачевымъ и надъ его сообщниками. — Казнь бунтовщиковъ	125
---	-----

ПРИМѢЧАНІЯ	153
----------------------	-----

СОЧИНЕНИЯ

Александра Пушкина.

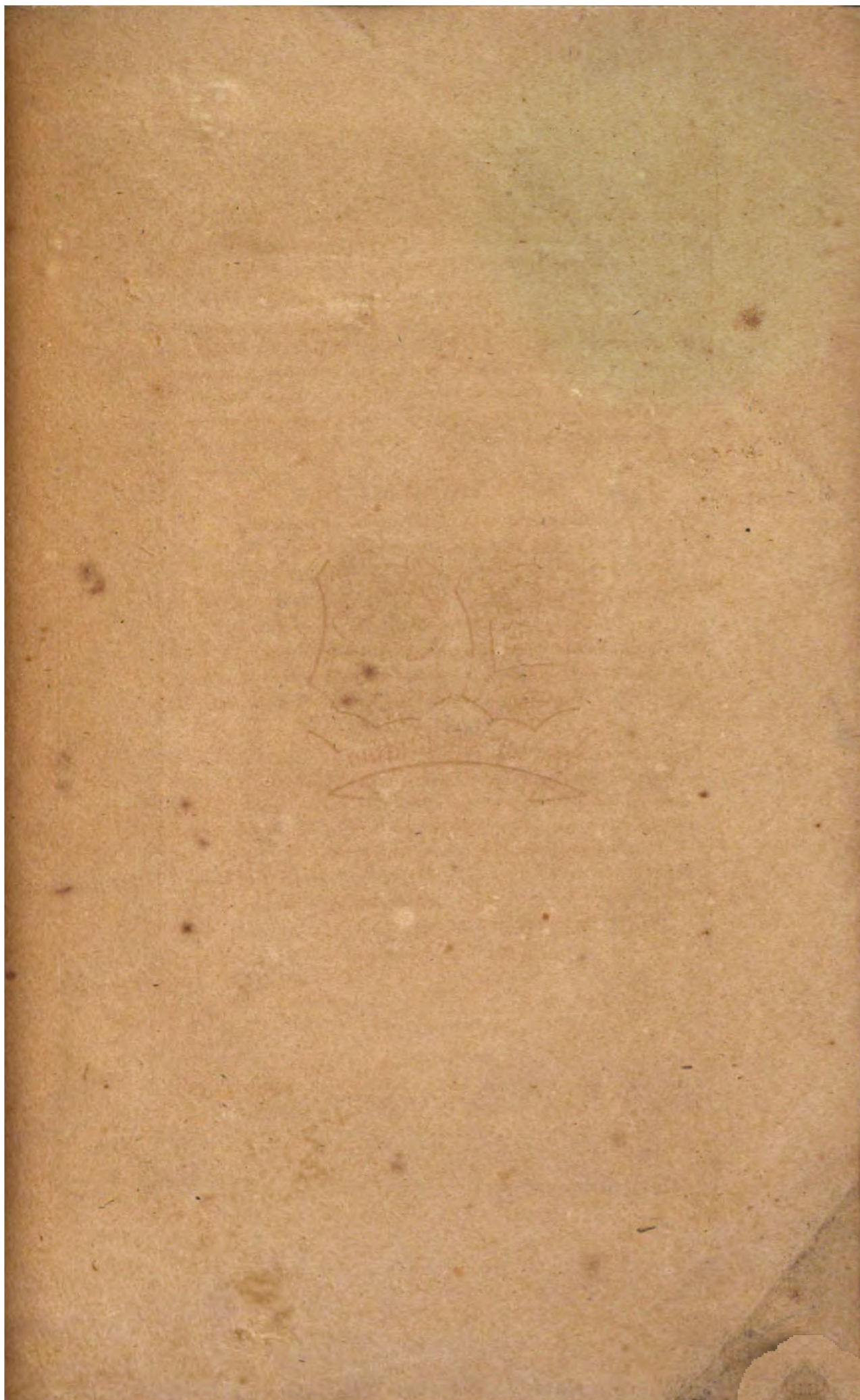
ТОМЪ ПЯТЫЙ.

5.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

MDCCCXXXVIII.

T 37

783567

